

**КУЛЬТУРА
НАРОДОВ
ДАЛЬНОГО
ВОСТОКА
СССР (XIX—XX вв.)**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ НАРОДОВ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА

КУЛЬТУРА
НАРОДОВ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА
СССР (XIX—XX вв.)

Владивосток
1978

Сборник «Культура народов Дальнего Востока СССР (XIX—XX вв.)» содержит статьи по этнографии, истории, лингвистике, литературоведению, фольклористике.

Статьи написаны на основе архивных и экспедиционных материалов, собранных авторами у различных народов и этнических групп. В них содержатся обзоры о деятельности исследователей и писателей Дальнего Востока, освещены вопросы историографии народов Дальнего Востока, искусства (танцы, художественная обработка металла, народная музыка), отдельные вопросы лингвистики (грамматики, лексики) и другие.

Сборник будет полезен всем, кто интересуется проблемами истории и культуры народов Дальнего Востока.

Издано по решению Редакционно-издательского совета
Дальневосточного научного центра АН СССР

Редколлегия:

Л. И. СЕМ (отв. ред.), Ю. А. СЕМ, Л. Е. ФЕТИСОВА

**XXV СЪЕЗД
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА,
ИТОГИ И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ
ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ
ДАЛЬНОГО ВОСТОКА СССР**

Л. И. Сем, Ю. А. Сем

Знаменательной вехой в истории нашей страны явился XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза. Он оказал и продолжает оказывать влияние на многие общественно-политические процессы, происходящие как в нашей стране, так и во всем мире.

В Отчетном докладе Центрального Комитета партии Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев говорил о большой роли советской науки в современном научно-техническом прогрессе: «Курс партии состоит в том, чтобы и впредь проявлять постоянную заботу о развитии большой науки, ее главном штабе — Академии наук, 250-летний юбилей которой широко отмечался прошлой осенью. Там сосредоточен цвет нашей науки — умудренные опытом основатели научных школ и направлений и наиболее талантливые молодые ученые, прокладывающие новые пути к вершинам знаний. Партия высоко ценит деятельность академии и будет поднимать ее роль как центра теоретических исследований, координатора всей научной работы в стране» [1].

Цель данной статьи — показать, как эти основополагающие тенденции развития советской науки нашли воплощение в деле изучения истории и культуры народов Дальнего Востока СССР.

В октябре 1954 г. в Дальневосточном филиале им. В. Л. Комарова АН СССР по инициативе профессора, ныне академика, А. П. Окладникова был открыт отдел истории, археологии и этнографии, в котором, начиная с 1955 г., стали вестись планомерные исследования в области истории, этнографии и ономастики народов Дальнего Востока.

В первый период в истории изучения народов Дальнего Востока (1954—1961 гг.) был создан экспедиционный этнографо-филологический отряд Дальневосточного филиала им. В. Л. Комарова Сибирского отделения АН СССР. Полевые

работы проводились на территории Приморского и Хабаровского краев среди различных групп нанайцев, ульчей, негидальцев, удэгейцев. Собранные материалы по истории, этнографии, языкам и фольклору были обобщены в научных отчетах [2].

Тематика исследований охватывала проблемы формирования и распада родовой организации у нанайцев, сложение их материальной культуры, ее изменения на протяжении XIX—XX вв. Подготовлены историко-этнографические очерки об удэгейцах и орочах, начато изучение говоров и диалектов языков народов Дальнего Востока, описан бикинский (уссурийский) диалект нанайского языка. Некоторые итоги экспедиционной и исследовательской деятельности этого периода были опубликованы в статьях и монографиях [3].

В результате этой работы в структуре отдела истории, археологии и этнографии Дальневосточного филиала им. В. Л. Комарова произошли изменения. Так, в 1962 г. в его составе были выделены первые секторы, в том числе сектор этнографии и филологии, сотрудники которого стали работать над проблемой «Социально-экономическая, политическая и культурная история народов Дальнего Востока».

Во второй период этих исследований (1962—1970 гг.) были значительно расширены штаты, что позволило включить новые темы и развернуть полевые работы на территории Приморского и Хабаровского краев, Амурской, Сахалинской, Камчатской, Магаданской областей среди нанайцев, ульчей, нивхов, эвенов, негидальцев, удэгейцев, орочей, тазов, ороков, ительменов, русских, украинцев, белорусов, эстонцев.

Собранные полевые материалы, их обобщение нашли отражение в научных отчетах [4].

В эти годы этнографические и филологические исследования в Дальневосточном филиале им. В. Л. Комарова получили наибольшее развитие. Изучались история народов Дальнего Востока, влияние Великой Октябрьской социалистической революции и социалистического строительства на жизнь дальневосточных народов; взаимоотношения народов и взаимопроникновение их культур; исследовались декоративно-прикладное искусство, языки, говоры и диалекты, многонациональный фольклор Дальнего Востока.

Продолжалось накопление материалов по топонимике и антропонимике Дальнего Востока. Сотрудники сектора этнографии и филологии приступили к созданию картотеки «Топонимы Дальнего Востока».

Составлялась большая библиография русской, советской и зарубежной литературы по теме «История и культура народов Дальнего Востока»; для будущего музея этнографии народов Дальнего Востока были собраны первые коллекции предметов быта, культуры, орудий производства.

Значительные сдвиги произошли в подготовке квалифици-

рованных кадров этнографов и филологов. Вначале защиты диссертаций проходили в Москве и Ленинграде¹. Позднее были разрешены защиты диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности этнография в Объединенном ученом совете Дальневосточного филиала им. В. Л. Комарова Сибирского отделения Академии наук СССР². Это позволило расширить объем этнографических исследований и завершить организационное оформление подразделений общественного направления.

Третий период (с 1971 г. по наши дни) в истории изучения этнографии, истории и филологии народов Дальнего Востока характеризуется повышением эффективности исследовательских работ в этом направлении. Произошли важные структурные изменения. В 1970 г. из состава сектора этнографии и филологии был выделен сектор востоковедения и группа филологии, а с образованием Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного научного центра АН СССР были созданы сектор этнографии и антропологии и сектор филологии, объединившие несколько научных направлений.

В этот период изучение истории и культуры народов Дальнего Востока проводилось по следующим темам: «История Дальнего Востока СССР от эпохи первобытнообщинных отношений до наших дней», «Социально-экономическая, политическая и культурная история народов Дальнего Востока», «Закономерности и особенности развития языков, фольклора и литературы народов Дальнего Востока». После завершения этих тем в 1975 г. оба сектора приступили к разработке коллективной темы «История и культура народов Дальнего Востока СССР» (научные руководители канд. ист. наук Ю. А. Сем, канд. филол. наук Л. И. Сем).

Важную часть исследовательских работ по-прежнему составляли экспедиционные работы, которые проводились в районах Приморского и Хабаровского краев, Амурской, Сахалинской, Магаданской, Читинской областей, Бурятской АССР, на территории Калмыкии. В результате многолетних исследований Дальневосточной этнографо-филологической экспедицией ДВНЦ

¹ В Институте этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР 19 января 1960 г. были защищены кандидатские диссертации: Ларькин В. Г. Удэгейцы (Историко-этнографический очерк с середины XIX в. до наших дней). Москва, 1959; Сем Ю. А. Родовая организация нанайцев (XVII—начало XX в.). Владивосток, 1959. В институте языкознания АН СССР защищена диссертация Сем Л. И. Язык бикинских (уссурийских) нанайцев. Ленинград, 1961.

² Росугбу Б. М. Малые народности Приамурья на современном этапе коммунистического строительства (1959—1965 гг.). Владивосток, 1968; Старкова Н. К. Материальная культура ительменов (XVIII—60-е годы XX в.). Владивосток, 1969. Защищена также кандидатская диссертация по топонимике Ф. В. Соловьевым.

АН СССР собран большой материал по лингвистике, фольклору, истории, этнографии, социологии, ономастике. Объектами исследований были тунгусо-маньчжурские, палеоазиатские, монголоязычные народы, а также славяне и эстонцы, проживающие на Дальнем Востоке.

За годы девятой пятилетки были завершены работы по изучению языков народов Дальнего Востока — дано научное описание пижнеамурского диалекта нанайского языка (Л. И. Сем), восточносахалинского диалекта нивхского языка (Г. А. Отаица), подготовлены материалы к словарю ороков (ульта), бикинских (уссурийских) нанайцев (Л. И. Сем), завершено исследование образных слов северной ветви тунгусо-маньчжурских языков (Н. Б. Киле). Результаты полевых сборов и исследований были обобщены в научных отчетах [5], опубликованы в многочисленных работах по языкам сунгарийских нанайцев, айнов, ороков, истории и основным проблемам изучения языков и диалектов народов Дальнего Востока [6].

Был собран большой материал по фольклору тунгусо-маньчжурских народов — нанайцев, ульчей, удэгейцев, ороков, эвенов, эвенков, негидальцев; так называемых палеоазиатских народов — нивхов, ительменов, айнов; контактной группы — тазов, корейцев [7]. Записаны многочисленные образцы произведений устного народного творчества в различных вариантах на магнитофонную пленку и под диктовку. Продолжается сбор фольклорного материала русских, украинцев, белорусов [8]. Весь этот многочисленный материал используется при написании статей, монографий. Тексты на национальных языках с переводом на русский язык приложены к полным и годовым отчетам сотрудников секторов.

Сборы фольклора одновременно проводились сотрудниками Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВНЦ АН СССР и Дальневосточного педагогического института искусств.

Материалы по устному народному творчеству частично были изданы на русском языке в виде отдельных сборников или в составе работ [9]. Нанайская сказка «Мэргэн и его друзья» в издательстве «Прогресс» вышла на 14 языках народов мира: на английском, испанском, персидском, тамильском, гуджарати, малаялам, арабском, телугу, пенджаби и др.

В области литературы разрабатывались темы: «Становление и развитие национальных литератур (на примере нанайской, ульчской и удэгейской)» (Б. М. Дулин), «Малые народы Дальнего Востока в творчестве русских писателей 20—30-х гг.» (А. И. Пономарева), «Социалистическое строительство в творчестве русских писателей 20—30 гг.» (Д. А. Здор). Начато изучение темы «Русская литература Дальнего Востока (90-е гг. XIX в.—1917 г.)» (А. И. Пономарева).

Итоги исследования литературы народов Дальнего Востока

нашли отражение в научных отчетах [10] и опубликованных статьях [11].

Значительная работа была проведена по ономастике Дальнего Востока. Сотрудники сектора занимались сбором материалов по топонимике, антропонимике, этнонимике и другим разделам ономастики. Была разработана специальная программа-вопросник, которая позволила целенаправленно собирать материалы по топонимике среди различных народов Дальнего Востока — русских, украинцев, белорусов (Х. Х. Исмагилов, Л. Е. Фетисова, Ю. В. Аргудяева, А. Н. Степанов и др.), нанайцев, ульчей, удэгейцев, эвенков, негидальцев, ороков (Л. И. Сем, Ю. А. Сем, Е. А. Гаер, Н. Б. Киле, И. А. Захарова, Б. М. Малицкая и др.), палеоазиатов — ительменов, нивхов (Н. К. Старкова, П. Я. Гонтмахер, Г. А. Отаина), финно-угров-эстонцев (Л. И. Сем, Ю. А. Сем), китайцев (Ф. А. Соловьев), тазов (Л. И. Сем, Ю. А. Сем). Был собран и систематизирован картографический материал XVII—XX вв.: записи топонимов путешественниками и исследователями, материалы фондов центральных и местных архивов (ЦГИАЛ, ЦГВИА, ЦГАВМФ, ЦГАДА, ЦГА ДВ РСФСР, ГААО, ГАХК, ГАПК, ГАСО, ААН СССР, АВГО, АПФГО и др.). Обработаны опубликованные письменные источники и периодика. В результате этого составлена картотека национальных и русских географических названий Приамурья, Приморья, Сахалина, частично Камчатки, Охотского побережья, Чукотки. Картотека насчитывает свыше 40 тыс. географических названий. Собранные материалы позволили установить различные модели образования географических названий у этнических групп населения Дальнего Востока, выявить отличительные признаки, наметить распространение отдельных топонимов и на основе этого показать следы древнего расселения этносов и их обособленных территориальных групп. Общая характеристика распространения географических названий Дальнего Востока, модели их образования даны в ряде статей и научных отчетов. Подготовлен сборник статей «Ономастика Дальнего Востока», в состав которого включены материалы по топонимике, этнонимике и антропонимике народов Дальнего Востока.

В течение ряда лет проводилась большая работа по инвентаризации географических названий Приморского края, в которой принимали участие сотрудники сектора филологии, сектора антропологии и этнографии. Затем она была продолжена на территории Хабаровского края. Начато составление словаря «Топонимика Дальнего Востока СССР». Разработана схема, готовятся словарные статьи.

Проделана значительная работа по изучению истории и этнографии народов Дальнего Востока. В девятой пятилетке исследования проводились по теме «Социально-экономическая, политическая и культурная история народов Дальнего Восто-

ка». Были написаны монографии по материальной культуре тазов (Л. И. Сем, Ю. А. Сем), продолжались исследования материальной культуры удэгейцев (А. Ф. Старцев), эвенков (И. А. Захарова, Ю. А. Сем). В работах представлена традиционная культура народов, показаны изменения, происшедшие в ней в процессе их исторического развития в сравнении с материальной культурой соседних этносов. Изучение материальной культуры народов Дальнего Востока велось по единой программе и в единых хронологических рамках. Результаты исследований отражены в научных отчетах и публикациях [12].

В области изучения социальной истории и общественного строя закончены работы «Общественный строй и социальная организация нанайцев. XVII—XX вв.» (Ю. А. Сем), «История формирования и особенности культуры и быта рабочих малых народов Приамурья. 1917—1970 гг.» (Б. М. Малицкая), «Семья и семейный быт русских южного Приморья (1860—1917 гг.)» (Ю. В. Аргудяева) [13]. Сотрудники сектора участвовали в работе над «Историей Дальнего Востока СССР в XVII веке», учебными пособиями для школ Приморского края [14].

В области духовной культуры малых народов Дальнего Востока подготовлены исследования о народном декоративном искусстве нивхов, монголов, бурят, калмыков [15]. Изучались положительные знания удэгейцев, танцевальное искусство, музыка народов нижнего Амура и Приморья [16].

Проводились исследования обычаев и обрядов нанайцев, удэгейцев, ульчей, нивхов, изучались религиозные верования народов Дальнего Востока [17].

По историографии народов Дальнего Востока завершены исследования: «История изучения этнографии малых народов южной части русского Дальнего Востока (дореволюционный период)» (Т. С. Шульгина), «Англо-американская историография истории и культуры малых народов южной части советского Дальнего Востока. XIX—XX вв.» (Е. Г. Демидова), «Народы Дальнего Востока в русской историографии XVIII века» (Ю. А. Сем) [18].

Продолжались работы по составлению большой библиографии на русском и иностранных языках по теме «История и культура народов Дальнего Востока с древнейших времен до наших дней» (Ю. А. Сем, Л. И. Сем, Е. Г. Демидова и др.). Картоотека библиографии насчитывает более 60 тыс. названий.

Важную часть работы секторов составила подготовка специалистов по этнографии и филологии. За пятилетие — с 1970 по 1975 г. — защитили кандидатские диссертации П. Я. Гонтмахер, В. Тураев, С. Е. Гальперин, Б. М. Дулин. Подготовили диссертации Т. С. Шульгина, С. Ф. Карабанова, Е. Г. Демидова, Л. Е. Фетисова, А. И. Пономарева, Д. А. Здор, М. М. Хасанова, А. М. Певнов, завершают работы Е. А. Гаер, В. В. Подмаскин и др.

Координация исследований по истории и культуре народов Дальнего Востока, проведение полевых работ на территории юга Дальнего Востока СССР, изучение фондов архивов СССР позволили начать исследования более широкого масштаба как по проблемам, так и по направлениям.

«Акцент на развитие фундаментальных проблем науки чрезвычайно знаменателен,— говорил президент АН СССР А. П. Александров на XXV съезде КПСС,— ... партия и правительство ясно и глубоко видят логику развития науки, механизм научно-технического прогресса» [19].

Среди разрабатываемых сотрудниками фундаментальных научных проблем первое место занимают проблемы исторического развития народов Дальнего Востока и их традиционных культур со времени сложения этносов до наших дней. В десятой пятилетке в институте начата разработка темы «История и культура народов Дальнего Востока. Историко-этнографические очерки», рассчитанная на длительный срок работы. Составлен подробный план-проспект издания в 25 выпусках по истории и культуре и в 18 выпусках по фольклору народов Дальнего Востока. В подготовке этих изданий принимают участие ученые Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВНЦ АН СССР, Института языкознания АН СССР, вузов Москвы, Ленинграда, Хабаровска, Владивостока, Магадана, Петропавловска-Камчатского, Южно-Сахалинска, Благовещенска, Государственного музея этнографии народов СССР, краеведческих музеев Дальнего Востока, работники архивов.

При написании этих трудов главное внимание будет обращено на рассмотрение процессов развития народов и их культур в определенные исторические этапы. В. И. Ленин указывал на то, что «нужно не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого их развития смотреть, чем данная вещь стала теперь» [20].

В исследовании истории народов Дальнего Востока и их культур следует учитывать следующие важнейшие этапы их формирования: сложение традиционной национальной культуры и этногенез народности; время вхождения этноса в состав государства; некапиталистический путь развития и выравнивание уровня развития хозяйства и культуры одних народов с хозяйством и культурой других; народность в составе развитого социалистического общества и новой исторической общности — советского народа.

Каждый из этих этапов был важным в истории формирования и развития народов. При создании обобщающих трудов по истории малых народов Дальнего Востока СССР следует

учитывать как общие закономерности развития, так и особенности формирования каждой из рассматриваемых народностей. Изучая историческую тенденцию капитализма, К. Маркс в «Письме в редакцию «Отечественных записок» писал: «События поразительно аналогичные, но происходящие в различной исторической обстановке, привели к совершенно разным результатам. Изучая каждую из этих эволюций в отдельности и затем сопоставляя их, легко найти ключ к пониманию этого явления; но никогда нельзя достичь этого понимания, пользуясь универсальной отмычкой..., наивысшая добродетель которой состоит в ее надысторичности» [21].

Так, вхождение малых народов Дальнего Востока в состав Российского государства вначале было всеобщим (XVII в.), затем исторические события привели к тому, что в конце века малые народности Приамурья и Приморья оказались на территории, «неразграниченной» по условиям Нерчинского договора 1689 г. Таким образом, народы Камчатки, Чукотки, Охотского побережья вошли в состав феодального государства, и на них оказывали влияние законы феодальной формации, а народы Приамурья и Приморья были лишены этого влияния. Зато позднее, в 50—60-е гг. XIX в. на них оказали большое воздействие законы капиталистического общества, которые обусловили экономику, налоговую политику, систему управления. Общим для народов Дальнего Востока было то, что все они находились на различных ступенях разлагавшегося первобытнообщинного строя и ко времени свершения Великой Октябрьской социалистической революции не сформировались как классовое общество.

Одной из важных является проблема этногенеза народов Дальнего Востока и их ранней этнической истории. До сих пор неясно, в каком положении и на какой стадии общественного и социального развития находились национальные меньшинства в составе государства Бохай, империи чжурчженей. То ли предки нанайцев, удэгейцев и других народов Приамурья и Приморья испытали на себе воздействие классового общества, а затем наступил известный регресс в их общественных отношениях и культуре, то ли они находились на периферии государственности, где сохранялись условия для существования племен и народов различного уровня развития общественного строя. Аналогичное явление многоукладности позднее мы видим в Римской империи, Российском государстве и др. Решать эти чрезвычайно сложные вопросы можно путем углубленного изучения исторических письменных источников и ведения археологических раскопок на различных территориях первых тунгусо-маньчжурских государств.

Неравномерность исторического процесса была характерна для малых народов Дальнего Востока с древних времен, и она оставалась неуправляемым законом исторического развития до

Великой Октябрьской социалистической революции. В условиях капитализма в России она проявлялась в существовании многочисленных укладов на окраинах страны, в том числе и на Дальнем Востоке. Не учитывая особенностей этого процесса, невозможно создавать историческое исследование. Изучение истории этих народов Дальнего Востока в дореволюционный период позволит показать изменения в их жизни в годы Советской власти, успехи в создании социалистической экономики и культуры.

XXV съезд КПСС обратил внимание на необходимость усиления связи науки с практикой.

Перед историками и этнографами Дальнего Востока стоит задача: тщательно изучать процессы развития малых народов, русских, украинцев, белорусов, эстонцев, проживающих на Дальнем Востоке, регулярно пополнять фонды музеев, проводить массовые социологические обследования различных сторон современности. Необходимо собирать и обобщать материал как среди сельского, так и среди городского населения. Совершенно выпали из поля зрения этнографов такие крупные для Дальнего Востока слои населения, как моряки, рабочие лесной, горнодобывающей, рыбной промышленности. Не изучены пока процесс складывания дальневосточного отряда советского народа и роль отдельных этносов в этом процессе.

Важные задачи в связи с этим стоят и перед филологами. «Коренные экономические и социальные изменения в жизни народов СССР обусловили значительные сдвиги в языковом и культурном развитии, потребовали развертывания большой лингвистической работы. Огромным вкладом языкознания в социалистическое строительство явилось создание письменности для более чем 40 отсталых до революции народностей и развитие их языков» [22]. На территории Дальнего Востока проживают представители более 25 различных народов: аборигены — тунгусо-маньчжуры (нанайцы, ульчи, удэгейцы, ороки, орочи, негидальцы и др.), палеоазиаты (нивхи, ительмены, коряки, керекы, чукчи, алеуты, эскимосы и др.), переселившиеся из западных районов страны восточные славяне (русские, украинцы, белорусы), финно-угры (финны, эстонцы, латыши), молдаване и др. На протяжении многих веков и даже тысячелетий некоторые этносы жили в тесном контакте друг с другом, влияли друг на друга и сами испытывали это влияние: взаимообогащались их культура, язык. Изучение процессов взаимодействия культур и языков народов является одной из интереснейших и важных проблем науки. Этнолингвистические процессы — составная часть этнических процессов. В условиях многонационального Дальнего Востока эти процессы проходят в очень своеобразных ситуациях. Так, здесь сохраняются как бы законсервированные славянские этнические группы, прибывшие сюда в XVII, XVIII и XIX вв. На северо-востоке Азия

преобладают славяне из Архангельской области со своим говором и старинным репертуаром устной народной поэзии, материальной культурой; брянские переселенцы на юге Дальнего Востока сформировали самобытный говор и сохранили своеобразный фольклор; старообрядцы северной части Приморья донесли до XX в. особенности древнерусской культуры XVII в. Устное народное творчество, язык их еще ждут своих исследователей.

В современных условиях коммунистического строительства на культуру этих этнических групп большое внимание оказывают межэтнические связи, радио, телевидение и прочие средства массовой информации.

Этническое и языковое многообразие на территории Дальнего Востока ставит на повестку дня вопрос об изучении важнейших проблем филологии: функционального развития языков; взаимодействия родственных и неродственных языков народов Дальнего Востока, месте русского языка среди языков народов СССР; развития общественных функций языков в различных сферах, в том числе в сфере школьного образования.

Этнические и этнолингвистические процессы у народов Советского Союза нашли свое отражение и в антропонимии, прежде всего в именнике и в перемене структуры самой антропонимической модели. Раньше каждый этнос Дальнего Востока имел свою антропонимическую систему. В современных условиях традиционные системы антропонимии видоизменились. В их состав вошли имена других народов — русских, украинцев и имена интернационального происхождения. Особый интерес представляют имена в национально-смешанных семьях, которые, как и сами межнациональные браки, отражают становление новых отношений между народами. Выбор имени в межнациональных семьях показывает глубинные массовые процессы перестройки сознания и быта.

Очень интересны процессы интеграции в обычаях, связанных с выбором и наречением имени, изменения в структуре антропонимических моделей — оформление отчества и фамилии у народов, которые в прошлом их не имели. К моменту установления Советской власти многие народы Дальнего Востока не имели фамилий, у них были только родовые названия. Некоторые народы носили фамилии, образованные от имени родителей (отца или матери). «Основы законодательства о браке и семье» (1968 г.) закрепили общегосударственную обязательность трехчленного именованья для каждого [23]. Все эти современные этнолингвистические процессы требуют неотложного изучения на конкретном этнолингвистическом материале.

Одной из кардинальных проблем является проблема изучения языкового взаимодействия и развития двуязычия, а в

отдельных случаях — и многоязычия. При исследовании ее необходимо учитывать ряд факторов: социально-экономические условия; численное соотношение народов, говорящих на различных языках в данном районе; пространственное (географическое) распределение этих народов, компактность их расселения и плотность; хронологическую продолжительность этнолингвистических контактов; степень генеалогического родства контактирующих языков и этносов [24]. Мы к этому добавили бы еще такой фактор, как цели и характер контактов. Естественно, что культурные и экономические контакты окажут более сильное влияние на распространение двуязычия, чем насильственные, военные, ассимилятивные и пр. В свою очередь контакты станут прочнее, если в основе их будут лежать общие цели, сознание, идеология, традиции. Именно они способствуют быстрому распространению двуязычия среди национальностей, народностей и этнических групп нашей страны на современном этапе коммунистического строительства.

Научно-технический прогресс, совершенствование социальных отношений в период развитого социалистического общества вызывают потребность наиболее оптимального решения межъязыковых отношений и проведения языковой политики в целом.

Многие исследователи считают, что распространение русского языка в качестве второго родного среди различных наций и народов СССР объясняется следующими обстоятельствами: «1) относительно большой численностью и широким распределением русских среди других народов, постоянными контактами с ними; 2) богатством русского языка, наличием созданных с помощью русского языка духовных ценностей; 3) широкой функциональной развернутостью русской национальной культуры, ее более высоким уровнем развития и многофункциональностью русского языка как выразителя этой культуры; 4) относительной близостью произношения и письма в русском языке; 5) близостью народно-разговорного и литературно-письменного языка и т. д.» [25].

Особенно важны и злободневны названные проблемы и их практическое решение в условиях многонационального и многоязыкового состава населения Дальнего Востока.

XXV съезд КПСС особо подчеркнул необходимость углублять творческое сотрудничество специалистов в разработке сложных проблем современности. Л. И. Брежнев в докладе на Пленуме ЦК КПСС 24 мая 1977 г. подчеркнул те огромные изменения, которые произошли в жизни многонационального Советского Союза: «Не только юридическим, но и фактическим стало у нас равенство наций. Все наши республики, в том числе и те, которые ранее отставали в экономическом и культурном отношении, достигли теперь высокого уровня развития. Одновременно экономика каждой республики превратилась в

неразрывную часть единого народнохозяйственного комплекса...

Все более сближаются самим ходом своей жизни все нации и народности нашей страны. Сложилась новая историческая общность людей — советский народ» [26]. Эти слова Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева целиком и полностью относятся и к малым народам Дальнего Востока. Показать их развитие за годы Советской власти в сравнении с развитием малых народов капиталистических стран — важнейшая задача историков и этнографов — дальневосточников.

Среди многообразных задач и проблем истории народов Дальнего Востока СССР на первое место можно поставить задачи организации науки и прежде всего координации усилий ученых и целых научных коллективов. Давно уже назрела необходимость совместных работ археологов, этнографов, историков, антропологов, фольклористов, лингвистов, культурологов в решении проблем этногенеза и этнической истории народов.

Важной является и задача изучения и критической оценки литературы, изданной в СССР и за рубежом. Марксистское освещение исторического процесса на Дальнем Востоке необходимо для разоблачения фальсификации буржуазных исследователей, маоистов и их последователей, говорящих о якобы угнетенном положении национальных меньшинств в СССР, а также для создания фундаментальных трудов по истории и культуре народов этого региона страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 48.
2. Ларькин В. Г., Сем Л. И., Сем Ю. А. Научный отчет «Историко-этнографические очерки народностей советского Дальнего Востока» за 1959 г. Владивосток, 1960.— Архив ДВНЦ АН СССР, ф. 1, оп. 6, д. 20, л. 1—320; Завернина Н. К., Ларькин В. Г., Сем Л. И., Сем Ю. А. Научный отчет «Историко-этнографические очерки народностей советского Дальнего Востока» за 1960 г.— Там же, д. 31, л. 423; Сем Ю. А. Полный научный отчет «Родовая организация нанайцев (XVII — начало XX в.)» за 1956—1958 гг.— Там же, д. 15, л. 1—498; он же. Полный научный отчет «Материальная культура нанайцев (гольдов). Вторая половина XIX — первая половина XX в.» за 1959—1961 гг.— Там же д. 39, л. 1—306, прилож., 1—165; Сем Л. И. Полный научный отчет «Язык бикинских (уссурийских) нанайцев» за 1958—1960 гг. Владивосток, 1961.— Там же, д. 30, л. 1—467.
3. Библиографический указатель работ по истории, археологии и этнографии Дальнего Востока. В. 1.— Труды сотрудников отдела истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВНЦ АН СССР 1954—1970 гг. Владивосток, 1971.
4. Ларькин В. Г., Сем Л. И., Сем Ю. А., Старкова Н. К. Научный отчет «Этническая история народов Дальнего Востока» за 1962 г. Владивосток, 1963.— Архив ДВНЦ АН СССР, ф. 1, оп. 6, д. 48, л. 1—308; Сем Л. И., Сем Ю. А. Научный отчет по теме «Этническая история народов Дальнего Востока» за 1963 г. Владивосток, 1964.— Там же, д. 65, л. 1—350; Сем Л. И., Сем Ю. А. Научный отчет «Социально-экономическая история малых народов русского Дальнего Востока» за 1964 г. Владивосток, 1965.— Там же,

д. 72, л. 1—216; Сем Л. И., Сем Ю. А. и др. Научный отчет «История топонимики советского Приморья» за 1964 г.— Там же, д. 75, л. 1—244; Сем Ю. А. Научный отчет «Социально-экономическая история малых народов южной части русского Дальнего Востока (XVII в.— февраль 1917 г.)» за 1966 г.— Там же, д. 104, л. 1—332; он же. Отчет «Очерки истории малых народов южной части русского Дальнего Востока (XVII — первая половина XIX в.)» за 1969 г.— Там же, д. 154, л. 1—163; он же. Научный отчет «Очерки истории малых народов южной части русского Дальнего Востока (XVII — первая половина XIX в.)» за 1969 г. Владивосток, 1970.— Там же, ф. 13, оп. 1, д. 40, л. 1—163; Сем Л. И. Научный отчет «Развитие и взаимодействие языков народов Сибири и Дальнего Востока» за 1966 г. Владивосток, 1967.— Научный архив Ин-та истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, ф. 13, оп. 1, № 11; она же. Научный отчет за 1967 г. Владивосток, 1968.— Там же, ф. 13, оп. 1, № 12; Старкова Н. К. Научный отчет «Этническая история малых народов Дальнего Востока» за 1963 г.— Архив ДВНЦ АН СССР, ф. 1, оп. 6, д. 66, л. 1—79; она же. Научный отчет «Материальная культура ительменов» за 1964 г.— Там же, д. 73, л. 1—181; она же. Научный отчет «Ительмены. Историко-этнографические очерки за 1965 г.», Владивосток, 1966.— Там же, д. 91, л. 1—104; она же. Научный отчет за 1966 г. Владивосток, 1967.— Там же, д. 98, л. 1—64; она же. Полный научный отчет «Материальная культура ительменов (XVIII в.— 60-е годы XX в.)» за 1964—1968 гг.— Там же, д. 122, 124, л. 1—320, прилож., л. 1—81; она же. Научный отчет «Духовная культура ительменов (XVIII—60-е годы XX в.)» за 1969 г. Владивосток, 1970.— Там же, д. 142, л. 1—60; она же. Научный отчет «Духовная культура ительменов (XVIII—60-е годы XX в.)» за 1970 г. Владивосток, 1971.— Там же, д. 150, л. 1—80; Аргудяева Ю. В. Научный отчет «Семейный быт промышленных рабочих Кабанского района Бурятской АССР в его связях с бытом окрестного сельского населения» за 1963—1968 гг.— Там же, д. 106, л. 1—443, прилож., д. 107, л. 1—133; она же. Научный отчет «Семейный быт славянского населения Приморья» за 1969 г.— Там же, д. 139, л. 1—57; она же. Отчет по теме за 1970 г. Владивосток, 1971.— Там же, д. 149, л. 1—161; Росугбу Б. М. Научный отчет «Малые народности Приамурья в период развернутого строительства коммунизма в СССР (1959—1965 гг.)» за 1966 г. Владивосток, 1967.— Там же, д. 105, л. 1—122; она же. Научный отчет по теме за 1968 г. Владивосток, 1969.— Там же, д. 110, л. 1—326; она же. Научный отчет «История формирования и культуры промышленных рабочих малых народностей Приамурья» за 1969 г.— Там же, д. 141, л. 1—56. Научный отчет по теме за 1970 г. Владивосток, 1971.— Там же, д. 148, л. 118; Кочешков Н. В. Научный отчет «Народное искусство монголов и его традиции» за 1968 г.— Там же, д. 134, л. 1—211, прилож., д. 135, л. 1—162; он же. Научный отчет по теме за 1969 год. Владивосток, 1970.— Там же, д. 140, л. 1—226; он же. Научный отчет «Изобразительное искусство монголоязычных народов Центральной Азии и Дальнего Востока (XIII—XX вв.)» за 1970 г. Владивосток, 1971.— Там же, д. 151, л. 1—135; Обшарина Е. С., Фетисова Л. Е. Научный отчет за 1967 г. Владивосток, 1968; Обшарина Е. С. Научный отчет за 1968 г. Владивосток, 1969.— Там же, ф. 1, оп. 6, № 139; она же. Научный отчет за 1969 г. Владивосток, 1970.— Там же, д. 1, оп. 6, № 146; она же. Научный отчет за 1970 г. Владивосток, 1971; Фетисова Л. Е. Научный отчет за 1969 г. Владивосток, 1970; она же. Научный отчет за 1970 г. Владивосток, 1971; Отанна Г. А. Научный отчет за 1970 г. Владивосток, 1971; она же. Полный отчет за 1968—1969 гг. «Качественные глаголы в нивхском языке». Владивосток, 1970.

5. Сем Л. И. Полный научный отчет за 1972—1975 гг. «Нижнеамурский диалект нанайского языка. Словарь. Текст». Владивосток, 1975; Киле Н. Б. Полный научный отчет за 1972—1974 гг. «Образные слова в тунгусо-маньчжурских языках (северная ветвь)». Владивосток, 1975; Отанна Г. А. Полный научный отчет за 1970—1974 гг. «Восточносахалинский диалект нивхского языка». Владивосток, 1975; Певнов А. М. Научный от-

чет за 1972—1974 гг. «Деспричастие на -ми в эвенкийском языке». Владивосток, 1975; Хасанова М. М. Научный отчет за 1972—1974 гг. «Повелительное наклонение в эвенкийском языке». Владивосток, 1975.

6. Сем Л. И. Филологические исследования на Дальнем Востоке в годы Советской власти.—Труды ДВНЦ АН СССР, сер. ист., т. 8. Владивосток, 1971; она же. К вопросу о пространственных представлениях и способах их выражения в алтайских языках.—Проблемы общности алтайских языков. Л., 1971; она же. Мат-лы по языку сахалинских айну.—Труды Ин-та истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВНЦ АН СССР, т. 9. Мат-лы по истории Дальнего Востока. Владивосток, 1973. Кыле Н. Б. Синонимические ряды образных слов нанайского языка.—Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1975. Структурные особенности образных слов в ульском и нанайском языках.—Там же; он же. Ульские образные слова.—Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1974; он же. Образные слова нанайского языка. Л., 1973; Отанина Г. А. О названиях цвета в нивхском языке.—Труды ДВНЦ АН СССР, сер. ист., т. 8. Владивосток, 1971; она же. Причастие в нивхском языке.—Там же; она же. Категория времени качественных глаголов в нивхском языке.—Труды Ин-та истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВНЦ АН СССР, т. 9. Владивосток, 1973; она же. Лексическая характеристика качественных глаголов в нивхском языке.—Рефераты докл. и сообщений, в. 1. Владивосток, 1973; она же (в соавторстве с В. П. Недялковым и А. Холодовичем). Диатезы и залог в нивхском языке.—Типология пассивных конструкций. Л., 1974, она же. О качественных глаголах в нивхском языке.—Мат-лы по истории Дальнего Востока. Владивосток, 1974; Певнов А. М. Потенциально-условный аспект значения деспричастий на -ми в эвенкийском языке.—Актуальные проблемы лексикологии и словообразования, в. 2. Новосибирск, 1974; Хасанова М. М. Два типа побудительной модальности в эвенкийском языке.—Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук, в. 1. Новосибирск, 1975.

7. Ли А. Н. Полный научный отчет за 1972—1974 гг. «Легенды и предания династий Ли». Владивосток, 1975.

8. Фетисова Л. Е. Научный отчет за 1971, 1972, 1973 гг. Владивосток, 1972—1974; она же. Научный отчет за 1971—1975 гг. «Обрядовая поэзия славян Приморья». Владивосток, 1975; Свиридова Л. М. Научный отчет за 1974 г. «Фольклор Дальнеречья, собранный Е. Н. Сыстеровой и Е. А. Лязовой». Владивосток, 1975; Фетисова Л. Е. Полный научный отчет за 1972—1974 гг. «Русская частушка в Приамурье и Приморье». Владивосток, 1975; Свиридова Л. М. Русская народная песня на Дальнем Востоке.—Русский фольклор Сибири, в. 2. Улан-Удэ, 1974; она же. Праздник народного искусства. К I Приморскому краевому фестивалю устного народного творчества. Владивосток, 1974; она же. Старинные крестьянские праздники. В помощь руководителям фольклорных коллективов. Владивосток, 1974; она же. Прозанческие жанры белорусского фольклора у населения Дальнего Востока.—Тез. докл. на Всесоюзной науч. конф. «Прозанческие жанры фольклора народов СССР». Минск, 1974; Фетисова Л. Е. Некоторые итоги работы фольклорного отряда Дальневосточной этнографо-филологической экспедиции 1969 г.—Труды ДВНЦ АН СССР, сер. ист., т. 8. Владивосток, 1971; она же. Из истории изучения славянского фольклора на Дальнем Востоке.—Там же; она же. Особенности композиции современной частушки.—Труды Ин-та истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВНЦ АН СССР, т. 9. Владивосток, 1974.

9. Сем Л. И., Сем Ю. А. Геохату. Сказки народа ульта. Негидальские сказки. Владивосток, 1974; они же. Волшебные чары. Нанайские сказки. Владивосток, 1975; Старкова Н. К. Ительменские сказки.—Сказки и мифы народов Камчатки и Чукотки. М., 1974.

10. Пономарева А. И. Полный научный отчет за 1972—1975 гг. «Изображение жизни малых народов Дальнего Востока в творчестве русских советских писателей 20—30-х годов XX в.». Владивосток, 1975; Здор Д. А. Полный научный отчет за 1971—1973 гг. «Социалистическое строительство

и оборона Родины в дальневосточной литературе 30-х годов». Владивосток, 1974.

11. Сем Л. И., Сем Ю. А. О путевых дневниках и записных книжках В. К. Арсеньева. Путевой дневник за 1906 г.— «Дальний Восток», 1972, № 9. Здор Д. А. Большевицкая печать Дальнего Востока в борьбе за объединение литературных сил края (1925—1927 гг.).— Аспирантский сборник, в. 2. Владивосток, 1974; она же. Распространение рабселькорского движения на Дальнем Востоке (1923—1927 гг.).— Мат-лы по истории Дальнего Востока. Владивосток, 1974.

12. Сем Л. И., Сем Ю. А. Полный научный отчет за 1971—1974 гг. «Этноисторическая история. Хозяйство и материальная культура тазов». Владивосток, 1975. Старцев А. Ф. Научный отчет за 1974 г. «Материальная культура удгейцев (середина XIX—70-е годы XX в.)». Владивосток, 1975.

13. Росурбю Б. М. Научный отчет за 1971 г. «История формирования и особенности культуры промышленных рабочих из числа народностей Приамурья». Владивосток, 1972; она же. То же за 1972 г. Владивосток, 1973; она же. Полный научный отчет за 1971—1974 гг. Владивосток, 1975; Аргудяева Ю. В. Научный отчет за 1971 г. «Семья и брак у восточнославянского населения Приморья». Владивосток, 1972; она же. То же за 1972 год. Владивосток, 1973; она же. То же за 1973 год. Владивосток, 1974; она же. Полный научный отчет за 1971—1974 гг. Владивосток, 1974; она же. Полный научный отчет за 1971—1974 гг. Владивосток, 1975; Сем Ю. А. Особенности национально-колониальной политики царизма на Дальнем Востоке в эпоху феодализма и капитализма.— Труды ДВФ СО АН СССР, сер. ист., т. 8. Владивосток, 1971; он же. Положение 1812 г. Иркутского гражданского губернатора Н. Трескина об управлении народами Восточной Сибири и Дальнего Востока.— Там же; он же. Некоторые проблемы истории Дальнего Востока в период феодального и капиталистического развития России.— Рефераты докл. и сообщений Ин-та истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВНИЦ АН СССР, в. 1. Владивосток, 1973; Малицкая Б. М. Методика изучения национального рабочего класса малых народностей Приамурья.— Труды ДВФ СО АН СССР, сер. ист., т. 8. Владивосток, 1971; она же. История формирования национальных кадров рабочего класса из числа малых народностей Приамурья в годы первых пятилеток.— История рабочего класса, крестьянства и интеллигенции национальных районов Сибири. Улан-Удэ, 1971; она же. Влияние промышленности на социально-экономическое развитие малых народностей южной части Дальнего Востока в 20—30-е годы XX в.— История и культура народов Дальнего Востока. Южно-Сахалинск, 1973; она же. Становление малых народностей Приамурья в годы первых пятилеток.— Рабочий класс, крестьянство и интеллигенция национальных районов Сибири. Новосибирск, 1974; Аргудяева Ю. В. Изучение славянского населения Приморья Дальневосточной этнографо-филологической экспедицией в 1967—1968 гг. Труды ДВФ СО АН СССР, сер. ист., т. 8. Владивосток, 1971.

14. История советского Приморья. Учебное пособие для учащихся 7—10 классов школ Приморского края. Владивосток, 1970. История Приморского края. Изд. 2-е, доп. и перераб. Владивосток, 1976.

15. Кочешков Н. В. Научный отчет за 1970 г. «Декоративное искусство монголоязычных народов XIX—середины XX в. и его место в художественной культуре народов Евразии». Владивосток, 1971; он же. Научный отчет за 1971 г. Владивосток, 1972; он же. Научный отчет за 1972 г. Владивосток, 1973; он же. Научный отчет за 1973 г. Владивосток, 1974; он же. Научный отчет за 1974 г. Владивосток, 1975; он же. Полный научный отчет за 1971—1975 гг. Владивосток, 1976; Гонтмахер П. Я. Научный отчет за 1972 г. «Народное декоративное искусство нивхов (вторая половина XIX—70-е годы XX в.)» Владивосток, 1973; он же. Полный научный отчет за 1972—1974 гг. Владивосток, 1975; Кочешков Н. В. Встречи с искусством Монголии. Записки искусствоведа-этнографа. Владивосток, 1971; он же. Архитектура городов русского Дальнего Востока в эпоху капитализма.— Труды ДВФ СО АН СССР, сер. ист., т. 8. Владивосток, 1971; он же. К воп-

росу о культурных связях монголов и народов Сибири по данным их орнаментики.— Там же; он же. Скульптура народной Монголии.— «Нева», 1971, № 7; он же. Утверждая новую жизнь.— «Творчество», 1971, № 6; он же. Шахматы у монголоязычных народов XIX—XX вв.— «Сов. этнография», 1972, № 1; он же. Народное искусство монголов. М., 1973; Монгольские художественные изделия из мягких материалов (кожа, войлок, ткани).— Мат-лы по истории Дальнего Востока. Владивосток, 1973. Искусство малых народностей Дальнего Востока и проблемы его изучения.— Рефераты докладов и сообщений Ин-та истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, в. 1. Владивосток, 1973; он же. Монгольская национальная живопись и ее традиции.— «Искусство», 1973, № 12; он же. Головные уборы монголов XIX—начала XX в. (по материалам музеев МНР и частного собрания У. Ядамсүрэн).— «Сов. этнография», 1973, № 3; он же. Современная монгольская скульптура.— «Искусство», 1974, № 11; Гонтмахер П. Я. С чего начинается Родина (о творчестве эвенкийского художника-аппликатора Семена Наденна).— «Дальний Восток», 1971, № 11; он же. Узоры счастья.— Литературно-художественный сборник. (Об орнаментальном искусстве нивхов). Южно-Сахалинск, 1971; он же. Искусство резчиков Амура.— «Дальний Восток», 1974, № 12. Художественный металл у нивхов.— «Дальний Восток», 1974, № 2; он же. Историография декоративно-прикладного искусства нивхов.— Мат-лы по истории и культуре Дальнего Востока, в. 2. Владивосток, 1974; он же. Народный орнамент и возможность его моделирования (постановка проблемы).— Мат-лы по истории Дальнего Востока. Владивосток, 1974; он же. Народные истоки в живописи нивхского художника С. Гурка.— Там же.

16. **Карабанова С. Ф.** Научный отчет за 1972 г. «Танцевальная культура народов Дальнего Востока». Владивосток, 1973. Архив ДВНЦ АН СССР, ф. 13, оп. 1, д. 16; она же. Научный отчет за 1972—1974 гг. Владивосток, 1975.— Там же, д. 44; она же. Научный отчет за 1973 г. Владивосток, 1974.— Там же, д. 41; Подмаскин В. В. Научный отчет за 1973 г. «Духовная культура удэгейцев». Владивосток, 1974; Там же, д. 39; он же. Полный научный отчет за 1971—1974 гг. Владивосток, 1975.— Там же, д. 51; Карабанова С. Ф. Звонкий бубен удэге.— «Дальний Восток», 1973, № 10; она же. Использование танцев в качестве лечебного средства на примере шаманских камланий.— Этнографические аспекты изучения народной медицины. Тез. Всесоюзной научной конф. М., 1975; она же. Современное хореографическое искусство малых народов Дальнего Востока. Социалистические преобразования жизни народов Севера и пути их развития в свете решений XXV съезда КПСС. Тез. докл., Якутск, 1976.

17. **Карабанова С. Ф.** Научный отчет за 1972 г. «Танцевальная культура малых народов Дальнего Востока». Владивосток, 1974; она же. Научный отчет за 1973 г. Владивосток, 1974; она же. Полный научный отчет за 1972—1974 гг. Владивосток, 1975; Подмаскин В. В. Научный отчет за 1972 г. «Духовная культура удэгейцев (XIX в.— наши дни)». Владивосток, 1973; он же. Научный отчет за 1973 г. Владивосток, 1974; он же. Полный научный отчет за 1971—1974 гг. Владивосток, 1975; Гаер Е. А. Научный отчет «Обычаи и обряды народов Нижнего Амура в прошлом и настоящем» за 1972 г. Владивосток, 1973; она же. Научный отчет за 1974 г. Владивосток, 1975; Сем Ю. А. Сикачи-Алянский бурхан.— «Дальний Восток», 1973, № 9; он же. Изучение народной медицины в Дальневосточном научном центре АН СССР.— Этнографические аспекты изучения народной медицины. Тез. Всесоюзной научной конференции. М., 1975; Старкова Н. К. О народных знаниях ительменов.— Мат-лы по истории Дальнего Востока. Владивосток, 1974; Подмаскин В. В. Удэгейские народные шапки.— «Дальний Восток», 1974, № 12; Гаер Е. А. О некоторых пережитках прошлого в быту у нанайцев.— Труды ДВФ СО АН СССР, сер. ист., т. 8. Владивосток, 1971; она же. Промысловые обряды у нанайцев.— Мат-лы по истории Дальнего Востока. Владивосток, 1975; она же. Погребальные обряды у народов Нижнего Амура.— Вопросы истории и культуры народов Дальнего Востока. Владивосток, 1974; Сем Ю. А. Проблема изучения религиозных культов нанайцев.— Тез. докл.

на сессии, посвященной итогам полевых этнографических и антропологических исследований в 1974—1975 гг. (май 1976 г.). Душанбе, 1976, с. 214—216.

18. **Шульгина Т. С.** Научный отчет за 1971 г. «Дореволюционный этап истории изучения этнографии русского Дальнего Востока». Владивосток, 1972; она же. Научный отчет за 1972 г. Владивосток, 1973; она же. Научный отчет за 1971—1974 гг. Владивосток, 1975; Сем Л. И., Сем Ю. А. Полный научный отчет за 1968—1971 гг. «Кафаров (Палладий) П. И. Путешествие по Дальнему Востоку в 1870—1871 гг. (Дневники, письма, материалы)». Владивосток, 1972; Демидова Е. Г. Научный отчет за 1972 г. «Англо-американская историография истории и этнографии народов Дальнего Востока». Владивосток, 1973; она же. Научный отчет за 1973 г. Владивосток, 1974; она же. Полный научный отчет за 1972—1974 гг. Владивосток, 1975; Сем Ю. А. Историография русского Дальнего Востока (XVIII в.). — Труды Ин-та истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВНЦ АН СССР, т. 9, Владивосток, 1972; он же. Русские востоковеды — исследователи малых народов русского Дальнего Востока. — Мат-лы по истории Дальнего Востока. Владивосток, 1975; Сем Л. И., Сем Ю. А. Исследователи-путешественники об Уссурийском крае. — По родному краю. Владивосток, 1973; Шульгина Т. С. Научная деятельность Маргаритова на Дальнем Востоке. — Рефераты докл. и сообщений, в. 1. Владивосток, 1973; она же. Б. О. Пилсудский — исследователь народов Сахалина. — История и культура народов Дальнего Востока. Южно-Сахалинск, 1973; она же. Материалы к биографии Николая Александровича Пальчевского. — Мат-лы по истории Дальнего Востока. Владивосток, 1974.

19. «Правда», 1976, 27 февраля.

20. **Ленин В. И.** Полн. собр. соч., т. 39, с. 67.

21. **Маркс К., Энгельс Ф.** Соч., т. 19, с. 121.

22. Высокая роль общественнознания. — «Коммунист», 1975, № 13, с. 30.

23. Современные этнические процессы в СССР. М., 1975, с. 293.

24. **Губогло М. Н.** Взаимодействие языков и межнациональные отношения в советском обществе. — «История СССР», 1970, № 6, с. 25—26.

25. Современные этнические процессы в СССР..., с. 305—306.

23. **Брежнев Л. И.** О проекте Конституции Союза Советских Социалистических Республик. Политиздат, 1977, с. 4.

**ИСТОРИЯ,
ЭТНОГРАФИЯ,
ИСКУССТВО**

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ МАЛЫХ НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Ю. А. Сем

В постановлении ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик» подчеркивалось, что «образование и успешное развитие СССР имеет огромное международное значение, является важной вехой в социальном прогрессе всего человечества. Советский опыт создания многонационального социалистического государства, построения общими усилиями наших народов развитого социалистического общества, решения сложнейшего национального вопроса получил мировое признание и оказывает неоценимую помощь всем борцам за социальное и национальное освобождение» [1].

Особенно большое значение имеют эти слова для многонационального советского Дальнего Востока. Здесь до революции проживали наиболее отсталые народы России — 17 малых народностей и этнографических групп. Усилиями Коммунистической партии, Советского государства и всех народов страны они были спасены от физического уничтожения, культурной деградации и приобщены к достижениям цивилизации.

Важный вклад в познание истории малых народов Дальнего Востока внесла советская историческая наука. Она выступила не простой созерцательницей исторического процесса, а являлась активным творцом новой жизни.

В развитии историографии малых народов Дальнего Востока можно выделить пять этапов: I — 1917—1922 гг.; II — 1923—1929 гг.; III — 1930—1941 гг.; IV — 1941—1945 гг.; V — 1946 г. — наши дни. Рассмотрим каждый из этих этапов.

I этап (1917—1922 гг.)

Первый этап в развитии историографии малых народов Дальнего Востока совпал с периодом установления Со-

ветской власти, борьбы с белогвардейцами и иностранными интервентами, с периодом существования Дальневосточной республики. В эти суровые и грозные для нашей страны годы, естественно, были сделаны лишь первые шаги по изучению культуры, быта, истории малых народов Дальнего Востока. Молодой Советской власти требовались знания о тех народах, которые населяли край, чтобы оказать им посильную помощь, приступить к разрешению национального вопроса. Основными учреждениями, которые вели научно-исследовательскую работу в этот период, были министерство по национальным делам Дальневосточной республики, Приамурское и Приморское отделения Географического общества. Специальных научных учреждений на Дальнем Востоке исторического или этнографического профиля еще не было.

К этому этапу относится первая экспедиционная поездка в места расселения малых народностей. В ноябре 1917 г. к нанайцам рек Кур, Урми, Тунгуска отправилась экспедиция в составе известного исследователя В. К. Арсеньева, А. Н. Липского (Г. Д. Куренков) и Н. А. Липской (Вальронд). Их работы продолжались до весны 1918 г. Были собраны интересные данные по материальной культуре нанайцев и положению малых народностей Кур-Урмийской системы рек. Экспедиция прошла по труднодоступным районам нынешнего Кур-Урмийского района, достигла истоков р. Горин, перевалила через горы в Керби и опустилась по р. Амгунь.

В 1918 г. по поручению Приморского переселенческого управления В. К. Арсеньев совершает поездку на Камчатку, где проводит статистическо-экономическое обследование населения, в первую очередь ительменов, а также изучает колонизационные возможности Камчатки. В. К. Арсеньев прошел вверх по р. Камчатке; пересек полуостров от р. Быстрой до р. Авачи и вернулся в Петропавловск-Камчатский [2].

В 1921—1922 гг. приказом особоуполномоченного министра земледелия на Дальнем Востоке Владимир Клавдиевич был назначен старшим инспектором морских звериных промыслов Дальнего Востока, ему было поручено заведывание Гижигинским промысловым районом. Многочисленные поездки по Северу В. К. Арсеньев использовал для изучения аборигенного населения и оказания ему всевозможной помощи [3].

Одновременно с этим делалась попытка пригласить специалистов-этнографов, известных своими работами по Дальнему Востоку. 2 марта 1922 г. правительство Дальневосточной республики обратилось к Президиуму Российской Академии наук с просьбой командировать кого-либо из специалистов по народам Дальнего Востока, причем предпочтение отдавалось таким исследователям, как В. Л. Котвич и Л. Я. Штернберг. Согласно на приезд дал Л. Я. Штернберг [4].

Однако гражданская война, полыхавшая на Дальнем Вос-

гоке, заставила временно отложить осуществление работ экспедиции.

Для работ, издававшихся в то время, характерна идейно-теоретическая пестрота взглядов. Большинство опубликованных работ имело прикладное значение и содержало обоснование основ разрешения национального вопроса среди малых народов [5]. Другие авторы открыто заявляли о своем стремлении противопоставить буржуазные идеи идеям социализма [6].

К этому этапу относится выход первых работ В. К. Арсеньева [7]. В 1921 г. была опубликована книга «По Уссурийскому краю» [8], в следующем году — пять его статей [9].

Продолжал свои исследования по этнографии народов Приамурья и Приморья приват-доцент Государственного дальневосточного университета И. А. Лопатин. Он опубликовал несколько работ по материалам полевых сборов и капитальный труд по этнографии нанайцев (гольдов) [10], в котором освещена материальная и духовная культура нанайцев, их общественный и семейный строй. Книга содержит богатейший фактический материал, однако он трактуется автором с позиции буржуазного субъективизма. В этот период делаются попытки объединить усилия историков для изучения истории и культуры народов Дальнего Востока. В. К. Арсеньев был одним из инициаторов созыва первого съезда по изучению Уссурийского края. Съезд состоялся 18—22 апреля 1922 г. в г. Никольск-Уссурийске. Были выработаны интересные предложения, но осуществить их стало возможно только в следующем периоде.

II этап (1923—1929 гг.)

Второй этап в развитии историографии малых народов Дальнего Востока совпал со временем восстановления Советской власти на Дальнем Востоке, с периодом социалистической реконструкции хозяйства, некапиталистического пути развития. Именно в эти годы потребовались исследования историков, этнографов, филологов, демографов о культуре и быте, социальной организации народов Дальнего Востока.

Огромную работу по изучению истории малых народов Дальнего Востока выполнили как центральные, так и местные научно-исследовательские и плановые учреждения, сотрудники органов здравоохранения, народного просвещения и других учреждений.

Центром, координирующим изучение малых народов Дальнего Востока, становится Комитет содействия народностям Севера, созданный при Президиуме ВЦИК РСФСР в июне 1924 г. В его состав вошли видные партийные и государственные деятели, ученые. В 1925 г. постановлением ВЦИК и СНК РСФСР

были образованы местные комитеты, в том числе на Дальнем Востоке при Дальревкоме. Их усилия были направлены прежде всего на ознакомление с положением самих малых народностей.

В 1925 г. на Дальний Восток прибыла специальная экспедиция комиссии Академии наук СССР по изучению этнического состава населения СССР и сопредельных стран. Она работала в бассейне Амура и собрала материалы по языку, верованиям, материальной культуре, этнической принадлежности населения [11].

Важные исследования по истории и культуре народов Дальнего Востока проводили студенты и выпускники этнографического факультета Географического института, откликнувшиеся на призыв Комитета Севера [12]. В 1926—1927 гг. и в 1929 г. В. И. Цинциус и К. М. Мыльникова изучали негидальцев на Амгуни и в прилегающих районах Амура. С 1926 г. по 1929 г. А. С. Форштейн работал на Чукотке среди азиатских эскимосов, в 1930—1931 гг. — на Шелаковском мысу, в 1931—1932 гг. — на Колыме. В 1930—1933 гг. К. М. Мыльникова занималась этнографией на Чукотке [13]. В 1927 г. Б. А. Васильев изучал ороков Сахалина; в 1928 г. С. Н. Стебницкий — коряков Корякского национального округа.

Но особенно большие работы по изучению истории, этнографии, культуры и языков, фольклора народов Дальнего Востока развернулись в связи с проведением переписи населения северных окраин страны в 1926—1927 гг. Т. З. Семушкин обследовал западную часть Чукотского района. Он прошел во время обследования на собаках около 7 тыс. км. Его коллега М. А. Максимов трагически погиб во время этой экспедиции. В бассейне р. Амгуни работал В. Ю. Менгель, в восточной части Чукотского района — Королев, в юго-восточной части Анадырского района — Орловский, в северо-восточной части Анадырского района — Москаев, на западном Верхне-Анадырском участке — Суханов, в восточной части Пенжинского района — Бауерман, в западной части Пенжинского района — Охупкин, в северной части Карагинского района — М. Физик, в северной части Камчатского полуострова — К. Б. Шавров, на р. Камчатке и в южной части Большерецкого района — Е. П. Орлова, в Ольгинском районе по Охотскому побережью — Б. А. Чернявский, на юге Охотского побережья и в Тугуро-Чумиканском районе — Э. А. Кампар, в зал. Ныйво на мысе Ратманова — Машиновский, на восточном берегу Сахалина — Наркевич, на западном — Бурматов. Ими был собран огромный статистический и фактический материал о действительном положении малых народностей Дальнего Востока [14].

Сотрудники Института этнографии АН СССР одновременно вели сбор материалов по культуре населения. Е. А. Крейнович с мая 1926 г. по август 1928 г., будучи инструктором в секре-

тариате Сахалинского окружного ревкома, а затем учителем в национальной школе, обследовал нивхов Охотского побережья Сахалина, собрал интересный материал для музеев.

На Дальнем Востоке в этот период были созданы условия для развертывания научной работы по истории народов Дальнего Востока. Они велись в Государственном дальневосточном университете и созданном при нем в конце 1923 г. Краеведческом (с 1928 г. — Краевом) научно-исследовательском институте. В его составе имелся отдел «Человек», который существовал с 1925 по 1929 г. В этом отделе функционировала секция этнографии и физической антропологии. В программе ее работ предполагалось изучение социальной организации туземных народностей: а) положение женщины (брак и связанные с ним социальные отношения); б) право туземных народностей; в) родовое устройство; г) национальное районирование; д) формы туземного производства (орудия лова, охоты, ремесла); е) быт (жилище, одежда, пища); ж) туземное изобразительное искусство [15].

Кроме того, сектор экономики изучал трудовые ресурсы и специальную структуру туземного населения (баланс рабочей силы), организацию и технику производства, рыночные связи и видоизменения типа хозяйства (новые отрасли), происходящие в связи с коллективизацией [16]. В этом секторе сотрудничали В. И. Огородников, А. П. Георгиевский, А. В. Гребенщиков, И. А. Клюкин, А. М. Ярмош, В. А. Овчинников, Е. Н. Чапурковский, А. В. Рудаков, З. Н. Матвеев, В. А. Петров, Н. В. Репин, С. С. Барсова, Т. С. Юркевич, А. И. Разин [17].

Институт работал на общественных началах. Сотрудники провели несколько экспедиций. Зимой 1925/26 г. на средства Далькрайземуправления под руководством проф. Г. Н. Гассовского экспедиция обследовала Гилюй-Ольдойский район, состояние охотничьего промысла у народностей бывшей Амурской губернии [18].

Сотрудники совершали также кратковременные поездки в места расселения народностей Дальнего Востока или участвовали в исследованиях других секторов института. Их рекомендации принимались директивными органами при составлении первого пятилетнего плана развития ДВК. В апреле 1926 г. была проведена первая конференция по изучению производительных сил ДВК в г. Хабаровске. Институт выступил на ней с 50 докладами, в том числе по проблемам развития и состояния малых народностей Дальнего Востока. Решения конференции имели важное значение для будущего края и его населения.

Продолжал свои краеведческие и этнографические исследования В. К. Арсеньев. Летом 1923 г. он посетил Командорские острова; в 1926 г. работал в составе дальневосточной экс-

педиции Наркомзема по обследованию заселяемых земель; в 1927 г. по поручению переселенческого управления, будучи начальником маршрута Советская Гавань — Хабаровск, изучал возможность проведения трассы железной дороги и экономического освоения этой территории [19].

Экспедиции в этот период проводили также отряды Общества Красного Креста, краеведческие музеи, различные управления и комитеты [20]. Особенностью работ был их прикладной характер — главным образом подготавливались материалы, необходимые для успешного осуществления национальной политики среди малых народов Дальнего Востока.

В этот период вышли исследования, посвященные истории малых народностей в XVII в. и их взаимоотношениям с русским народом. Для этого этапа было характерно стремление вскрыть колонизаторскую сущность политики царизма. Поэтому в трудах преобладают вопросы, связанные с разоблачением теневых сторон освоения Дальнего Востока. Прогрессивное влияние на малые народности Дальнего Востока русского народа не нашло своего отражения [21].

Весьма широко изучалась материальная и духовная культура малых народов Дальнего Востока [22]. Интересные статьи были опубликованы по проблеме космогонических представлений, этногенеза, положения женщины, особенностям хозяйственного цикла отдельных народов. В меньшей степени были рассмотрены вопросы социального развития малых народов Дальнего Востока, их общественного строя, религиозных воззрений и др. Главное внимание обращалось на меры переустройства хозяйства этих народов, улучшения их быта и условий жизни.

III этап (1930—1941 гг.)

Третий этап совпал с началом социалистического строительства у малых народностей Дальнего Востока. Страна успешно осуществляла культурную революцию, укрепляла экономическую и оборонную мощь.

В СССР впервые в истории человечества был разрешен национальный вопрос. Упрочились дружба и сотрудничество народов СССР. Фактическое неравенство народностей в основном было ликвидировано. Л. И. Брежнев об успехах этого периода говорил: «Ликвидация эксплуататорских классов, индустриализация, коллективизация, культурная революция — таковы были звенья единого революционного процесса, который привел к коренным изменениям отношений между классами и нациями. Из жизни нашего общества навсегда ушли социальные и национальные антагонизмы. Был создан новый общественный строй, основанный на дружбе и союзе рабочего класса, колхозного крестьянства и народной интеллигенции».

Во всех сферах общественной жизни прочно утвердились принципы социализма» [23].

Советская страна имела теперь средства и возможности для расширения научно-исследовательских работ по изучению народов Дальнего Востока. Больше стало и специалистов, которые готовились как в Ленинграде, Москве, так и на Дальнем Востоке.

Центром изучения истории, этнографии малых народов Дальнего Востока становится Институт этнографии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР. В нем концентрируются основные научные кадры. На Дальнем Востоке продолжал свою деятельность Краеведческий научно-исследовательский институт. К этому времени в нем было создано бюро истории и культур ДВК, а в 1930 г. из него выделено бюро истории ДВК [24]. Однако с середины 30-х годов тематика, связанная с историей малых народностей Дальнего Востока, стала исчезать из научных планов института.

Тем не менее в этот период в бюро истории и культур ДВК шла подготовка к печати труда В. К. Арсеньева об удэгейцах. Его занимались А. П. Георгиевский и А. В. Гребенщиков. В 1931 г. научный сотрудник В. С. Кудипов совершил поездку в Приамурье с целью изучения положения орочонов (эвенков) [25]. В тематике института все большее место занимает проблема изучения истории и культуры дальневосточных китайцев, корейцев и народов Маньчжурии в культурном и бытовом отношениях [26].

С созданием Дальневосточного отделения АН СССР в 1932 г. Краевой научно-исследовательский институт вошел в его состав. В Дальневосточном отделении АН СССР был создан «Кабинет по изучению народов Дальневосточного края» (КИН), в составе которого работала секция по изучению туземного населения [27]. Заведующим кабинетом был назначен А. В. Гребенщиков. В 1933 г. начато составление библиографии по истории и этнографии народов Севера ДВК, а также исторической хроники жизни народов северо-востока Азии [28]. Исследования несколько расширились в 1934 г., они охватили вопросы хозяйственно-экономического и земельно-водного районирования колхозного и совхозного строительства у аборигенов ДВК; истории материального производства и производственных отношений у туземного населения; составления этнографических и лингвистических карт малых народностей (по материалам экспедиций и разведпоездов); колонизации Маньчжурии корейцами, китайцами и японцами [29].

В 1936 г. Дальневосточному филиалу АН СССР был передан Хабаровский краеведческий музей, который должен был стать научно-исследовательским музеем, показать достижения науки на Дальнем Востоке [30]. Но, к сожалению, намеченные планы изучения малых народностей Дальнего Востока оста-

лись невыполненными. В Дальневосточном филиале АН СССР отсутствовали в то время кадры специалистов по истории и этнографии малых народов Дальнего Востока.

Для этого периода характерно участие многих специалистов — историков, этнографов, филологов — в осуществлении культурной революции среди народов Дальнего Востока. Учителями в комитетах по ликвидации неграмотности и малограмотности, в комитетах по созданию нового алфавита, в плановых комиссиях и других организациях были многие выпускники вузов Ленинграда, Москвы, Хабаровска, Владивостока. В школах работали будущие этнографы и филологи: А. А. и В. А. Горцевские, А. Ф. Анисимов, И. С. Вдовин, О. П. Корж, П. Я. Скорик, Е. П. Орлова, А. П. Путинцева, М. А. Каплаи и др. Они наряду с повседневным участием в осуществлении культурной революции на местах проводили большую собирательную работу, изучали историю, этнографию, языки, устное народное творчество народов Дальнего Востока, подготовили прочную базу для будущих исследований.

Именно в этот период увеличилось количество трудов по истории и культуре малых народов Дальнего Востока. Были подготовлены и опубликованы крупные монографические исследования Л. Я. Штернберга [31], В. Г. Богораза [32], А. М. Золотарева [33], Н. Н. Билибина [34] и др. Резко возросло количество статей, посвященных различным вопросам истории и культуры малых народов Дальнего Востока. Выделим основные проблемы, которые были в них рассмотрены. Ведение археологических, антропологических исследований и анализ этнографических, филологических и исторических материалов позволили советским ученым поставить проблему этногенеза малых народностей советского Дальнего Востока и показать, что так называемые «бесписьменные народности» имеют интересную, богатую историю, что эти народы внесли вклад в развитие мировой цивилизации, в освоение труднодоступных районов Севера азиатского материка [35]. Исследования показали, что народы советского Дальнего Востока имеют самостоятельную историю, самобытную национальную культуру. Советские ученые вскрыли особенности общественного строя и социальной организации этих народов [36]. Их работы помогли проводить политику классового размежевания, раскулачивания и коллективизации, создать основы социалистического общества у этих народов. В трудах того времени велась острая дискуссия по проблемам развития общественных отношений у народов Дальнего Востока.

Много внимания историки уделяли проблемам изучения материальной культуры народов Дальнего Востока, хозяйства, особенностям его организации и социалистическим преобразованиям, происшедшим в нем за годы Советской власти. Были освещены как опыт развития традиционных отраслей хозяйст-

ва, так и появление новых — земледелия, скотоводства. Реконструкция традиционных отраслей хозяйства считалась одним из важнейших условий подъема уровня жизни и культуры народов Дальнего Востока. Уже в это время были сделаны первые попытки обобщения опыта инкапитулистического пути развития народов [37]. Но они были еще робкими, не охватывали всей сложности проблемы и отставали от практической деятельности по социалистическому развитию народов Дальнего Востока. Осуществление культурной революции, широкое развитие сети общеобразовательных школ, создание письменности для народов [38], издание на языках этих народов учебной, политической, передовой и оригинальной художественной литературы, проведение оздоровительных мероприятий сопровождалось усилением научно-исследовательской работы [39]. Изучались традиционные формы национальной культуры, предлагались пути их развития в новом социалистическом обществе, подводились первые итоги культурной революции. В эти годы у народов Дальнего Востока начался расцвет национального искусства: устного народного творчества, декоративно-прикладного искусства; зарождалась национальная литература.

Исследователи собирали образцы орнамента, скульптуры, которыми пополнялись экспозиции музеев. Правда, появившиеся работы по культуре народов носили скорее информационный характер [40], но уже в это время сформировалось новое поколение ученых, владевших марксистско-ленинской методологией исторического исследования.

По мере осуществления культурной революции и социалистического строительства все более острый характер принимала борьба с религиозными пережитками в воззрении малых народностей и шаманством, которые тормозили формирование социалистического сознания. Изучение религиозных пережитков и дорелигиозных воззрений имело большое значение для познания общих закономерностей развития мировоззрения человечества на стадии первобытного общества. Многие черты этого мировоззрения советские этнографы могли еще наблюдать непосредственно в жизни, другие восстановить по рассказам. Эти материалы и исследования имели огромное научное и практическое значение [41]. Одновременно появляются труды, в которых разрабатываются проблемы преодоления религиозных пережитков [42].

IV этап (1941—1945 гг.)

Мирное развитие советского народа было прервано Великой Отечественной войной. Многие специалисты ушли на фронт. Работы ограничивались в основном сборами полевого материала, подготовкой исследований по национальной само-

бытности культур этих народов. В периодической печати разоблачались фальсификации зарубежных историков, стремящихся обосновать милитаристские планы японского империализма. Историки больше внимания стали обращать на прогрессивный характер вхождения малых народностей в состав Российского государства в XVII в.

V этап (1946 г.— наши дни)

Этап совпал с периодом послевоенного строительства в нашей стране. Советский народ завершил строительство социалистического общества и приступил к построению основ коммунизма. С особой силой шел процесс выравнивания и подъема экономического, социально-политического и культурного уровня малых народностей Дальнего Востока, что явилось важным фактором быстрого и всестороннего их прогресса. Раскрывались творческие способности, талант, созидательная энергия народов. В ходе коммунистического строительства советская историческая наука сделала много для обоснования пути развития малых народов в эпоху коммунизма. По-прежнему сила науки состояла в тесной связи с практикой хозяйственного, социального и культурного развития малых народов. Произошли большие изменения в организации исторической науки. Исторические учреждения были приближены к Дальнему Востоку, там возникли подразделения, которые непосредственно стали заниматься исследованием истории малых народов Дальнего Востока.

В составе Сибирского отделения Академии наук СССР был создан отдел истории, а затем Институт истории, философии и филологии, который стал координирующим историческим учреждением для Сибири и Дальнего Востока¹.

Эффективно продолжали исследование малых народностей Институт этнографии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, Институт археологии АН СССР, Институт истории АН СССР. В связи с ростом экспедиционной деятельности острее стало чувствоваться отсутствие специализации подразделений, единого координирующего центра по изучению истории Дальнего Востока. Нечетко были определены и границы исследуемых научно-исследовательскими учреждениями районов.

Для послевоенного периода изучения истории, археологии и этнографии малых народностей советского Дальнего Востока характерно появление крупных исторических и этнографических исследований и капитальных трудов сравнительно-истори-

¹ См. ст. «XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза, итоги и задачи изучения истории и культуры народов Дальнего Востока СССР» в наст. сб.

ческого плана. Были опубликованы монографии, посвященные почти всем малым народностям Сибири и Дальнего Востока [43], широко представлен материал по этнографии и истории народов этого региона в обобщающих трудах по истории СССР [44], тематических сборниках по различным проблемам истории нашей страны [45]. История СССР ныне не мыслится без показа истории народов и малых народностей. В этот период было подготовлено и издано большое количество исследований по различным проблемам истории малых народностей советского Дальнего Востока.

Одной из важнейших в истории дальневосточных народностей является проблема этногенеза и этнической истории. Для советского Дальнего Востока она приобретает особую остроту ввиду чрезвычайной пестроты этнического состава населения и проживания одних и тех же народностей на территории СССР и в смежных зарубежных странах. Историки исходят из того, что все современные народы сложились из разных этнических компонентов, имеют смешанный состав, а следовательно, этим опровергаются расистские, шовинистические измышления о «расовой чистоте», «исконных предках», «национальной исключительности» отдельных народов [46]. Эта проблема для Дальнего Востока распадается на ряд более мелких проблем: эскимосскую, тунгусо-маньчжурскую, айскую, палеоазиатскую, чукотско-корякскую. Особенностью методологии является то, что в разрешении данной проблемы участвуют ученые разных специальностей: археологи [47], этнографы [48], филологи [49], антропологи [50]. В результате этих исследований удалось установить, что древнейшая история народов уходит в эпоху палеолита, причем относится это не только к народам юга, но и севера Дальнего Востока СССР.

Именно в этих регионах сформировалась самобытная культура охотников и рыболовов. На протяжении многих тысячелетий, как показывают исследования, шел длительный процесс «этнической истории», формировались этническая общность, язык, культура, хозяйство.

За последние годы в этом направлении проделана также большая исследовательская работа [51]. Изучались родоплеменной этнический состав населения, этнические границы территорий, контакты и связи культур и этносов. Особое внимание обращалось на изучение формирования новых общностей — социалистических народностей, советского народа.

Советские историки в послевоенный период успешно разрабатывали проблему, связанную с изучением общественного строя, общественного быта, форм брака, семьи, половозрастного разделения труда, организации управления, выработки норм обычного права. Особое место занимало изучение роли пережитков прошлого в условиях строительства социалистического и коммунистического общества [52]. На основании этих

материалов был высказан ряд рекомендаций директивным органам, проводящим национальную политику среди малых народов советского Дальнего Востока. Изучение пережитков прошлого в общественном устройстве народов имеет большое значение для практических работников советского партийного аппарата. Значительное внимание историки уделяли изучению ценного наследия исторически сложившихся культур Дальнего Востока, что позволило говорить о том вкладе, который внес каждый из малых народов в развитие мировой цивилизации, мировой культуры. Для этого исследовались материальная и духовная культура, народное искусство, народные знания, взаимопроникновение и взаимовлияние культур [53]. На основе этих работ советские историки пришли к чрезвычайно важному выводу о том, что влияние культур было взаимным, в том числе культуры малых народностей Дальнего Востока оказали влияние на культуру живущих здесь русских, а также китайцев Северо-Восточного Китая и других соседних народов Азии.

Особое внимание в этот период уделялось изучению современного социалистического быта, культуры, изменений, которые произошли в хозяйстве, культуре народов по мере осуществления ленинской политики и социалистического строительства. Изучение опыта некапиталистического пути развития широко обсуждалось в дискуссиях в советских исторических журналах. Историки впервые стали изучать социальный состав современных малых народностей, формирующийся отряд рабочего класса, интеллигенцию, особенности их мировоззрения и культуры [54].

Ряд работ был посвящен показу роли КПСС и ее дальневосточных организаций в разрешении национального вопроса на Дальнем Востоке [55].

Меньше внимания было уделено изучению проблемы религиозных обрядов и шаманства народов Дальнего Востока, причин существования религиозных пережитков в наши дни [56]. Эти исследования вновь стали разворачиваться в последние годы.

Продолжаются исследования обычаев, нравов, традиций малых народностей советского Дальнего Востока. Широко проводятся анкетные обследования, подготовлены программы, разработаны методики сбора материалов и изучения современных процессов жизни.

В Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВНЦ АН СССР ведутся работы над серией трудов «История и культура народов Дальнего Востока СССР», готовится «Библиография по истории, этнографии, антропологии и филологии народов Дальнего Востока», осуществляется картографирование элементов материальной и духовной культур этих народов для их сравнительно-исторического изучения.

Таким образом, даже краткое перечисление работ и изучаемых тем свидетельствует о большом объеме исследований, которые велись и ведутся советскими историками в области изучения культуры и быта, истории малых народностей советского Дальнего Востока.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Известия», 1972, 22 февраля.
2. Карпов Г. В. В. К. Арсеньев. М., 1955, с. 38.
3. Архив Примор. фил. Всесоюз. геогр. о-ва СССР, ф. В. К. Арсеньева.
4. Сем Л. И. Филологические исследования на Дальнем Востоке в годы Советской власти.— Труды ДВНЦ АН СССР, сер. ист., т. 8. История, социология и филология Дальнего Востока. Владивосток, 1971, с. 86.
5. Данрин Б. Признаки исчезновения (о сибирских инородцах).— «Дальневосточная республика». Чита, 1920, 8 августа; Плотников М. Туземный вопрос в ДВР.— «Вестник Дальневосточной республики». Чита, 1922, № 4, с. 73; Намманчун. Пробуждение корейской женщины.— «Дальневосточный путь». Чита, 1922, 10 августа. Деятельность Благовещенского нацотдела по делам туземцев.— Там же, 1922, 30 сентября. Жизнь национальностей.— Там же, 1922, 4 августа. Наши северные туземцы. (По материалам Миннацдела).— Там же, 1922, 12 июня.
6. Куренков Г. Д. (А. Н. Л.). Материалы по этнографии гольдов. В. 1. Материальная культура. Опыт общего обзора наблюдаемых явлений, введение к детальному их описанию. Верхнеудинск, 1918.
7. Арсеньев В. К. Амба. Ли-Цун-Бин (Рассказы из путешествия по Уссурийскому краю). Никольск-Уссурийск, 1920.
8. Арсеньев В. К. По Уссурийскому краю (Дерсу Узала). Путешествие в горную область Сихотэ-Алиня. Владивосток, 1921.
9. Арсеньев В. К. Событь и способы охоты на него в Уссурийском крае.— «Русское Приморье». Владивосток, 1922, № 2, с. 2—7; № 4, с. 1—6; № 5, с. 1—5; он же. Тревога по козе (из воспоминаний о путешествиях по Уссурийскому краю).— «Юность». Владивосток, 1922, № 1, с. 5—9; он же. Туземные способы соболевания в Уссурийском крае и скупка мехов. Владивосток, 1922; он же. Первобытная культура (краткая программа курса).— Ежегодник Гос. пед. ин-та им. Ушинского за 1921—1922 гг. Владивосток, 1922. Этнография (краткая программа курса).— Там же.
10. Лопатин И. А. Брак и любовь у амурских гольдов. Наблюдения. Николаевск-на-Амуре, 1918; он же. Шаманство у гольдов. Описание камлания над больным. Николаевск-на-Амуре, 1918; он же. Гольдские сказки. Николаевск-на-Амуре, 1919; он же. Черты быта гольдов. Наблюдения. Николаевск-на-Амуре, 1919; он же. Наблюдения над бытом гольдов.— Изв. Восточного ф-та Гос. дальневост. ун-та. Владивосток, 1921, т. 66, в. 4; он же. Этнография как вид родниования и краеведения в средней школе. Владивосток, 1918; он же. Этнография. Курс лекций, читанных в Гос. дальневост. ун-те в 1921—1922 гг. Владивосток, 1922; он же. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские. Опыт этнографического исследования.— Зап. о-ва изуч. Амурского края Владивостокского отд. Приамурского отд. РГО. Владивосток, 1922, т. 17.
11. Козьминский И. И., Каргер Н. К. Гарино-Амгуньская экспедиция, 1926 г. Л., 1929.
12. Антропова В. В. Участие этнографов в практическом осуществлении ленинской национальной политики на Крайнем Севере.— Краткое содержание докладов годичной научной сессии Ин-та этнографии АН СССР. Л., 1970, с. 26.
13. Гаген-Торн Н. И. Ленинградская этнографическая школа в двадцатые годы (у истоков советской этнографии).— «Сов. этнография», 1971, № 2, с. 143—144.

14. Итоги переписи северных окраин Дальневосточного края (1926—1927 гг.). Благовещенск, 1929, с. 11—26.
15. ЦГА РСФСР ДВ, ф. р—2540, оп. 2, д. 4, л. 154—154 об.
16. Там же, л. 148—154.
17. Архив АН СССР (далее ААН СССР), ф. 409, оп. 2, д. 56, л. 3.
18. Там же, л. 4.
19. Архив краеведческого музея г. Хабаровска, ф. В. К. Арсеньева, оп. 1, д. 1, л. 83 об.—84; Арсеньев В. К. Там, где не ступала нога человека.—«Тихоокеанская звезда», 1927, 2 сентября.
20. Изучение туземного населения.—«Тихоокеанская звезда», 1930, 20 марта. Изучение края.—Там же, 1927, 20 апреля. Изучение рыбного хозяйства ДВК.—Там же, 1927, 29 декабря. Исследование богатств Севера.—Там же, 1928, 12 июля; Липский А. На р. Урми.—Там же, 1926, 12 апреля; он же. На Урминском нагорье.—Там же, 1926, 19 и 20 сентября; Я. По туземным районам.—Там же, 1926, 21 апреля; Н. К. На краю света.—Там же, 1926, 17 октября; С. Л. Научные экспедиции на Дальний Восток.—Там же, 1926, 5 февраля. Обследование Дальнего Востока.—Там же, 1926, 12 марта; Мариновский И. Е. Краеведческая экскурсия к гольдам.—Там же, 1929, 20 июля; Обследование Охотского побережья.—Там же, 1929, 21 августа. Обследование туземцев.—«Дальневосточный путь», 1923, 1 августа; Озеров И. Экспедиция ученых в тайгу.—Там же, 1927, 22 октября; М. Н. Первая научная экспедиция по изучению Сихотэ-Алиня.—Там же, 1928, 27 декабря. Тайна вымирания туземцев будет раскрыта.—Там же, 1928, 3 августа.
21. Огородников В. И. Русское и туземное земледелие на Амуре в XVII в.—Труды Гос. дальневост. ун-та. Владивосток, 1927, т. 3, в. 4; Бахрушин С. В. Казаки на Амуре. Л., 1925.
22. Орлова Е. П. Хозяйственный быт ламутов Камчатки.—«Северная Азия», 1928, № 5—6; Шаров К. Б. О населении северной части полуострова Камчатки.—«Статистический бюллетень». Хабаровск—Благовещенск, 1927, № 5—6; Гапанович И. Поездка на озеро Чукчагир.—«Сов. Приморье», Владивосток, 1925, ноябрь; Гапанович И. И. Амгунские тунгусы и негидальцы, их будущность.—Зап. О-ва изучения Маньчжурского края. Ист.-этногр. секция. Сер. А, в. 20. Харбин, 1927; Литвинцев В. П. Промысловое население Амгунского района.—«Экономическая жизнь Дальнего Востока», 1926, № 6—7; Радаев Н. Гиллой-Ольдойский и Амгунский охотничье-промысловый район.—Там же; Доброхотов П. В. Условия звероводства среди орочей северного побережья Татарского пролива.—Производительные силы Дальнего Востока. В. 4. Хабаровск—Владивосток, 1927; Лопатин И. А. Охотничий промысел орочей.—«Сов. Приморье», 1925, № 3; Правдин. На Северном побережье.—Там же, № 4; Васильев Б. А. Основные черты этнографии ороков.—«Этнография», 1929, № 1; Крейнович Е. А. Очерк космогонических представлений гиляков о. Сахалина.—Там же; Орловский П. Н. Анадырско-Чукотское оленеводство.—«Северная Азия», 1928, № 1; он же. Год анадырско-чукотского оленеводства.—«Северная Азия», 1928, № 2; Беретти Н. Н. На крайнем Северо-Востоке.—Зап. Владивостокского отд. РГО, т. 2(21). Владивосток, 1929; Гапанович И. И. Основные вопросы этнографии камчатских моряков. Прага, 1928; Орлова Е. П. Коряки полуострова Камчатки.—«Северная Азия», 1929, № 3; Ительмены (остатки древних обитателей Камчатки).—«Статистический бюллетень». Хабаровск, 1927, № 8—9; Кулагин К. Алеуты.—«Экономическая жизнь Дальнего Востока», 1927, № 6—7; Редько Б. А. Алеуты Командорских островов.—Производительные силы Дальнего Востока. Хабаровск—Владивосток, 1927.
23. Брежнев Л. И. Пятьдесят лет великих побед социализма. М., 1967, с. 18.
24. ЦГА РСФСР ДВ, ф. р—2540, оп. 1, д. 4, л. 59.
25. Там же, л. 285.
26. Там же, л. 51.
27. ААН СССР, ф. 409, оп. 1, д. 5, л. 51.
28. Там же, л. 53.

29. ААН СССР, л. 82.
30. Там же, д. 26, л. 11.
31. **Штернберг Л. Я.** Семья и род у народов Северо-Восточной Азии, 1933; он же. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936; он же. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933.
32. **Богораз В. Г.** Чукчи. Ч. 1. Л., 1934; ч. 2. Л., 1939.
33. **Золотарев А. М.** Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск, 1939.
34. **Билибин Н. Н.** Обмен у коряков. Л., 1934.
35. **Дебеч Г. Ф.** Ульчи. — «Антропологический журнал», 1935, № 1; Золотарев А. М. К вопросу о происхождении эскимосов. — Там же, 1937, № 1; Золотарев А. М. Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск, 1939; Левин М. Г. К антропологии чукоц. — «Антропологический журнал», 1936, № 2; он же. Материалы по краниологии приморских орочей. — Там же, № 3; он же. Краниологический тип ульчей (нани). — Там же, 1937, № 1; Мыльникова К. М., Цинциус В. И. Материалы по исследованию негидальского языка. — «Тунгусский сборник». Л., 1931. т; Окладников А. П. К археологическим исследованиям в 1935 г. на Амуре. — «Сов. археология», 1936, в. 1; Т. И. Петрова. Ульчский диалект нанайского языка. М.—Л., 1936; Токарева Т. Я. Материалы по краниологии алеутов. — «Антропологический журнал», 1937, № 1; Трофимова Т. А. К айнской проблеме. Там же, 1932, № 2; Липская Н. А. Краткий предварительный отчет о командировке для этнографического изучения нанаяв (гольдов). — «Сов. этнография», 1940 № 3; Золотарев А. М. Амурские орочи. — «Сов. Север», 1934, № 6; Каргер Н. А. Родовой состав ульчей. — Там же, 1931, № 5.
36. **Расцветаев М. К.** Тунгусы Мамайского рода. Л., 1933; Бооль В. Б. Гольды с реки Тунгуски. Этнографический отчет. Хабаровск, 1930; Шишкин М. Туземцы в районе рек Тунгуски и Кура. — «Сов. Север», 1931, № 3—4; Золотарев А. М. Пережитки родového строя у гиляков района Чомэ. — Там же, 1933, № 2; он же. К вопросу о генезисе классовообразования у гиляков. — «За индустриализацию советского Востока», 1933, № 3; Богораз В. Г. Чукотский общественный строй по данным фольклора. — «Сов. Север», 1930, № 6; он же. Чукчи. Ч. 1, 2; Власова В. Ф. Эскимосы с острова Врангеля. — «Сов. Арктика», 1935, № 5; Орлова Е. П. Азиатские эскимосы. — Изв. Всесоюз. геогр. о-ва, в. 2. Л., 1941; Баэрман К. Следы тотемического родového устройства у паренских коряков. — «Сов. Север», 1934, № 2; Билибин Н. Н. Среди коряков. — Там же, 1933, № 3; он же. Формы материального производства береговых коряков Пенжинской губы. — «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1934, № 6; Борисовский П. И. О пережитках родových отношений на Северо-Востоке Азии (юкагиры и коряки). — «Сов. этнография», 1935, № 4—5; Анисимов А. Ф. О социально-экономических отношениях в охотхозяйстве эвенков. — «Сов. Север», 1933, № 5; он же. Родовое общество эвенков (тунгусов). — Труды по этнографии научно-исследовательской ассоциации, т. 1. Л., 1936; Билибин Н. Н. Классовое расслоение кочевых коряков. Владивосток, 1933; Богораз В. Г. Классовое расслоение у чукоц оленеводов. — «Сов. этнография», 1931, № 1—2; Скачко А. Е. О социальной структуре малых народов Севера. — «Сов. Север», 1933, № 2, 3.
37. **Зеленин Д. Г.** Народы Крайнего Севера после Великой Октябрьской социалистической революции. — «Сов. этнография», 1938, № 1; Кандор Е. Д. Проблемы оседания малых народов Севера. — «Сов. Север», 1934, № 5; Кнопмиллер М. О. Социалистическое строительство среди эскимосов. — «Сов. Север», 1941, № 5; Кошелев Я. На путях социалистической реконструкции оленеводческого хозяйства. — Там же, 1931, № 11—12; На северной Чукотке. — Там же, 1932, № 3; Наумов Н. За социалистическое охотничье хозяйство. — Там же, 1933, № 5; Орлова Е. П. Десять лет социально-культурного строительства на Севере ДВК. — Там же, 1935, № 3—4; Сергеев М. А. Корякский национальный округ. — Труды по экономике научно-исследовательской ассоциации, т. 1. Л., 1934; он же. Реконструкция быта

народов Севера.— «Революция и национальности», 1934, № 3; Скачко А. Е. Советская работа среди малых народностей Дальнего Востока. М., 1930; Андреев А. Из опыта коллективизации. Корреспонденция из Аяно-Майского эвенского нац. района Охотско-Эвенского округа.— «Сов. Север», 1934, № 4.

38. Сем Л. И. История создания письменности малых народов советского Дальнего Востока.— Труды ДВНЦ АН СССР, сер. ист., т. 8. История, социология и филология Дальнего Востока. Владивосток, 1971, с. 109—119.

39. А. М. По нашим культбазам.— «Сов. Арктика», 1939, № 9; Базанов А. В., Казанский Н. Г. Школа на Крайнем Севере. Л., 1939; Володарский С. А. Ликвидирована неграмотность среди народов Севера.— «Сов. Арктика», 1938, № 2; Семушкин Т. З. Чукотская культбаза.— Там же, 1936, № 6; Комов Н. Работа в чукотской школе (на основе опыта школы при чукотской культбазе в зал. Лаврентия).— «Сов. Север», 1933, № 1; Пшеничников А. Культурное строительство в Эвенском национальном округе.— Там же, 1933, № 3; Скорик П. Культурный штурм тайги и тундры.— Там же, 1932, № 1—2; Стебницкий С. Н. У коряков на Камчатке. М., 1931; он же. Школа на тундре. М., 1932.

40. Выг Е. Растущие художники народов Севера.— «Сов. Арктика», 1936, № 9; Горбунков А. А. Художественный костерезный промысел на Чукотке.— Там же, № 6; Кригер В. Творчество народов Севера.— «Известия», 1936, № 76; Месс Л. Искусство северных народностей.— «Сибирские огни», 1930, № 4; Сенкевич В. В. Орнамент у народов Севера.— «Сов. Арктика», 1936, № 7; он же. Искусство Крайнего Севера на выставке народного творчества.— Там же, 1937, № 8; он же. Женское искусство на Крайнем Севере.— «Революция и национальности», 1937, № 3; Стещенко-Куфтина В. Элементы музыкальной культуры палеоазиатов и тунгусов.— «Этнография», 1930, № 3; Успенский А. На выставке живописи и культуры студентов ИНС (музей народов СССР).— «Сов. Север», 1935, № 2; Иванов С. В. Орнамента, религиозные представления и обряды, связанные с амурской лодкой.— «Сов. этнография», 1935, № 4—5; он же. Орнаментированные куклы ульчей.— Там же, 1936, № 4; он же. Медведь в религиозном и декоративном искусстве народностей Амура.— Памяти В. Г. Богораза. Л., 1937; Шнейдер Е. Р. Изобразительное искусство туземных племен Сибири.— Сибирская советская энциклопедия, т. 2. М., 1930; Штернберг Л. Я. Орнамент из оленьего волоса и игол дикобраза.— «Сов. этнография», 1931, № 3—4; Шуберт А. М. Изобразительные способности у детей эвенков (тунгусов). Л., 1935.

41. Зеленин Д. К. Имущественные запреты как пережиток первобытного коммунизма.— Труды Ин-та этнографии АН СССР (далее — ТИЭ). М., 1934, т. I, в. I; он же. Культ онгонов в Сибири. Пережитки тотемизма в идеологии сибирских народов.— Там же, 1936, т. 14, этнограф. сер., в. 3; Золотарев А. М. Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск, 1939; он же. Пережитки тотемизма у народов Сибири. Л., 1934; Крейнович Е. А. Рождение и смерть по воззрениям гилаков.— «Этнография», 1930, № 1—2; он же. Собаководство гилаков и его отражение в религиозной идеологии.— Там же, № 4; Урынович С. Религия туземных народностей Сибири. М., 1930; Штернберг Л. Я. Первобытная религия. Л., 1936.

42. Богораз В. Г. Религия как тормоз социалистического строительства среди малых народностей Севера.— «Сов. Север», 1932, № 1—2; Суслов И. М. Шаманство и борьба с ним.— Там же, 1931, № 3—4; он же. Шаманство как тормоз социалистического строительства.— «Антирелигиозник», 1931, № 7—8; Скачков И. Ф. Об антирелигиозной работе на Севере.— «Революция и национальности», 1934, № 7.

43. Вдовин И. С. Очерки истории и этнографии чукчей. М.—Л., 1965; Смоляк А. В. Ульчи. Хозяйство, культура и быт в прошлом и настоящем. М., 1966; Ларькин В. Г. Удэгейцы. Владивосток, 1959; он же. Орочи (историко-этнографический очерк с середины XIX в. до наших дней). М., 1964; Меновицков Г. А. Научно-популярный историко-этнографический очерк об азиатских эскимосах. Магадан, 1959; Таксами Ч. М. Возрождение нивхской

народности. Южно-Сахалинск, 1959; он же. Нивхи (современное хозяйство, культура и быт). Л., 1967; Василевич Г. М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII—начало XX в.). Л., 1969. Возрожденные народности. Владивосток, 1968; Антропова В. В. Коряки. Л., 1971. Сем Ю. А. Нанайцы. Матерьяльная культура. Этнографические очерки. Середина XIX—середина XX в. Владивосток, 1973; Крейнович Е. А. Нивхгу. Загадочные обитатели Сахалина и Амура. М., 1973; Юкагиры (историко-этнографический очерк). Новосибирск, 1975; Таксами Ч. М. Основные проблемы этнографии и истории нивхов. Середина XIX—начало XX в. Л., 1975. Народы Сибири. Этнографические очерки. М.—Л., 1956.

44. Очерки истории СССР. Первобытнообщинный строй и древнейшие государства на территории СССР. М., 1956. Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. III—IX вв. М., 1958; Очерки истории СССР. Период феодализма. X—XV вв. Ч. 1. М., 1953. Ч. 2. М. 1953. Очерки истории СССР. Период феодализма, конец XV—начало XVII вв. М., 1955. Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М. 1955. Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в период первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I. М., 1954. Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. М., 1956. Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в. Народы СССР в первой половине XVIII в. М., 1956. История СССР в 12-ти томах. М., 1966—1972. История Коммунистической партии Советского Союза в 6-ти томах. М., 1964—1972 г. История Сибири с древнейших времен до наших дней в 5-ти томах. Л., 1968—1969.

45. Проблемы истории докапиталистических обществ. Кн. 1. М., 1968. Разложение родового строя и формирование классового общества. М., 1968. Общественный строй у народов Северной Сибири. XVII—начало XX в. М., 1970. Охотники, собиратели, рыболовы. Проблемы социально-экономических отношений в доземледельческом обществе. Л., 1972.

46. Бромлей Ю. В. Этнографические исследования в СССР.—Работы советских историков за 1965—1969 гг. (XIII Международный конгресс исторических наук). М., 1970, с. 222.

47. История Сибири. Т. 1. Древняя Сибирь. Л., 1968. Происхождение абorigineнов Сибири. Мат-лы межвузовской конференции 11—13 мая 1969 г. Томск. 1969. Мат-лы конференции «Этногенез народов Северной Азии», в. 1. Новосибирск, 1969; Диков Н. Н. Открытие палеолита на Камчатке и проблема первоначального заселения Америки.—Труды СВКНИИ СО АН СССР. М., 1967, в. 17. История и культура народов Севера Дальнего Востока; он же. Верхний палеолит Камчатки.—«Сов. археология», 1969, №3; он же. Древние костры Камчатки и Чукотки. 14 тысяч лет истории. Магадан, 1969; он же. Древние культуры Камчатки и Чукотки. АДД. Новосибирск, 1971. Деревянка А. П. Приамурье в древности (до начала нашей эры). АДД. Новосибирск, 1971. Сибирский археологический сборник, в. 2. Новосибирск, 1966. Археология и этнография Дальнего Востока, в. 1. Новосибирск, 1964. Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961; Окладников А. П. Далекое прошлое Приморья. Владивосток, 1959; он же. Петроглифы Нижнего Амура. Л., 1971; он же. Лики древнего Амура. Новосибирск, 1968; он же. Олень—золотые рога. Л., 1964; Бродянский Д. Л. Южное Приморье в эпоху освоения металла (II—I тыс. до н. э.). АКД. Новосибирск, 1969; Чубарова Р. В. Древний Сахалин. Л., 1967; Голубев В. А. Археология Курильских островов. АКД. Новосибирск. 1972; Сергеев Д. А. Развитие древних культур эскимосов Западного Берингоморья. АКД. Л., 1966; Арутюнов С. А., Сергеев Д. А. Древние культуры азиатских эскимосов. (Уэленский могильник). М., 1969; Руденко С. И. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. М.—Л., 1947.

48. Вдовин И. С. Эскимосские элементы в культуре чукчей и коряков.—Сибирский этнографический сборник, в. 3. М.—Л., 1961; Смоляк А. В. К вопросу о происхождении ороков.—Крат. сообщ. Ин-та этнографии АН СССР (далее—КСИЭ), в. 21. Л., 1954; она же. Состав, происхождение и расселение ульчих родов.—Труды Ин-та этнографии АН СССР. М.—Л.,

1963, т. 84; она же. Материальная культура ульчей и некоторые вопросы их этногенеза.—«Сов. этнография», 1957, № 1; она же. Некоторые вопросы древней истории народов Приамурья и Приморья.—«Сов. этнография», 1959, № 1; Ларькин В. Г. Удэгейцы. (Историко-этнографический очерк с середины XIX в. до наших дней). Владивосток, 1958; он же. К вопросу о газах.—КСИЭ, 1959, в. 31; Бернштам А. Н. Заметки по этногенезу народов Северной Азии.—«Сов этнография», 1947, № 2; Василевич Г. М. К проблеме этногенеза тунгусо-маньчжуров (по материалам изучения колыбелей).—КИСЭ, в. 28, 1958; она же. Тунгусская колыбель. (В связи с проблемой этногенеза тунгусо-маньчжуров).—Сб. МАЭ, 1960, т. 19; она же. Древнейшие этнонимы Центральной Азии и названия эвенкийских родов.—«Сов. этнография», 1946, № 4; она же. К вопросу о палеоазиатах Сибири.—КСИЭ, 1949, т. 8; она же. Материалы языка, фольклора и этнографии к проблеме этногенеза тунгусов.—Архив Ленингр. отд. Ин-та этнографии АН СССР, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 676, 677; Сем Ю. А. Происхождение малых народностей южной части советского Дальнего Востока.—Тез. докл. на сессии совета ДВФ АН СССР по итогам науч. исслед. за 1957 г. Владивосток, 1958; он же. Родовая организация нанайцев и ее разложение. Владивосток, 1959; он же. Происхождение ороков Сахалина.—Общие закономерности и особенности исторического развития народов советского Дальнего Востока (с древнейших времен до наших дней). Тез. докл. и сообщ. на секции гуманитарных наук совета ДВФ АН СССР по итогам исслед. и научно-орг. работы за 1964 г. Владивосток, 1965.

49. Василевич Г. М. Древнейшие этнонимы Центральной Азии и названия эвенкийских родов.—«Сов. этнография», 1946, № 4; она же. Материалы языка и проблема этногенеза тунгусов.—КСИЭ. Л., 1946, т. 1; она же. Древнейшие языковые связи современных народов Азии и Европы.—ТИЭ, нов. сер., 1947, т. 2; Цинциус В. И. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1949; Сем Л. И. Прошлое и настоящее тазов.—География Сибири и Дальнего Востока. (Мат-лы второго науч. совещания географов Сибири и Дальнего Востока. Тез. докл. и сообщ.). В. 4. Секция этнографии и географии населения. Владивосток, 1962; она же. О языке сунгарийских нанайцев.—Тез. докл. на сессии совета ДВФ СО АН СССР по итогам науч. исслед. 1958 г. Владивосток, 1959; она же. Язык бикинских (уссурийских) нанайцев (по мат-лам экспедиции 1954—1955 гг.).—Труды ДВФ СО АН СССР. Сер. ист. Владивосток, 1959, т. 1; она же. Основные особенности нижеамурских говоров нанайского языка.—Там же, 1967, т. 7. История, археология и этнография Дальнего Востока. Сем Л. И. О диалектическом изучении тунгусо-маньчжурских языков.—Труды ДВФ СО АН СССР. Сер. ист. Владивосток, 1968, т. 6. Народы советского Дальнего Востока в дооктябрьский период истории СССР. Проблемы общности алтайских языков. Л., 1971.

50. Дебев Г. Ф. Антропологические исследования в Камчатской области.—ТИЭ, нов. сер. М., 1951, т. 17; Левин М. Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока.—ТИЭ, нов. сер. М., 1958, т. 36; он же. К проблеме происхождения северо-восточных палеоазиатов.—Сб. ст. по истории Дальнего Востока. М., 1958; Чебоксаров Н. Н. Основные проблемы этнической антропологии Дальнего Востока.—Вопросы истории советского Дальнего Востока (Тез. докл. на пленарном заседании IV Дальневост. науч. конф. по вопросам истории, археологии, этнографии и антропологии). В. 1. Владивосток, 1965; Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы. Расы. Культуры. М., 1971.

51. Родовое общество. Материалы и исследования.—ТИЭ, нов. сер. М., 1960, т. 55; Гурвич И. С. Этническая история Северо-Востока Сибири.—ТИЭ, нов. сер. М., 1966, т. 89; Сем Ю. А. Основные изменения в расселении нанайцев к 50—60-м годам XIX столетия и их причины.—Труды ДВФ СО АН СССР. Владивосток, 1959, т. 1; он же. Об изменении территории расселения нанайцев за годы Советской власти.—Труды ДВФ СО АН СССР. Сер. ист. Владивосток, 1960, т. 2. Национальный состав, размещение и хозяйственная деятельность населения южной части советского Дальнего

Востока.— География Сибири и Дальнего Востока. В. 4. Владивосток, 1962; он же. Коренное население Приморья в конце XVI — начале XVII в.— Вопросы истории, философии, географии и экономики Дальнего Востока. (Мат-лы IX конф. молодых ученых). Владивосток, 1968; Росугбу Б. М. Этнические процессы у малых народностей Приамурья. (По мат-лам Всесоюзной переписи населения 1969 г.).— Там же; она же. Малые народности Приамурья на современном этапе коммунистического строительства (1959—1965 гг.). АКД. Владивосток, 1969; Сем Л. И. Этнографо-лингвистические сведения об уссурийских нанайцах.— Вторая науч. конф. по истории, археологии и этнографии Дальнего Востока. (Тез. докл. и сообщ.). Владивосток, 1960.

52. **Гарусов И. С.** О социальной принадлежности крупного оленеводства Северо-Востока накануне коллективизации.— Зап. Чукотского краевед. музея. Магадан, 1967, в. 4; Меновщиков Г. А. Эскимосы. Магадан, 1959. Общественный строй у народов Северной Сибири. XVII — начало XX в. М., 1970; Таксами Ч. М. Охотники, рыболовы и собиратели Амурского бассейна и Сахалина.— Охотники. Собиратели. Рыболовы. Л., 1972; Вдовин И. С. Из истории общественного строя чукчей.— «Сов. этнография», 1948, № 3; Антропова В. В. Вопросы военной организации и военного дела у народов Крайнего Северо-Востока Сибири (XVII—XVIII вв.).— ТИЭ, нов. сер., 1957, т. 35; Архинчев И. С. Материалы для характеристики социальных отношений чукчей в связи с социалистической реконструкцией хозяйства.— Там же; Сергеев М. А. О статье И. С. Архинчева «Материалы для характеристики социальных отношений чукчей в связи с социалистической реконструкцией хозяйства».— Там же; Ларькин В. Г. Некоторые данные о родовом составе удэгейцев.— КСИЭ, 1957, в. 27; Меновщиков Г. А. О пережиточных явлениях родовой организации у азиатских эскимосов. (Из полевых наблюдений).— «Сов. этнография», 1962, № 6; Сем Ю. А. Родовая организация нанайцев (XVII — начало XX вв.). АКД. Л., 1959; он же. Социальный состав патриархальной общины нанайцев. (XVII — первая четверть XX вв.).— Тез. докл. на сессии совета ДВФ СО АН СССР по итогам науч. исследований 1958 г. Владивосток, 1959; он же. Пережитки материнского рода у нанайцев.— Труды ДВФ СО АН СССР. Сер. ист. Владивосток, 1961, т. 2; он же. Влияние русской колонизации на социально-экономические отношения малых народов южной части советского Дальнего Востока (вторая половина XIX — начало XX вв.).— Третья науч. конф. по истории, археологии и этнографии Дальнего Востока. В. 2. Владивосток, 1962; Росугбу Б. М. Некоторые вопросы социально-экономического положения малых народностей Приамурья накануне коллективизации (1922—1929 гг.).— Вопросы истории советского Дальнего Востока, в. 3. Владивосток, 1965 и др.

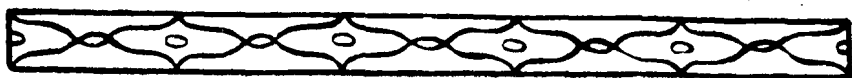
53. **Василевич Г. М.** Эвенки. Л., 1969; Меновщиков Г. А. Эскимосы; Таксами Ч. М. Нивхи. Л., 1967; Смоляк А. В. Ульчи. М., 1966; Ларькин В. Г. Удэгейцы. Владивосток, 1958; он же. Орочи. М., 1964; Народы Сибири. М.—Л., 1956. Историко-этнографический атлас Сибири. М.—Л., 1961; Востриков Г. Г., Вострикова Л. А. Медицина народов Дерсу. Хабаровск, 1971; Смоляк А. В. Материальная культура ульчей (жилище, одежда, пища, средства передвижения) в середине XIX — первой четверти XX в. АКД. Л., 1955; она же. Об одном древнем типе жилища на Северо-Востоке Азии.— Сб. МАЭ. 1957, т. 17; Таксами Ч. М. Жилые и хозяйственные постройки нивхов Амура и западного побережья о. Сахалина (середина XIX — начало XX в.). АКД. Л., 1959; он же. Селения, жилые и хозяйственные постройки нивхов Амура и западного побережья о. Сахалина (середина XIX — начало XX в.).— ТИЭ, нов. сер., 1961, т. 64; Василевич Г. М. Тунгусский кафтан. (К истории его развития и распространения).— Сб. МАЭ, 1958, т. 18; она же. Тунгусский нагрудник у народов Сибири.— Там же, 1949, т. 11; Прыткова Н. Ф. Типы верхней одежды народов Сибири.— КСИЭ, 1952, т. 15; Антропова В. В. Старинные камчадальские сани.— Сб. МАЭ, 1949, т. 11; Левин М. Г. О происхождении и типах упряжного собаководства.— «Сов. этнография», 1946, № 4; Ива-

нов. С. В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX в. Сюжетный рисунок и другие виды изображений на плоскости. М. — Л. 1954; он же. Реалистические основы искусства тунгусо-маньчжуров. — КСИЭ, 1949, в. 5; он же. Чукотско-эскимосская гравюра на кости. — «Сов. этнография», 1949, № 4; Благодатов Г. И. Музыкальные инструменты народов Сибири. — Сб. МАЭ, 1958, т. 18; Богораз В. Г. Игры малых народностей Сибири. — Там же, 1949, т. 11; Орлова Е. П. Резная кость. Новосибирск, 1964; Лыткин В. А. Новая жизнь — новые песни. Современная национальная музыка Чукотки и пути ее развития. Магадан, 1970; Танцы Хабаровского края. Хабаровск, 1970; Соколова Т. Г. К вопросу об использовании чукотским населением дикой флоры в районе мыса Дежнева. — Зап. Чукот. краевед. музея. Магадан, 1961, в. 2; Ларькин В. Г. Хозяйство и средства передвижения удэгейцев до установления Советской власти. — Труды ДВФ СО АН СССР. Сер. ист. Владивосток, 1959, т. 1; Сем Ю. А. Материальная культура нанайцев (середина XIX — середина XX в.). — Тез. докл. на юбилейной сессии, посвященной 30-летию ДВФ им. В. Л. Комарова СО АН СССР, сер. ист., в. 6. Владивосток, 1962; он же. Нанайцы. Материальная культура. Этнографические очерки. Середина XIX — середина XX в.; Ларькин В. Г. Материальная культура удэгейцев до установления Советской власти. — Труды ДВФ СО АН СССР. Сер. ист. Владивосток, 1963, т. 5; Старкова Н. К. Влияние русской культуры на материальную культуру ительменов. — Вопросы истории советского Дальнего Востока. (Тез. докл. и сообщ.). В. 2. Владивосток, 1965; она же. Пища ительменов. — Восьмая конф. молодых ученых Дальнего Востока. Тез. докл. и сообщ. Владивосток, 1965; она же. Обувь ительменов. — Труды ДВФ СО АН СССР. Сер. ист. Владивосток, 1967, т. 7. История, археология и этнография Дальнего Востока.

54. **Сергеев М. А.** Некапиталистический путь развития малых народов Севера. — Труды Ин-та этнографии. Нов. сер. т. 27. М. — Л., 1955. Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера. М., 1971; Яковлева Е. В. Малые народности Приамурья после социалистической революции. Хабаровск, 1957; Туголуков В. А. Развитие малых народов Севера в современных условиях. М., 1964. Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера. М., 1970. Новая жизнь народов Севера. М., 1967; Таксами Ч. М. Переустройство культуры и быта народов Нижнего Амура и Сахалина. М., 1964; он же. Возрождение нивхской народности. Южно-Сахалинск, 1959. Возрожденные народности. Владивосток, 1968; Клещенко И. П. Народы Севера и ленинская национальная политика в действии. М., 1969; Зибарев В. А. Советское строительство у малых народностей Севера (1917—1932 гг.). Томск, 1968; он же. Большая судьба малых народов. Новосибирск, 1972; он же. Создание советской национальной социалистической государственности малых народностей Севера (1917—1932 гг.). АКД. Томск, 1972; Пастушенко Л. К. Культурное строительство у малых народов Дальнего Востока в годы первых пятилеток (1928—1937 гг.). АКД. Томск, 1971; Гарусов И. С. Социалистическое переустройство сельского промышленного хозяйства Чукотки (1928—1952 гг.). Владивосток, 1966; Росугбу Б. М. Малые народности Приамурья на современном этапе коммунистического строительства (1959—1965 гг.). АКД. Владивосток, 1969; она же. Формирование национального рабочего класса в Приамурье. — Мат-лы второй Дальневосточной межвузовской науч. конф. по истории советского Дальнего Востока, посвященной 50-летию Октябрьской революции. Хабаровск, 1967; Кириченко П. В. Осуществление ленинского кооперативного плана среди народностей Приамурья (1922—1936 гг.). АКД. Томск, 1969; Тимохин В. А. Проведение ленинской национальной политики среди малых народов низовий Амура. АКД. Новосибирск, 1971; Леонтьев В. В. Народы Чукотки на современном этапе коммунистического строительства (1958—1967 гг.). АКД. Новосибирск, 1969; Антропова В. В. Проблема некапиталистического пути развития народов Севера в советской историко-этнографической литературе. — Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера. М., 1971, с. 50—65.

55. **Лаврентьева М. А.** КПСС — организатор социалистического строительства у малых народов Севера. АКД. Л., 1964; Балицкий В. Г. От патриархального строя к социализму. М., 1969.

56. **Анисимов А. Ф.** Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований. М.—Л., 1958; он же. Космогонические представления народов Севера. М.—Л., 1959; он же. Исторические особенности первобытного мышления. Л., 1971; Золотарев А. М. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964; Шахнович М. И. Первобытная мифология и философия. Предыстория философии. Л., 1971; С. А. Токарев. Ранние формы религии. М., 1964; Вдовин И. С. К методологии и методике исследования шаманизма у народов Сибири.— Краткое содержание докладов годичной научной сессии Ин-та этнографии АН СССР 1970 г. Л., 1971; Иванов С. В. Элементы военной (защитной) одежды в шаманских костюмах народов Сибири.— Там же; Василевич Г. М. К вопросу о шаманском костюме тунгусов и эвенков в частности.— Там же.

ДЕКОРАТИВНОЕ ИСКУССТВО МОНГОЛЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ XIII — СЕРЕДИНЫ XX в. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Н. В. Кочешков

В жизни и быте монгольязычных народов большое место занимало и продолжает занимать декоративное искусство. В нем отразилось не только самобытное эстетическое мировоззрение этих народов, главным занятием которых было кочевое скотоводство, но и социальный быт, уровень развития хозяйства и производства, историко-культурные связи с другими народами. В ряде случаев памятники декоративного искусства позволяют в значительной мере расширять наши представления о пока еще мало изученных культурных связях кочевников с представителями охотничьих и земледельческих культур.

Вопрос об искусстве как историческом источнике впервые во всей широте поставил советский этнограф С. В. Иванов на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук в Москве, состоявшемся в 1964 г. [1]. С тех пор советские и зарубежные исследователи обращаются к данному аспекту изучения народного декоративного искусства все чаще. Для примера можно назвать работы академика А. П. Окладникова и других авторов [2].

Советские и зарубежные исследователи сделали ценные выводы о связях современного декоративного искусства некоторых народов с искусством древних народов. Еще в 1903 г. известный японский ученый К. Хамада сравнивал современный айнский орнамент с неолитическим и пытался установить их родство [3]. Позднее, в 1940—1942 гг., японские исследователи К. Киндаити и С. Сугияма сделали попытку сравнить декоративное искусство айнов с искусством первобытных народов Дальнего Востока [4]. Интересную работу опубликовал в 1953 г. американский исследователь Г. Уэльфшиш: в ней рассматриваются связи современного индийского искусства с древнеиндийским [5]. Известный исследователь истории куль-

туры народов Сибири У. Иохансен (ФРГ) по данным орнамента выявила родство современного искусства якутов с искусством народов Древнего Алтая [6]. Советские историки установили связи между искусством современных народов Сибири и древнего населения Алтая [7], современного искусства хакасов и енисейских кыргызов [8], искусства якутов и древнего курыканского и кыргызского [9], искусства обских угров, долган и ненцев и племен андроновской эпохи [10], современного монгольского искусства и древнего искусства народов Сибири и Дальнего Востока [11].

Интерес к изучению народного декоративного искусства на историко-этнографической основе заметно повысился в 50—70 гг. нашего столетия. Вместе с тем в этой области еще немало нерешенных проблем. Одна из них — изучение в качестве исторического источника произведений декоративного искусства монголоязычных народов.

Рассматривая произведения народного декоративного искусства в качестве исторического источника, мы делаем попытку воссоздать объективную картину сложной этнической истории и культурных связей монголов, бурятов и калмыков с другими народами.

Прародиной монголоязычных народов являются, по-видимому, степи Забайкалья и Центральной Азии. Культура древнейших народов и племен этого обширного района возникла и развивалась под воздействием цивилизаций целого ряда тюркомонгольских, тунгусо-тибетских и частично тунгусских племен, занимавшихся испокон веков кочевым скотоводством. Культурные традиции и связи народов Забайкалья и Центральной Азии прослеживаются в течение многих веков. По данным новейших археологических раскопок на территории нынешней Монголии и согласно последним исследованиям советских и монгольских историков, монголы XI—XIII вв. унаследовали многие культурные достижения своих предшественников — от хуннов до монголоязычных киданей, творчески развив и значительно обогатив их [12].

Накопленный материал по искусству монголоязычных народов уже сейчас позволяет сделать некоторые выводы. Так, материал по народному искусству монголов свидетельствует о том, что у них еще в дочингисову эпоху (до XIII в.) были широко развиты ремесла, особенно кузнечное [13], и существовало вполне развитое для того времени декоративное искусство. У древних монголов имелись постоянные культурные контакты не только с народами Тибета, Индии, Китая, исповедовавшими буддизм, но и с народами Южной Сибири, Средней Азии, с народами Амура и Сахалина [14]. Изучение орнаментики доказало, что генезис народного декоративного искусства монголов следует искать не столько в земледельческих цивилизациях Восточной Азии, сколько в кочевых и охот-

ничьих культурах народов Сибири. При этом не следует забывать, что сам монгольский этнос образовался не на пустом месте; его предшественниками, вероятно, были племена, говорившие на тюркских и тунгусских языках [15].

На основании письменных источников установлена бесспорная генетическая связь монгольской группы центральноазиатских племен XIII в. с их предками дун-ху, хорошо известными с IV в. до н. э. Древнемонгольские племена заселяли земли от Забайкалья до хребта Иньшань, располагаясь широкой полосой вдоль Хингана. Восточной их границей была р. Нонни. Степи и горы Монголии к западу от древних монголов были заняты тюркоязычными племенами. Такое положение, по данным Л. Л. Викторовой, сохранялось до начала XIII в. [16].

Ближайшими этническими предшественниками монголов считаются кидани. Для выявления генезиса монгольского искусства необходимо, на наш взгляд, привлечение материала по декоративному искусству киданей. Но сделать это пока трудно, так как искусство киданей изучено недостаточно, оно лучше исследовано на территории Внутренней Монголии зарубежными археологами и искусствоведами [17]. Судя по некоторым опубликованным данным, для искусства киданей характерно сочетание туземных кочевых традиций с оседлыми земледельческими. Так, многие глиняные сосуды киданей буквально копируют кочевнические кожаные, полностью повторяют их орнаментальные украшения и даже имитируют швы [18].

У киданей были распространены также изделия из бронзы и камня, ювелирное дело, ткачество, ковроделие, вышивка, торевтика, резьба по камню, дереву и резной кирпич [19].

Традиции декоративного искусства киданей были творчески восприняты монголами XIII в.; они получили дальнейшее развитие, приобретая черты национального своеобразия.

После образования монгольского государства XIII в. и в связи с грандиозными завоеваниями Чингис-хана и его преемников происходили значительные перемещения народных масс по всей Азии, а также и в самой Монголии [20]. Быстро накапливаемые в военных походах богатства позволили монгольским феодалам заняться строительством городов. Переброска больших групп оседлого населения Китая и Средней Азии в качестве военнопленных способствовала широкому развитию земледелия и ремесел. Однако наступавший культурный расцвет длился недолго, он не был основан на внутренних социально-экономических достижениях Монголии. Паразитический характер эксплуатации соседних народов привел в конце концов к приостановлению имманентного развития монгольской экономики, к отрицательным последствиям не только для захваченных стран, но и для самих монголов. В результате завоевательных, грабительских войн Монголия потеряла значительную часть производительного населения, которое осталось на

чужбине и «растворилось» среди других народов. Период завоеваний нарушил нормальное социально-экономическое и культурное развитие Монголии, предопределив ее отставание. В экономическом отношении страна была отброшена назад, экстенсивное кочевое скотоводство сохранило свое значение основного вида производственной деятельности монголов [21]. На несколько веков затормозилось и развитие монгольского искусства, хотя его традиции не прерывались даже в самые мрачные и трудные для народа времена маньчжуро-китайского колониального гнета.

Для современной китайской историографии характерно изображение грабительских завоеваний чингисидов и колониального господства китайско-маньчжурских феодалов чуть ли не «золотым веком» для монголов, не имевших якобы собственной культуры и занимавшихся только ее механическим заимствованием у «самого великого народа Азии». Неправомерность такой трактовки культурно-исторического процесса была доказана советскими и монгольскими историками [22].

Культура и искусство монголов и в феодальный период имели свою историю, свое неповторимое национальное своеобразие, свои художественные традиции, развивающиеся в весьма сложных специфических условиях [23].

Большую сложность и научную актуальность представляет для исследователя и художественная культура монголоязычных народов СССР — бурятов и калмыков.

Сложность изучения декоративного искусства бурятов заключается прежде всего в том, что они жили и живут в настоящее время на огромных просторах Сибири, на площади около 400 тыс. кв. км, в трех крупных административных районах РСФСР — в Бурятской АССР, в Усть-Ордынском Бурятском автономном округе Иркутской области и в Агинском Бурятском автономном округе Читинской области.

Сложность изучения истории бурятской культуры заключается еще и в том, что в этих районах материальная и духовная культура имела серьезные различия, особенно между западными (прибайкальскими) и восточными (забайкальскими) бурятами [24]. Эти различия были обусловлены целым рядом причин исторического, географического, хозяйственно-экономического и идеологического порядка.

Так, западные буряты (аларские, ольхонские, тункинские, эхиритские и др.) долгое время жили в условиях тайги, имели мало скота, сильное влияние на них оказывали лесные племена Сибири, а с XVII в. — русские. Ламаизм к ним не проник. До самой Октябрьской социалистической революции наряду с христианством у них существовала так называемая «черная вера» (шаманство). В искусстве западных бурятов преобладал геометрический орнамент при почти полном отсутствии мотивов растительного орнамента и яркой полихромии,

так характерных для искусства восточных, забайкальских бурят.

Забайкальские буряты (селенгинские, хоринские, цонгольские, сартульские, агинские и др.) в своем искусстве имели много черт, близких искусству монголов. На искусство забайкальских бурят известно влияние оказал ламаизм и вместе с ним восточноазиатское искусство. Но и искусство забайкальских бурят не было однородным, существовали его локальные очаги, в которых оно заметно отличалось не только от западнобурятского искусства, но и от искусства соседних забайкальских улусов.

Возьмем, к примеру, агинских бурят. Несмотря на относительно малочисленность (33 117 чел. по данным Всесоюзной переписи населения 1970 г.) [25], они долгие годы жили компактной, изолированной от других бурят группой и сумели создать самобытное искусство, которому были свойственны не только общебурятские черты и элементы, но и немало признаков, характерных для искусства их соседей — монголов [26].

Самобытность искусства агинских бурят нашла наиболее полное выражение в украшении бытовых предметов — ножей, подушек, ступок для толчения «кирпичного» чая, а также в оформлении традиционных музыкальных инструментов и в фигурах национальных шахмат — «шатар». Например, ножи агинских бурят отличаются от изделий мастеров Бурятии коралловыми вставками в ажурные серебряные розетки на своих навершиях. На них преимущественно распространен геометрический орнамент. Или другой пример. Традиционный для монгольских народов музыкальный смычковый инструмент «хуур» при полном сохранении национальной формы получил у агинских бурят оригинальное декоративное решение: здесь отсутствуют барельефные изображения головы коня, как в монгольском моринхуре, и нет такого обилия растительного орнамента в росписи, характерного для мастеров Бурятии.

Очень сложна история декоративного искусства калмыков. По словам академика Б. Я. Владимирцова, калмыки — народ кочевой, но далеко не первобытный; они пережили много с того момента, как исторические обстоятельства вывели их на арену истории. Они знали и условия жизни отдельными, раздробленными племенами, они проходили стадию образования государства — племенного союза и делали попытки создания крепкого кочевого государства. Пришлось им в своих обширных перекочевках видеть много земель, сталкиваться с разными народами: с китайцами, киргизами, кавказскими горцами. Калмыки, так же, как и другие монголы, в свое время подверглись влиянию буддийской, тибетско-индийской культуры, они сумели вместе с кочевым бытом соединить известные культурные приобретения, например национальную письменность [27].

На искусство калмыков оказывали значительное влияние

не только родственные им монгольские племена, но и народы Поволжья, Кавказа, русские. В сложении калмыцкого этноса известную роль сыграли ойраты, представители западной ветви монгольских племен. Ойраты некогда имели развитую культуру, оказывавшую влияние на культуру западных бурятов. На генетическую связь с ойратами указывают и предания западных (эхирит-булагатских) бурятов. Так, в одном из преданий повествуется о шаманке Асойхан, которая происходила из племени ойратов. Асойхан имела двух сыновей — Бурядая и Хоридаю. Потомки сыновей Бурядая — Эхирита и Булагата — расселились к северу от Байкала и на острове Ольхон. Интересно, что имя Бурядая распространяется только на эхиритов и булагатов, основных жителей Прибайкалья [28].

Таким образом, данные древнемонгольского фольклора проливают свет на пока совсем еще не изученные связи в далеком прошлом между ойратами, одними из предков современных калмыков, и западными бурятами. Поэтому особого внимания заслуживает сопоставление декоративного искусства западных бурятов и калмыков.

Что представляет собою современное декоративное искусство калмыков? Это искусство, в котором во многом утрачена монгольская основа, но появились новые элементы, новые сюжеты, представляющие собою нечто самобытное, оригинальное в художественной культуре монгольских народов. Интересно, что рисунок калмыцкого орнамента XVIII—XIX вв. не имеет ничего общего с монгольским, несмотря на общность истории монгольских племен, бытовых вещей типа кожаной фляги «бортха», деревянного кувшина «домбо», войлочного ковра «ширдык» и т. п. Калмыцкий орнамент по рисунку строже, проще монгольского, по цвету и по декору богаче и тоньше его, а в вышивке золотой и серебряной нитью по бархату он становится сложнее и изощреннее и по рисунку. Основой калмыцкого орнамента является черная центральная полоса, дающая силу цветовой гамме [29]. В монгольском же орнаменте черный цвет почти совсем исключается, так как, по понятиям монголов, он символизирует ночь, мрак, бедствия [30]. Такое неодинаковое отношение калмыков и монголов к орнаменту и к цветовой символике — результат их разных исторических судеб, разных по силе воздействия культурных контактов с другими народами. И очень верна, на наш взгляд, мысль исследователя калмыцкого искусства Д. В. Сычева о том, что необходимо обратить серьезное внимание на датировку образцов народного искусства с тем, чтобы отделить от подлинно калмыцких образцов все случайное и наносное [31].

Приведенные примеры свидетельствуют о необходимости привлечения произведений народного декоративного искусства в качестве исторического источника при решении сложных этнографических проблем и проблемы историко-культурных

связей в комплексе с другими историческими источниками: этнографическими, археологическими, антропологическими, лингвистическими, фольклорными.

Остановимся коротко на методике исследования народного декоративного искусства под историко-этнографическим углом зрения.

Эта методика должна включать, по крайней мере, три основных момента.

Во-первых, при изучении двух или нескольких искусств при наличии между ними в прошлом исторической общности необходимо исследовать процесс выделения из прежней общности отдельных искусств, формирования их в качестве самостоятельных явлений. Так, например, может быть поставлено изучение процесса образования национальных искусств трех монголоязычных народов — монголов, бурятов, калмыков.

Во-вторых, при рассмотрении явлений, возникших в искусствах определенных народов, нужно обратить особое внимание на сравнительно-типологическое изучение этих явлений в разные исторические эпохи. Например, определенный интерес представляет изучение искусства монголоязычных народов и в феодальный период, и в эпоху социализма, когда эти народы консолидировались в социалистические нации.

В-третьих, в сравнительно-сопоставительном плане могут изучаться и явления, возникшие в разных искусствах в результате контактов народов, имевших общую этническую основу, с другими народами, у которых были похожие с ними черты хозяйства и быта. Задача исследователя в этом случае — обнаружение самих связей, выяснение их исторических причин, характера, путей, средств, а также раскрытие последствия этих связей как для отдельных искусств, так и для совокупностей искусств, охваченных ими. Огромное значение представляет рассмотрение в сравнительно-сопоставительном плане искусства монголоязычных народов и искусства кочевых тюркских или тунгусоязычных народов, среди которых преобладали племена оленеводов, охотников и рыболовов. На всем протяжении своей истории эти группы народов имели разнообразные культурные контакты между собой, у них некогда были идентичные верования, представления и даже некоторые общие черты хозяйства и быта.

По какому же пути должно идти сравнительное изучение разных искусств? Есть два пути — путь прямого сравнения памятников искусства и поисков аналогий и путь сравнительно-сопоставительного анализа не искусств в целом, а более глубоко и общих факторов, таких, как круг сюжетов, выбор материалов, характер построения орнамента, колорит.

Необходимо, на наш взгляд, иметь в виду оба пути, но предпочтительнее все же второй путь.

Когда речь идет о декоративном искусстве монголоязычных

народов, тогда допустимо прямое сравнение искусства монголов, бурят, калмыков. Но когда исследуется художественная культура кочевого мира, объединившего разные этносы, разные языки, тогда необходимо сравнить круг сюжетов и найти в нем общие закономерности, специфические черты, особенности орнамента и колорита, рассмотреть общие для кочевников-степняков материалы и технико-художественные приемы.

Следует особо подчеркнуть, что декоративное искусство кочевых народов Евразии не стояло особняком среди искусств других народов Сибири, Средней Азии, Дальнего Востока.

Глубоко ошибочной, порочной и реакционной представляется в этом свете концепция крупного английского буржуазного историка и социолога А. Тойнби, изложенная в главном его труде — двенадцатитомном «Исследовании истории» [32]. Главное место в концепции А. Тойнби занимает тезис об извечной противоположности и даже непримиримости материальных и духовных интересов кочевых обитателей степи и населения оседлых оазисов, чему служат причиной якобы объективные, не зависящие от воли тех и других природные факторы. Неизменное повторение одних и тех же операций по раз и навсегда установившейся орбите во время перекочевок с одних сезонных пастбищ на другие начисто лишает, по мысли А. Тойнби, кочевое общество внутренних предпосылок, необходимых для прогрессивного развития. По этой причине, он считает, кочевые народы не имеют, в сущности, своей истории (33).

Факты, приведенные нами, вопреки мнению А. Тойнби, убеждают, что кочевники являются народами, обладающими собственной историей не в меньшей мере, чем народы оседлые, что народов без истории вообще никогда не было и не могло быть. Вклад кочевых народов в мировую историю, в мировой исторический прогресс, в мировую художественную культуру был в некоторых случаях не только не меньшим, но порою и более значительным, чем вклад оседлых земледельческих обществ. И лучшее доказательство этому — высокоразвитое искусство монголоязычных народов — монголов, бурят, калмыков [34].

Весь уклад жизни монголоязычных народов в прошлом определялся преобладанием в их хозяйстве кочевого скотоводства. К кочевому образу жизни были приспособлены жилища (переносные войлочные юрты), одежда свободного и широкого покроя, тип утвари (в основном кожаной и деревянной), средства и способы передвижения, среди которых главную роль играл верховой и вьючный транспорт. Наряду с этим монголоязычным народам были известны земледелие и разнообразные ремесла, у них существовали даже целые ремесленные центры в довольно крупных стационарных поселениях.

Сложная и богатая событиями история монголоязычных народов была тесно связана с великими передвижениями на-

родов в огромных степных просторах Центральной Азии. О роли этих передвижений в судьбах многих народов Евразии хорошо сказал Н. И. Конрад в работе «О смысле истории»: «Многие из передвижений народов имели как бы цепной характер, т. е. движение одного народа приводило в движение и другой народ. Монголы в своем движении из Центральной Азии на восток и запад тянули за собой целый конгломерат племен и народностей. В таких великих передвижениях одни племена и народности исчезали, другие, наоборот, крепились, происходило слияние племен, приводившее либо к некоторому изменению этнического облика более устойчивого компонента, либо к образованию нового этнического типа» [35].

Сложная этническая история монголов не могла не сказаться на культуре монголоязычных и других народов Евразии. Как отмечает исследователь таджикского искусства Н. А. Белинская, «...генезис искусства кочевых и оседлых народов Средней Азии происходил параллельно этногенезу самих этих народов и до известной степени отражал его» [36]. Это положение Н. А. Белинской вполне применимо и к искусству монголоязычных народов, которые имели самые тесные связи с народами Сибири, Средней Азии, Дальнего Востока. Именно поэтому историю их искусства необходимо рассматривать не в отрыве от искусств других народов Евразии, а в связи с ними. Это поможет глубже и объективнее воссоздать историю уникальной культуры древнейших кочевых народов мира и показать их вклад в мировую цивилизацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванов С. В. Вступительное слово.— Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук, т. 7. М., «Наука», 1970, с. 355—356.
2. Окладников А. П. Лики древнего Амура. Петрографы Сакачи-Альяна. Новосибирск, 1968; он же. Центральнo-Азиатский очаг первобытного искусства. (Пещерные росписи Хойт-Цэнкэрагуй (Сэнгри-Агуй). Западная Монголия). Новосибирск, «Наука», 1972; он же. Петроглифы Байкала — памятники древней культуры народов Сибири. Новосибирск, «Наука», 1974; Вайнштейн С. И. История народного искусства Тувы. М., 1974.
3. Hamada K. Comparative studies of Stone Age and Ainu designs.— «The Journal of the Anthropological Society of Tokyo». 1903, n. 213.
4. Киндаити К., Сугияма С. Айну Гейдзицу (Айнское искусство). Т. 1—3. Токио, 1940—1942. На японск. яз.
5. Welfflsh G. The Origin of Art. New York, 1933.
6. Johansen U. Die Ornamentik der Jakuten. Hamburg, 1954.
7. Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.—Л., 1963, с. 361.
8. Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, с. 617.
9. Окладников А. П. Якутия до присоединения к Русскому государству.— История Якутской АССР, т. 1. М.—Л., 1955, с. 318—320.
10. Иванов С. В. Древний андронидный комплекс в современном орнаменте народов Сибири (к постановке вопроса). М., 1964, с. 2—7.
11. Митигов А. Г. Орнамент монгольских народов как историко-этнографический источник.— Вестник Калмыцкого НИИЯЛИ. Сер. этнограф., в. 1.

- Элиста, 1974, с. 149—159; Кочешков Н. В. Орнамент монголоязычных народов как исторический источник (в порядке постановки проблемы).— Этнографические вести Калмыцкого НИИЯЛИ, в. 3. Элиста, 1973, с. 3—24.
12. **Ишжамц Н.** Образование единого Монгольского государства и установление феодализма в Монголии. АДД. М., 1972, с. 26.
13. **Кочешков Н. В.** Художественная обработка металлов у монголов.— Мат-лы по истории и филологии Центральной Азии, в. 3. Улан-Удэ, 1968.
14. **Кочешков Н. В.** К вопросу о культурных связях монголов и народов Сибири по данным их орнаментики.— Труды ДВНЦ АН СССР, т. 8. История, социология и филология Дальнего Востока. Владивосток, 1971, с. 168—170.
15. **Пэрлээ Х.** О киданях и их взаимоотношениях с монголами.— «Современная Монголия», 1959, № 1; Викторсва Л. Л. К вопросу о расселении монгольских племен на Дальнем Востоке.— Учен. зап. Ленингр. ун-та, 1958, № 256.
16. **Викторова Л. Л.** Ранний этап этногенеза монголов. АКД. Л., 1961.
17. **Torii R.** Sculptured stone tombs of the Liao Dynasty. Peking, 1942; **Tamura J. and Kobayashi Y.** Tombs and mural paintings of Chingz Ling Liao imperial mausoleum in Mongolia. Tokyo, 1952—1953.
18. Народы Восточной Азии. Народы мира. Этнографические очерки. М.—Л., 1965, с. 713.
19. **Стариков В. С.** Кидани.— Искусство стран и народов мира. Краткая художественная энциклопедия. Т. 2. М., 1965, с. 396—397.
20. **Владимирцов Б. Я.** Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934, с. 125—126.
21. История Монгольской Народной Республики. Изд. 2-е. М., 1967.
22. **Окладников А. П.** Тунгусо-маньчжурская проблема и археология.— «История СССР», 1968, № 6, с. 25—42; Гуревич Б. П. Великоханский шовнизм и некоторые вопросы истории народов Центральной Азии в XVIII—XIX веках.— «Вопросы истории», 1974, № 9, с. 45—63; Тихвинский С. Л. Великоханский гегемонизм и публикации на исторические темы в КНР.— «Вопросы истории», 1976, № 11, с. 64—96; Ширендыб Б. Великодержавный шовнизм группы Мао Цзэ-дуна.— «Партийная жизнь», 1968, № 14.
23. **Цултэм Н.** Изобразительное искусство Монголии с древнейших времен до XX века. АКД. М., 1971, с. 15—16.
24. **Вяткина К. В.** Очерки культуры и быта бурят. Л., 1969, с. 30—34.
25. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. 4. Национальный состав населения СССР. М., 1973, с. 128.
26. **Линховоин Л.** Заметки о дореволюционном быте агинских бурят. Улан-Удэ, 1972, с. 25—30.
27. **Владимирцов Б. Я.** Монголо-ойратский героический эпос. Петроград—М., 1923, с. 19.
28. **Вяткина К. В.** Общие черты материальной и духовной культуры у западных монголов, бурят и южных алтайцев. М., 1964, с. 2—3.
29. **Ковалев И. Г.** Калмыцкий народный орнамент. Элиста, 1970, с. 55.
30. **Цэвэл Я.** Монголчуудын эрхэмлэдэг онго. (Священные цвета монголов). Улаанбаатар, 1959, с. 5. На монгольск. яз.
31. **Сычев Д. В.** Заметки о калмыцком орнаменте.— О калмыцком прикладном искусстве. Волгоград, 1967, с. 50—51.
32. **Toynbee A.** A Study of History, v. 1—3, London, 1934; v. 4—6, London, 1939; v. 7—10, London, 1954; v. 11, London, 1959; v. 12, London, 1961.
33. **Златкин И. Я.** Концепция истории кочевых народов А. Тойнби и историческая действительность.— Современная историография стран зарубежного Востока. Проблемы социально-политического развития. М., 1971.
34. **Пюрвеев Д.** Орнамент кочевых народов.— «Декоративное искусство СССР», 1971, № 8, с. 12.
35. **Конрад Н. И.** О смысле истории.— Н. И. Конрад. Запад и Восток. Статьи. М., 1972, с. 465—466.
36. **Белинская Н. А.** Декоративное искусство горного Таджикистана. Текстиль. Душанбе, 1965, с. 78.

СОВРЕМЕННОЕ ТАНЦЕВАЛЬНОЕ ИСКУССТВО НАРОДОВ АМУРА И ЕГО ОСОБЕННОСТИ

С. Ф. Карабанова

Современное хореографическое искусство народов Амура является ярким свидетельством их духовного расцвета. Бытует оно в форме художественной самодеятельности. Эта сравнительно новая форма народного творчества привлекает внимание «...как один из видов культуры, имеющий художественную особенность в способе и характере выражения народа» и «...как один из видов общественного воспитания в духе высоких коммунистических идеалов и убеждений» [1].

В самодеятельном танцевальном искусстве любого народа присутствуют как бы два пласта: древний — традиционный и более поздний — заимствованный в результате культурных контактов. Как традиционные элементы, так и заимствованные представляют большой научный интерес. С традиционным пластом связано национальное своеобразие, специфическая природа психологического склада народа. Заимствованные элементы помогают выявить межэтнические контакты.

Неиссякаемым источником, питающим современное искусство, является богатая традиционная культура малых народов Приамурья: сказки, из которых черпается сюжет не только для танцев, но и для самодеятельных балетов [2]; старинные традиционные игры, легко превращаемые в танец, так как только ритмическая организованность разделяет эти два вида художественной деятельности [3]; песни.

Руководители танцевальных коллективов, художественно одаренные выходцы из народа, стараются передать особенности художественного мышления своего народа, хорошо знают обычаи и обряды, сказки, легенды.

На современном танцевальном искусстве малых народов Приамурья не могло не сказаться влияние соседних народов, и в первую очередь русского. Это влияние коснулось и формы, и композиции, и содержания, и характера движений.

Тематика и особенности собранного материала позволили выделить в нем следующие пять групп: танцы с производственным сюжетом (охотничья и рыболовная темы); бытовые, танцы с традиционным сюжетом, бессюжетные и с современным сюжетом. В свою очередь каждая группа подразделяется на подгруппы.

Рассмотрим первую группу — танцы с производственным сюжетом. Охота и рыболовство — это традиционные занятия народов Амура. Промыслы дают средства для жизни, и поэтому важнейшей заботой коллектива является удачная охота, подготовка охотников и рыболовов. Счастливое завершение охоты и рыбной ловли служило поводом для праздника, в котором принимало участие все население.

В репертуаре художественной самодеятельности много танцев, в которых рассказывается об удачной или неудачной охоте, изображаются забавные моменты, связанные с промыслом, воспроизводятся повадки зверей. В эту группу входят танцы и без устойчивого сюжета, имитирующие процесс охоты и ловли. Уже сами названия передают их содержание: «Охота на медведя», «Неудачная охота», «Первая охота» — у удгейцев; «Охота», «Охота на уток» — у нанайцев; «Охотники», «Танец охотников» — у нивхов.

Проанализируем сюжет одного из танцев — «Охота на медведя». Охотник идет по тайге на лыжах, ему попадаются следы, он их изучает и преследует зверя. Неожиданно увидел белку — стреляет. Затем ему встречаются следы медведя, которые приводят к берлоге. Охотник подкрадывается, убеждается, что медведь там, и тогда идет за помощью. К берлоге возвращаются уже два охотника. Они борются со зверем и побеждают.

В подобных танцах подробно воспроизводятся все моменты охоты: поиски зверя, подготовка ружья, установка капкана или сети, метание копья или остроги и т. д. В танцах с производственными сюжетами последовательно показан трудовой процесс. Эти танцы довольно трудно разбить на фигуры, так как они точно не определены ни фиксированными движениями, ни количеством музыки. По форме эти танцы обычно сольные, лишь изредка в них участвуют два или три человека. Производственные танцы отличаются большим количеством пантомимических элементов, их можно считать скорее танцевально-пантомимическими сценами.

Одна из особенностей производственных танцев — значительная степень импровизации. Хореография поэтому несложна. Композиция танцев нечеткая. Предусматривается лишь более или менее точная сюжетная канва. Остальное зависит от исполнителя, его таланта и способностей.

Отдельная подгруппа — танцы, не имеющие развитой сюжетной линии. Эти постановки отличаются от танцев с развитым сюжетом формой, композицией и музыкальным оформле-

нием. По форме они массовые. В них участвуют 6—8 и более человек. Движения в каждой фигуре определены и закреплены и выполняются всеми участниками одновременно. Содержание, как такового, здесь нет, каждая из фигур состоит из движений, имитирующих охоту, строгая последовательность исполнения отсутствует, фигуры можно менять местами. Музыкальный аккомпанемент более сложный. Ритм дополняется мелодией. Иногда бубен звучит соло, подчеркивая ритм некоторых движений, акцентируя кульминационные моменты танца.

К первой группе мы относим и танцы, в которых изображаются звери, птицы, рыбы: «Дружные утята», «Борьба изюбрей», «Чайка над Амуром», «Журавли», «Воронята», «Линданданя», «Тонторынь». Эти танцы бывают с сюжетом и без него, но четко выстроены по форме и композиции. Например, танец «Дружные утята» по форме групповой с солистом. Первая часть составлена из фигур, движения которых имитируют действия и повадки утят. Они выходят, ищут насекомых, пьют воду и т. д. Во второй части танца появляется коршун, который нападает на утят. Танец последовательно разбит по фигурам, тщательно выстроен композиционно. Так же построены и другие танцы этой группы. Очевидно, что в основе их — подражание движениям и повадкам зверей, хотя, как и в бессюжетных танцах, наблюдается явное влияние современной постановочной манеры (закрепленные движения в каждой фигуре, четкое фигурное построение, композиционная завершенность). Движения, представляющие имитацию и подражание животным, не носят импровизационного характера, они стабильны, выверены и закреплены в определенной фигуре.

Итак, в танцах с производственной темой большое значение имеет традиционный элемент, особенно при изображении действий охотника на промысле, его борьбы со зверями. Такие танцы не определены по форме и композиционному построению, движения имитационны, подражательны. Это скорее танцы-пантомимы. В танцах со слабо развитой сюжетной линией обнаруживается большое количество современных заимствований, что выражается в четком построении сюжета, в отсутствии импровизации и наличии фиксированных движений. Однако в них ярко выражен имитационный, подражательный характер движений при изображении животных и птиц; намечается стремление к отрыву от натуралистического изображения и попытка создания обобщенного образа животного.

В музыкальном оформлении танцев происходит постепенное вытеснение неопределенно интонирующих ударных инструментов современными (баяном, аккордеоном, фортепиано), хотя влияние музыки на танец в основном ограничивалось областью ритма и простейшими формами эмоциональной и характерологической «звуковой подкраски» пластического образа [4].

Бытовые танцы, в которых имитируются движения женщин во время домашней работы, относятся ко второй, довольно обширной группе. Подразделяются они на две подгруппы: имеющие сюжет и не имеющие его. В основе тех и других — движения, сопровождающие бытовые действия. Уже сами названия — «За ягодами», «Шуточный рыбацкий», «Мастерицы», «Сети из крапивы», «Обработка рыбы», «Выделка кожи» — указывают на характер и хореографическую структуру этих танцев.

В подгруппе танцев, не имеющих сюжета, основу хореографической структуры составляют бытовые движения и действия. В них исполнители воспроизводят процесс обработки рыбы, выделки кожи и т. д. Эти танцы не отличаются по форме от современных. Прежде всего они только массовые. Движения каждой фигуры представляют один из моментов изображаемого трудового процесса. В нанайском танце «Обработка рыбы» восемь исполнителей. Они выходят с корзинами, «полными рыбы», «вынимают ее», «чистят», «складывают» в корзины и уходят. Так же поставлены нанайский и нивхский танцы «Выделка кожи», ульчский «Сети из крапивы» и «Преподношение угощения», удэгейский «Узоры». Для них характерна несложная хореография: простые шаги, иногда переменный шаг. Остальные движения — имитация бытовых действий и движений.

В композициях, представляющих одновременно несколько разных трудовых процессов, каждая фигура изображает какой-то один трудовой процесс.

В бытовых танцах влияние современности проявляется нагляднее. Здесь виден переход от конкретного показа бытовых действий к обобщенному раскрытию темы. В связи с этим намечается некоторая стилизация движений, особенно в танцах, воспроизводящих несколько различных бытовых занятий. Движения не имитируют действительные моменты, связанные с работой, а как бы напоминают их.

Третья группа — танцы с традиционным сюжетом, пришедшим из сказок, легенд, религиозных обрядов и праздников, старинных песен. Для танцев этой группы характерно пение с одновременным изображением содержания куплетов. В репертуаре художественной самодеятельности такие песни-пляски встречаются довольно часто. Рассмотрим подгруппу танцев, в которых одни и те же участники поют и танцуют. Принцип построения их прост. Под музыку вступления или сразу с пением участники выходят на сцену. Стоя на месте или передвигаясь по сцене, они передают содержание куплетов движениями и жестами. Вот, например, песня «Сикояка». Это плач женщины, муж которой уехал рыбачить и не вернулся. Глубоко драматическое и поэтическое содержание песни изображается и соответствующими движениями. Женщина, обращаясь к реке, рыбам, горам, просит поведать о ее муже. Исполнитель-

ницы изображают тех, к кому обращается женщина и пантомимой передают ее страдания. Эта песнепляска статична. Почти все время находясь на одном месте, участницы выполняют простые шаги, покачивания. Много пантомимических элементов, имитации простых бытовых жестов. Это присуще и таким песнепляскам, как «Комбэ-кэюкэ», «Сагумэ», «Чикченку», «Гость-жених».

Таким образом, для песнеплясок, в которых вокальные и танцевальные части исполняются одними и теми же участниками, характерно следующее: их сюжет взят из традиционного народного искусства; в сопровождении нет никаких музыкальных инструментов; хореография чрезвычайно проста. Основу ее составляют простой бытовой шаг, несколько стилизованный и ограниченный музыкальным размером и ритмом, пантомимические элементы, имитация бытовых движений и жестов. Распределение по фигурам обусловлено куплетным построением песни.

Другая подгруппа песнеплясок имеет существенные отличия. Эти песнепляски также взяты из традиционного фольклора, но гораздо сложнее композиционно и отличаются характером хореографического воплощения. Вокальная и танцевальная части исполняются разными участниками. Поют либо солисты, либо вокальная группа, которая не принимает участия в танце. Сюда относятся нанайские «Ганеки», «Синички», «Болонские волны»; нивхские «Калпо-калпо», «Берестяная оморочка», «Азаквоми». Например, «Ганеки» — песенка про утят. В ней рассказывается о том, как утята проводят день. В хореографии танца есть основное движение — «утиный шаг», на котором построен весь танец. Остальные движения — имитация поведения утят. В танце «Синички» также есть основное движение: бег со взмахами рук — полет птицы.

Анализ сюжетов и хореографии позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, в многочисленных обрядах, праздниках, сказках малых народов Нижнего Амура были широко распространены песни, иллюстрируемые танцем [5]. Это подтверждается анализом музыкального материала песен. А. Айзенштадт неоднократно подчеркивал танцевальный характер песенных мелодий [6]. Наше предположение доказывается быстрым появлением таких песнеплясок в художественной самодетельности [7]. Во-вторых, в танцевальной части намечается тенденция к усложнению сюжетной линии и композиционного построения. Если в постановках 60-х годов хореография носила более пантомимный и имитированный характер, то в настоящее время наблюдается стремление к активному использованию современной хореографии. В-третьих, в более ранних постановках хореография носит подчиненный характер и строго следует за текстом песни. В современных постановках танцевальная часть начинает занимать главенствующее поло-

жение. Текст песни повторяется неоднократно, а если того требует хореографическое решение, включаются чисто танцевальные куски без вокального сопровождения. В-четвертых, вокальной музыке народов Амура в прошлом не было свойственно какое-либо инструментальное сопровождение. В более ранних постановках песнеплясок этот принцип соблюден, но в постановках 70-х гг. все чаще встречается инструментальное сопровождение, а сюжет танцевальной части начинает отходить от буквального копирования содержания вокальной партии.

Следующая группа объединяет бессюжетные танцы. Сюда относятся танцы, основой которых являются старинные игры и танцы, описывающие какое-либо настроение или душевное состояние. Игры у народов южных районов Дальнего Востока были широко распространены. Исследователи отмечают наличие большого количества игр разного характера и любовь этих народов к ним [7]. Именно поэтому в современном репертуаре художественной самодеятельности так часто встречаются танцы, построенные на основе игр. Обычно игра почти полностью воспроизводится в танце. Ее действия лишь упорядочены по фигурам и снабжены музыкальным сопровождением. Примерами таких танцев являются удэгейские «Хэ-хэ-ху» и «Танец с рыбками», нанайский «Борьба мальчиков», ульчский «Поиграем с нами», нивхские «Азаквоми», «Полм гинс», «Ткрч».

«Хэ-хэ-ху» — старинная традиционная игра. Участники ее кладут руки на колени и, не теряя положения приседа, подпрыгивают вверх. Цель игры — дольше других прыгать, находясь в таком положении. В основу танца положен прыжок. Выполняется это движение по кругу, по линии и т. д. В каждой фигуре меняется лишь высота прыжка.

Подобный принцип построения прослеживается и в нивхских танцах «Азаквоми», «Ткрч», в ульчском «Поиграем с нами», в удэгейском «Танец с рыбками».

Завершая анализ танцев без сюжета, следует отметить, что это группа представлена танцами, созданными на основе традиционных игр и движений. В танцах, построенных на играх, силен традиционный элемент и мало заимствованных движений, хотя по форме они не отличаются от современных бессюжетных танцев. Движения и действия игр распределены по фигурам и закреплены. Отсутствуют импровизационные моменты.

Последнюю группу составляют танцы с современным сюжетом, который ранее не был свойствен изучаемым народам. Особенно интересны в этом плане удэгейские танцы «Из тьмы к солнцу», «Изгнание шамана», «Восход Солнца», «Браконьер». Сюжет танца-пантомимы «Из тьмы к солнцу» символичен. В первой части с помощью пантомимы воспроизводится тяжелая прежняя жизнь. У костра одинокий охотник. Его запугивает и обирает шаман. Вторая часть начинается с прихода

революционного отряда. Охотник вначале боится, прячется, но потом пытается шагать вместе с отрядом. Ему помогают, и он встает в один ряд со всеми.

В новом сюжете, казалось бы, более, чем в любом другом, должно было проявиться современное влияние. Однако там, где старых традиционных движений недостаточно, чтобы передать суть современного содержания, создатели танца и его исполнители прибегают к пантомиме. В результате танцы представляют собой чередование пантомимных частей с танцевальными, которые не всегда органически переплетаются.

Широкое распространение получила сюитная форма, объединяющая танцы либо одной народности, либо разных народов Дальнего Востока. Например, в сюитах «Нанайская», «Северная фантазия», «Дружба», «Нивхская» [8], составленных из различных танцев, нет определенного сюжета. «Северная сюита» уже имеет определенный сюжет с действующими лицами и включает много песен, пантомим и танцев, которые ведущий вводит в общую канву действий. Цель сюит — рассказать о судьбе малых народов Дальнего Востока, о новой жизни. В сюитах намечается социально-философский подход к изображаемой теме. Это новая ступень в развитии искусства изучаемых народов.

Подобное явление прослеживается и в пластико-танцевальных этюдах на героическую тему. Посвящаются они героям Великой Отечественной войны и героям труда. Пластические характеристики людей вводятся соответствующими стихами. Постановщики этих композиций еще активнее изображают обобщенные явления. Эти постановки используют традиционные движения абстрактного характера и посредством рисунков современной хореографии создают новые образцы пластически выраженной высокой идеи — братства, равенства и взаимопомощи.

Таким образом, в танцах на современную тему различаются два вида танцевальных постановок. В одних очевидно чередование старых традиционных способов изображения содержания — пантомима, имитация — с чисто хореографическими. Другая подгруппа (сюиты) представляет собой новую форму для искусства малых народов Дальнего Востока. Форма сюит позволяет отойти от сюжетов, воспроизводящих отдельные моменты трудовой и духовной жизни, и перейти к обобщениям более широкого плана.

В музыкальном сопровождении нет какой-либо определенной закономерности, хотя намечается явная тяга к современным музыкальным произведениям, а также изданным и обработанным песням народов Дальнего Востока.

Из анализа современного танцевального искусства народов Нижнего Амура следует.

1) Несмотря на различие сюжетов, способов их воплоще-

ния и характера исполнения, в танцах много общего: близость к традиционным формам воплощения (пантомима, имитация) и значительное количество традиционных танцевальных элементов (импровизация и различие движений обрядных танцев). Танцевальное искусство еще находится на первом этнографическом этапе, первом этапе в развитии искусства. Ему присуща близость к фольклору и национальной культуре.

2) Национальное танцевальное искусство уже испытало воздействие культурных контактов по нескольким направлениям: расширение тематики, появление сюжетов, ранее не свойственных искусству этих народов, постановка больших серьезных проблем, стремление к обобщенным образам. Влияние современной хореографии сказывается как на форме танцев, так и на их ритмике. По форме большинство танцев не отличается от современных хореографических постановок. Заимствования в движениях носят характер простых, несложных па, усложненных элементами классического балета. Степень слитности традиционных элементов с заимствованными различна: в одних случаях новые движения органически вплетаются в канву танца, в других — это простое чередование разных элементов. Влияние современного искусства проявляется и в музыкальном оформлении. Все чаще в аккомпанементе присутствуют баян, фортепиано и магнитофонные записи. Танцы с национальным сюжетом и с большим количеством традиционных движений обычно исполняются в сопровождении народных инструментов.

3) Особое место занимают производственные танцы. Это самая многочисленная группа. Нет коллектива, нет ни одного концерта или национального фестиваля, где бы не демонстрировались танцы, воспроизводящие трудовые процессы. Уважение к труду, существовавшее у народов Нижнего Амура с давних пор, развилось и окрепло, об этом свидетельствуют передаваемые средствами хореографии сюжеты об охоте, рыбной ловле и т. п. В танцах, изображающих труд, можно проследить усложнение движений, развитие темы от простого воспроизведения трудовых процессов до осознания сущности труда в жизни общества, понимания особой роли его в формировании нового мировоззрения.

Необходимо отметить важную тенденцию совершенствования постановочной работы, повышающиеся требования к тематике, хореографической структуре постановок, мастерству исполнения. Некоторые коллективы находятся на высоком уровне исполнительского мастерства (села Найхин, Болонь, Булава, Нижние Халбы).

4) Современное танцевальное искусство малых народов Нижнего Амура является, с одной стороны, своеобразной формой сохранения и пропаганды лучших традиций древней культуры, с другой — проводником новых достижений культуры и

искусства народов нашей страны. Эта форма социальной и духовной жизни впитала в себя богатое наследие традиционной танцевальной культуры и способствовала рождению нового вида художественной деятельности — самодеятельного танцевального творчества.

Важнейшими показателями той высоты, на которую поднялись малые народы в своем духовном прозрении, являются чувство национальной гордости, патриотическое самосознание, продемонстрированные лучшими танцевальными коллективами. Социалистическая идейность — вот стержень, который помогает определить степень развития культуры нового общества. «Социализм многократно усилил процесс интернационализации культур, открыв новые возможности их взаимообогащения и освобождения от всех устаревших форм» [2]. Современное танцевальное искусство малых народов служит великолепным тому подтверждением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уральская В. И. Эстетические проблемы взаимовлияния народного и профессионального искусства (на материале хореографии). АКД. М., 1969, с. 22.
2. Сказка становится искусством. — «Тихоокеанская звезда», 1972, 16 марта.
3. Бонч-Томашевский М. Театр и обряды. — «Маски», 1913, № 6, с. 3.
4. Богданов-Березовский В. Статьи о балете. Л., 1962, с. 36.
5. Стешенко-Куфтина В. Элементы музыкальной культуры палеоазиатов и тунгусов. — «Этнография», 1930, № 3, с. 91; Айзенштадт А. Поют нанайцы и ульчи. — «Сов. музыка», 1957, № 11, с. 88—93; он же. Песни народов удэге. — «Сов. музыка», 1959, № 5, с. 85—87.
6. Айзенштадт А. Музыкальный фольклор народов Севера и Сибири. М., 1966, с. 28, 30, 37, 42.
7. Лопатин И. Наблюдение над бытом гольдов. — Изв. Восточного ф-та ГДУ 1920—1921 гг. Владивосток, 1921, т. 66, в. 4, с. 338—339; Шренк Л. И. Об инородцах Амурского края, т. 3. СПб., 1903, с. 49—53; Штернберг Л. Я. Гкляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933, с. 339—341.
8. Петрова-Бытова Т. Ф. Танцы народов Севера. — Изв. СО АН СССР. Сер. общест. наук. Новосибирск, 1963, в. 3, № 11, с. 126.

ВРЕМЯ И СЧИСЛЕНИЕ У УДЭГЕЙЦЕВ

В. В. Подмаскин

Удэгейцы — тунгусоязычная народность, численностью около 1,5 тыс. чел. В настоящее время они живут в Приморском крае (с. Агзу, Красный Яр, пос. Островное) и в Хабаровском крае (с. Гвасюги, Таломо, Кун, пос. Рассвет, Ку-кан). Занимаются удэгейцы охотой, рыболовством и собирательством. Ведущей отраслью хозяйства является охота.

Около полувека назад удэгейцы находились на стадии разложения первобытнообщинного строя, были близки к природе, умели находить в ней все необходимое для своей жизни.

Издавна удэгейцы имели свои представления об окружающей их природе и человеке, располагали довольно обширными сведениями о животном и растительном мире, вели свое времяисчисление.

Литература об удэгейском времяисчислении очень ограничена. Наиболее подробно этот вопрос рассматривается в статье Т. И. Петровой [1], в которой она на основании материала С. Н. Браиловского [2] и сообщений студентов Института народов Севера привела некоторые сведения о времяобозначении у удэгейцев. По мнению Т. И. Петровой, отдельные элементы времяисчисления (счетные месяцы, звериный круг) заимствованы удэгейцами у китайцев. Это положение неверно, о чем свидетельствует изложенный ниже материал.

Сведения по названиям месяцев у самаргинских удэгейцев имеются в «Путевом дневнике 1907 г., № 1» В. К. Арсеньева, в котором он дает следующие названия: *омо бя, тоа бяничнь, елан бя, дынь тунга бя, нюнгу бя, нада бя, цзакпу бя, игей-ты бя, игжан бя, ули гактынь бя, инахи нонёнъ какты ганынь* (кал собаки трескается) [3]. Январь, март, апрель, май, июнь, июль, август — счетные месяцы. Этимология дается только январю.

При знакомстве с системой времяисчисления у удэгейцев на

основании материала, собранного нами во время этнографического изучения их в 1972—1974 гг. [4] и полученного из литературных источников¹, обнаружен традиционный календарь этой народности, связанный с хозяйственной деятельностью. Удэгейцы, как и большинство народов мира, в результате многовековых наблюдений представления о смене времен года и делении года на месяцы связывали с сезонными изменениями в природе, от которых зависели условия их жизни и хозяйственный уклад. В основе этих сезонных изменений лежало движение Земли вокруг Солнца (годовой цикл — зима, весна, лето, осень) и движение Луны вокруг Земли (лунные месяцы), что и нашло конкретное отражение в представлениях удэгейцев и их языке [5].

Счет месяцев велся по лунному календарю. Названия месяцев у удэгейцев в отличие от названия суток определялись фенологическими явлениями природы. По-видимому, первичные астрономические представления о лунном периоде времени постепенно переосмысливались под влиянием конкретных природных и производственных условий и стали обозначать соответствующие им временные понятия. В процессе появления отдельных животных, рыб, птиц и растений изменялась хозяйственная деятельность удэгейцев в течение года. Весьма любопытно, что число удэгейских сезоннохозяйственных месяцев совпадает с числом лунных месяцев в году. Удэгейцы называют 12 месяцев. Продолжительность месяца не равна определенному количеству дней (т. е. он не включает 30—31 день солнечного месяца или 28—29 лунного), а отмечается рамками природного или хозяйственного явления. Вероятно, деление года на сезонные периоды идет от более древнего лунного календаря (понятия «месяц» и «луна» в удэгейском языке обозначаются одним словом — бя) [5]. Названия месяцев основываются на признаках, связанных с явлениями природы или хозяйственной деятельностью. Это и является причиной неопределенности временных границ в каждом сезоннохозяйственном месяце.

Представления удэгейцев о месячных циклах с достаточной ясностью раскрываются в этимологии названий месяцев, которые мы даем ниже. Этимология и названия месяцев приводятся по материалам самаргинского, анюйского и хорского диалектов удэгейского языка².

Новый производственный сезон начинается с февраля [1]. Удэгейцы сообщили нам, что раньше у них в году отмечалось

¹ В материалах, приводимых из печатных и архивных рукописных источников, сохраняется транскрипция авторов.

² Эти сведения получены автором в 1972—1973 гг. от Соги Самандига (с. Азгу, Тернейский р-н Приморского края), Дека Амуленка (пос. Рассвет, Нанайский р-н Хабаровского края), Мичини Кимонко (пос. Гвасюги, р-н им. С. Лазо Хабаровского края). В статье использованы сокращения: анюйский диалект — ан., хорский — хор., самаргинский — смрг.

два производственных сезона: в марте—апреле, когда реки освобождались от льда и становились судоходными, и в сентябре—октябре, когда резко наблюдался спад воды, шла первая шуга, и реки становились несудоходными. Европейский астрономический год у удэгейцев делился на зимний и летний [1]. В настоящее время новый год начинается с января.

1. *Гуй* (смерг.) — период января до начала февраля. Мужчины продолжают охотиться. Время последнего промысла. В этот период стоит полная луна, восходит и движется по видимой части неба Венера. Она появляется на востоке вечером и закатывается рано утром, как летнее солнце.

2. *Туа бя* (смерг.), *тао бячнь* [6], *ана* (хор.) — 1) первый день и месяц нового года; 2) праздник [5]. Слова *туа*, *тао* близки по значению термину *туеи* (хор.) — зимний (о ночи, дне, месяце) [5]. Это период приблизительно с конца февраля до начала марта. Начинает таять снег, наступает ранняя весна. Мужчины еще продолжают охотиться на соболя.

3. *Тои* (смерг.), *таи бя нини* (хор.) — месяц прилета маленькой вороны. Март. Мужчины по насту преследуют зверя. Женщины сучат из жил лося нитки.

4. *Сонко* (смерг.), *сонкаи* (хор.) — время, когда тает снег. Апрель. Мужчины долбят лодки, делают нарты, занимаются кузнечным делом. Женщины выделывают шкуры зверей, шьют одежду, сети. Ледоход. Реки полностью освобождаются от льда. Лодки опускают на воду. В честь этого события устраивают праздник *унди* (смерг.) — таяние льда.

5. *Нгис'а илакта* (хор.), *ила* (смерг.) — время первых цветов. Примерно конец мая — начало июня. Месяц начинается с цветения черемухи. В это время заготавливали бересту. Мужчины идут охотиться на изюбрей. Женщины собирают съедобные и лекарственные растения.

6. *Сагди илакта* (хор.), *ила* (смерг.) — месяц большого цветения. Примерно июнь — июль. Мужчины выходят охотиться на лося. Делают самострелы. Женщины собирают ягоды и заготавливают их впрок. Пекут лепешки из черемухи и заливают их жиром. Вяжут сети.

7. *Ахиндима н'аула/хта* (смерг.) малый рыбный месяц на р. Самарге. Начинается с 7 августа. Начало хода горбуши. Мужчины ловят горбушу. Женщины изготавливают из нее юколу, выделывают рыбу кожу.

8. *Нгисагдима н'аула/хта* (смерг.) — большой рыбный месяц. Примерно конец августа — начало сентября. Обильный ход кеты. В это время созвездие Плеяд встречается с созвездием Андромеды. Мужчины ловят кету. Женщины изготавливают из нее юколу.

9. *Гейты бя* [6] — примерно сентябрь. Время, когда горит костер. Мужчины продолжают ловить рыбу. Женщины вялят

ее. Запасаются продовольствием на зиму. Собирают орехи, ягоды, сушат мясо, шьют зимнюю одежду для охотников.

10. *Гжан бя* [6] — примерно октябрь. Мужчины готовятся к таежному промыслу.

11. *Ули гактынъ бя* [6] — вероятно, время первой шуги. *Туени* (ан.) — зима, время первого снега. Примерно ноябрь. По словам самаргинских удэгейцев, осень заканчивалась, когда по рекам начинала идти шуга. В это время лодки поднимают высоко на берег, опрокидывают вверх дном и ставят на толстые бревна, чтобы их не завалил и не раздавил снег. Сезон отмечался праздником *уйней* (смрг.), вероятно, связанным с образованием наста. Анюйские удэгейцы этот сезон отмечали появлением первого снега. Пора, когда желтеют игольчатые листья лиственницы и падают на землю. В это время выходят на соболиную охоту.

12. *Ин'ай амуни бя какта нексеини* — месяц сильного мороза, когда трескается кал собаки и стреляют деревья. Примерно декабрь — начало января. В это время замерзают озера и реки. Начинают пользоваться нартами.

Представления удэгейцев о малых сезонных циклах года, которые мы называли условно месяцами, имеют много общего с такими же представлениями у других народов Сибири и Дальнего Востока.

1. У удэгейцев *гуй* — «месяц орла». Ему можно дать и астрономическое толкование, как у нанайцев и самагиров — месяц гуси [1]. Негидальцы³ и ульчи «объясняют это название, как происходящее от слова орел, пролет которого в этом месяце отмечается» [1].

2. *Туи, тоа* — название удэгейского месяца, близкое по значению термину *туеи* — зимний. Месяц с таким же названием есть у орочей [6].

3. *Ана* — первый месяц нового года [1]. Название заимствовано удэгейцами у маньчжуров.

4. *Тои, таи* — у удэгейцев «месяц вороны». Южная группа эвенков называла его *туран*, ульчи — *тува*. У всех это название истолковывается как время прилета вороны. Мы видели выше такое же толкование марта у нивхов. Негидальцы называют его *тоян* и связывают с положением солнца [1].

5. *Сонко, сонкаи* — удэгейцы связывают этот месяц с ледоходом.

У орочей — *сенко* [6]. У северной ветви эвенков — *сонкан* [1]. Эвенки считают его производным от слова *сонга* (теленос) и имеют в виду время, когда телятся олени. Негидальцы и самагиры связывают его с таянием снега [1].

³ Негидальцы, орочи называли этот месяц *гус* (Петрова Т. И. Времяисчисление у тунгусо-маньчжурских народностей. — Сб. памяти В. Г. Богораза. М.—Л., 1937, с. 84).

6. *Илакта*, у негидальцев — *элага*, у эвенков — *илага* — время распускания зелени, цветов [1]. Кроме этого, только у удэгейцев мы встречаем еще два месяца с термином *илакта*. Это *нгиса илакта* (малый месяц цветения) и *сагди илакта* (большой месяц цветения), которые отражают последующие периоды распускания цветов.

7. *Ахиндима н'аула-хта* и *нгисагдима н'аула-хта*. Близкие по значению термины есть и у нанайцев. По сообщению Т. И. Петровой, *агдима* — время больших морозов, ветров и снега (*агзима* — старший). В это время хочешь рассмотреть созвездие Зари Осиктани, так шапка с головы падает. *Наудима* — время, когда Зари Осиктани перед рассветом посредине бывает (*нуэтима* — моложе). Пояснения самому названию нет. У удэгейцев эти месяцы отмечаются ходом рыбы. Сходные названия месяцев имелись у ульчей, негидальцев, самагиров [1], эвенков [7] и нивхов [8]. Вероятно, когда-то и у нанайцев они имели подобное значение, так как рыбный промысел занимал в их жизни большое место.

8. *Игейты* — этимология слова неясна. Термин встречается только у удэгейцев.

9. *Игжан бя* — название этого удэгейского месяца, как и предыдущего, записано В. К. Арсеньевым. Исследователь не дал никакого пояснения. Сравнить его можно с эвенкийским *ичан* (локоть), ламутским, негидальским *исан*. У ульчей такой месяц назывался *исэ* [1], у орочей — *ыча* [6].

10. *Ули гактынь бя* — название месяца встречается только у удэгейцев.

11. *Туени* — есть также у эвенков и негидальцев. У всех означает ранний месяц зимы [1].

12. *Ини амунь бя какта нексеини* — время сильного мороза, когда трескаются деревья и кал собак. У эвенков Приангарского района *хэгди* — время самых больших морозов (*хэгди* — большой, сильный) [1].

Удэгейские сезоннохозяйственные месяцы имеют сходные названия с ороческими, нанайскими, эвенкийскими, орокскими, негидальскими, ульчскими.

Изучая народный календарь удэгейцев, мы обнаружили у них лунное летосчисление — по величине фаз Луны, которое бытовало у самаргинских удэгейцев еще в начале XX в. Лунный календарь известен многим народам мира.

Первое число лунного месяца начиналось с появления на небе очень маленького, повернутого в левую сторону лунного диска. Ежедневно диск увеличивался. На восьмой день была видна половина диска. Этот первый период равнялся 7,5 суток и назывался *бя багдини* (смерг.) — Луна образовывается. Анюйские удэгейцы именовали его *бя майфа*. Термином *майфа* называли и меру длины — расстояние между средним суставом согнутого указательного пальца и концом большого пальца, от-

ставленного в сторону [5]. По форме это было похоже на тети́ву лука и видимую часть серпика лунного диска. Второй период равен также 7,5 суток, в течение его левая сторона диска постепенно заполняется. 15-го диск целый, круглый — *бя махэни* (смерг.) — полнолуние. С 16-го он постепенно уменьшается с правой стороны. 22-го снова видна половина диска, но в отличие от 8-го она обращена вправо. Третий период равен тоже 7,5 суток и назывался у самаргинских удэгейцев *бя малаптаи-ни* — Луна кончается, у анюйских — *бя какта* — половина. С 27-го диск заметно уменьшается, всходит все позднее. С 29-го виден лишь краешек — серпик, повернутый направо. Четвертый период длился также 7,5 суток. Он назывался *бя самнани* — Луна ломается. В последний день лунного месяца на небе нет луны. Полный цикл изменяемой формы видимой части Луны считался одним месяцем — *бя*. По размеру лунного диска определяли конец старого месяца и начало нового, а натренированный глаз без особого труда узнавал и число. Из примеров видно, что удэгейцы месяц делили на четыре недели по 7,5 дня.

Лунный календарь и четырехнедельный цикл был знаком и эвенкам [9]. У хорских удэгейцев счет дней и месяцев велся по календарю — *бя тангинску*. Календарь состоял из 30 и 12 отдельных полосок — отметок из бересты — *са*. Иногда отметки делали из дерева [10]. Число 30 соответствовало дням, 12 — месяцам. Отметки нанизывались подобно ожерелью на тесемку и подвешивались одна над другой на стене юрты для счета дней и месяцев. Передвигали отметки слева направо. Когда на правой стороне оказывались все тридцать, передвигали одну полоску из 12, которые соответствовали месяцам, а счет дням начинали сначала.

Лунный год имел 360 суток и делился на 12 месяцев по 30 дней в каждом. При таком счете месяцев по лунам годы забегали вперед — получались резкие расхождения с ходом явлений природы. Для приведения календаря в соответствие с явлениями природы в некоторые годы добавляли тринадцатые месяцы. Лунные месяцы года обозначались счетными числами, они обнаружены нами у хорских, анюйских, самаргинских и уссурийских удэгейцев. Т. И. Петрова сообщает о счетном обозначении их у бикинской группы [1].

Отмечались и сутки лунного месяца. Они состояли из дня — *ненгни* и ночи — *догбони* [5].

Таким образом, вероятно, еще задолго до того, как сложилось понятие о годе, удэгейцы вели счет времени месяцами, неделями и днями. Они имели свой календарь, по которому считывали дни и месяцы. У них издавна существует счет по фазам Луны, как это обнаружено у многих народов Сибири и Дальнего Востока.

Год имел два полугодия — летнее и зимнее. Одно начина-

лось весной примерно в марте — апреле, другое — осенью, в октябре — ноябре. Счет времени вели по количеству зим или лет. Так, определяя возраст человека или животного, анюйские удэгейцы говорили: «*Тамати зуалиени* — прошло одно лето, *тамати туелиени* — прошла одна зима».

Времен года было четыре: весна — *неки*, лето — *зуа*, осень — *болони*, зима — *туени* [5].

Счет по полугодиям вели негидальцы, ительмены, эскимосы, североамериканские индейцы и народы Океании.

Бикинским удэгейцам был знаком календарь, основанный на двенадцатилетнем животном цикле. Каждый месяц в этом цикле носит название определенного животного: 1) *киуга ангани*, 2) *синга ангани*, 3) *накта ангани* (год кабана), 4) *хеузе ангани* (год обезьяны), 5) *миу ангани* (год коня), 6) *кути ангани* (год тигра), 7) *мафа ангани* (год медведя), 8) *кулига (мудули) ангани* (год змеи), 9) *уа ангани* (год коровы), 10) *уанг ангани* (год барана), 11) *нау ангани* (год петуха), 12) *тукса ангани* (год зайца) [1]. Календарь, в котором летоисчисление велось повторяющимся циклом по 12 месяцев (в каждом цикле годы назывались именами животных и следовали один за другим в строго определенном порядке), известен эвенкам [1], монголам [11], тувинцам [12], чжурчженям [13] и многим другим народам.

Следовательно, у удэгейцев наряду с бытовавшим календарем для счета суток и месяцев лунного года и двенадцатиричным звериным кругом раньше имелся годичный сезоннохозяйственный календарь. Во-первых, об этом говорят археологические данные, согласно которым чжурчженьским племенам (предки современных удэгейцев) был знаком такой календарь [13]. Во-вторых, как сообщают удэгейцы, еще в прошлом веке у них имелся годовой календарь. Счет времени на нем велся по вырезанным на дереве бороздкам и крестам. Подобный резной геометрический рисунок встречается на календаре якутов [14]. Как сообщает Е. П. Орлова, такие календари применялись для исчисления года [15].

Рассмотрим меры пространства, которые в той или иной степени включают элементы времени. Их можно разделить на две группы: 1) меры длительности какого-либо бытового действия; 2) меры, в основе которых лежат астрономические наблюдения: смена дня и ночи, движение светил и т. д. В том и другом случае и время и пространство воспринимались без отрыва от конкретной обстановки передвижения. Так, удэгейцы, сравнивая время с каким-нибудь действием, говорили: «день пути — мерило расстояния», «выкурил трубку — за это время дошла перчатку», «закипел чайник — за это время принес какой-нибудь предмет с улицы», «Большая Медведица исчезла на небе — за это время рассказал сказку» и т. д.

Исчисление суток удэгейцы вели астрономическим путем.

Днем время определяли по Солнцу и освещенным им предметам, ночью — по небесным светилам. Слова, означающего сутки, у удэгейцев нет. Сутки делили на день и ночь. Счет времени в этом случае вели отдельно по числу дней или ночей [6]. Анюйские удэгейцы сутки делят на четыре отрезка времени: *гяванани* — утро, *иненгини* — день, *догбогини* — вечер, *догбо* — ночь. Кроме того, сутки у них состояли из 11 частей, каждая из которых имела название, отражала определенный отрезок времени суток, главным образом по положению Солнца. Эти временные категории следующие: 1) *гяванани* — начало рассвета, точнее — первая световая полоса, когда чуть светает; 2) *зугдала иненгини* — заря наступила, время второй светлой полосы, когда видно жилище; 3) *су гакпани* — Солнце взошло; 4) *су мо делуни* — Солнце освещает лес; 5) *су имени тигангкини* — полдень, середина дня, когда Солнце в зените; 6) *су сикиеини* — ранний вечер; 7) *су мо дуленеини* — Солнце скрывается в лесу, закатывается; 8) *су дуленеини* — Солнце зашло, светлые сумерки; 9) *сикиени сикиегини* — вечер наступает, темные сумерки; 10) *сикиени хутахта* — время, когда появляется первая вечерняя звезда; 11) *догбо дулангкила* — полночь (определяли полночь с сентября до половины января по Большой Медведице, с января до мая — по Венере, в остальное время — по Луне).

Как видно из примеров, большое значение удэгейцы придавали дневному времени суток. Такая же система подразделения суток встречается у многих тунгусоязычных, монголоязычных и тюркоязычных народов. Некоторое сходство в терминологии отрезков суток у удэгейцев прежде всего обнаруживается с нанайцами и негидальцами, хотя у нанайцев сутки делят на 17 частей, а у негидальцев — на 14 [1].

Особенностью удэгейского суточного календаря является то, что описанный порядок исчисления времени по положению Солнца дополняется еще способом определения по освещенности солнечным светом леса. Нам хотелось бы отметить, что подобная система определения времени имеется также у нанайцев и ульчей и вообще характерна для лесных жителей.

Таким образом, у удэгейцев бытовал довольно совершенный традиционный народный календарь, отражающий духовную культуру народности, развивался исторически, основывался на тщательных наблюдениях над окружающей средой и являлся определенным практическим руководством в хозяйственной деятельности в данных географических условиях.

Единицами измерения времени были сутки, месяц, год. Сутками исчисляли время, уходящее на различные по продолжительности переходы и поездки, т. е. они являлись мерилom расстояния.

Еще в XIX в. у удэгейцев бытовал сезоннохозяйственный календарь, в котором месяцы отражали сезонные явления природы или хозяйства. Кроме того, у них был и лунный календарь.

В конце XIX в. в быт удэгейцев постепенно внедряется принятое от русских европейское времяисчисление.

ЛИТЕРАТУРА

1. Петрова Т. И. Времяисчисление у тунгусо-маньчжурских народностей. — Сборник памяти В. Г. Богораз. М.—Л., 1937.
2. Брайловский С. Н. Тазы, или удихэ (опыт этнографического исследования). — «Живая старина», в. 2—4. СПб., 1901.
3. Архив Примор. филиала Геогр. о-ва, ф. В. К. Арсеньева, оп. 1, № 6, л. 103.
4. Архив ДВНЦ АН СССР, ф. 13, оп. 1, № 39, л. 15—20.
5. Шнейдер Е. Р. Краткий удэгейско-русский словарь. М.—Л., Учпедгиз, 1936.
6. Арсеньев В. К. Дерсу Узала. Сквозь тайгу. М., «Мысль», 1972.
7. Туголуков В. А. Следопыты верхом на оленях. М., «Наука», 1969, с. 91.
8. Крейнович Е. А. Пивхгу. Загадочные обитатели Сахалина и Амура. М., «Наука», 1973, с. 109.
9. Орлов. Баунтовские и ангарские бродячие тунгусы. — Вестник Импер. Геогр. о-ва. СПб., 1858, ч. 21, с. 182.
10. Государственный музей этнографии (ГМЭ) СССР, кол. 1870—100.
11. Пржевальский Н. М. Монголия и страна тангутов. М., Географгиз, 1946, с. 75.
12. Потапов Л. П. Очерки народного быта тувинцев. М., «Наука» 1969, с. 281.
13. Шавкунов Э. В. Находка древнейшего календаря народов советского Приморья. — Труды Ин-та истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. Мат-лы по истории Дальнего Востока (история, археология, этнография, филология). Т. 9. Владивосток, 1973, с. 133—134.
14. ГМЭ СССР, кол. 1337—9.
15. Орлова Е. П. Календари народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. — Сибирский археологический сборник. Мат-лы по истории Сибири. Новосибирск, 1966, с. 300, 312.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ОБРАБОТКА МЕТАЛЛА У НИВХОВ

П. Я. Гонтмахер

У нивхов были широко распространены художественные изделия из металла. Обрабатывать металл они могли с давних пор.

В нивхском языке есть производный глагол «вытюдь», который имеет значение заниматься кузнечеством, ковать, делать изделия из железа. Специалисты по художественной обработке металла назывались *выти нивх*. Из металла изготовлялись ажурные подвески, женские и мужские украшения, инструменты для обработки дерева, металла и т. д.

Л. Шренк видел на Сахалине, как нивхи коуют железо. Кузница помещалась в задней части юрты, на полу были устроены мехи из тюленьей шкуры. «Их длинные рукава сливались в одно общее сопло. У отверстия последнего возвышался род небольшого, полукруглого очага... с выемкой в нижней части его. Величина выемки вполне соответствовала объему отверстия у сопла, непосредственно перед которым пылал огонь. Туда клали куски железа, предназначенные дляковки» [1]. Рядом с мехами находились небольшая наковальня, молот, большие и маленькие щипцы, напильники и другие инструменты, необходимые при обработке металла.

Наиболее распространенным видом украшений традиционной одежды нивхом были металлические подвески (*ват*) из меди или латуни.

По форме, размеру и назначению подвески можно разделить на две группы. В первую входят крупные ажурные подвески, самые большие из них (*кемкан ват*) служили украшением поясов, которые играли существенную роль в экипировке: на них висели нож, трутница, кiset и т. п. Эти подвески были круглые и не имели ушка. Менее крупные ажурные подвески (*келриш ват*) обычно украшали кожаный ремешок на детской люльке. Они отличались от предыдущих лишь размером. Орнаментальные

мотивы на ажурных подвесках характеризуются некоторым однообразием, они представляют собой как бы упрощенные варианты орнамента вышивок.

Во вторую группу входят подвески, предназначенные для украшения халатов. Они пришивались по подолу халата на расстоянии, приблизительно равном ширине двух-трех подвесок. Эти подвески меньше по размеру и обычно имеют ушко, за которое пришиваются к одежде. Чаще всего на них изображен рельефный узор. Наиболее интересные по конфигурации и орнаменту металлические подвески обнаружены нами на севере Сахалина и в районах Нижнего Амура.

Здесь найдены подвески (подобные руке) (*тамквара ват*), в действительности напоминающие кисть с раздвинутыми пальцами; «бровеподобные» (*пинспара ват*, на амурском диалекте *выщивыть*, т. е. «подвеска-улыбка»); «шароподобные» (*пулк ват*); такие же по форме, но меньших размеров — «шар-малютка» (*пулкнок ват*); «каплевидные» (*киспиварад*) — небольшие по размеру; «подобные вертлюгу» (*махтвара ват*); «след выдры» (*п'хныйзеск ват*); «след соболя» (*огроф теск ват*); «хвост чайки» (*тятър наки*); «морская звезда», «монетные», «выпуклые», «битые» (на амурском диалекте близкие к этим подвески именуются «ореховые скорлупки», *т'оосхатх*).

Как следует из изложенного, названия подвесок в основном указывают на их форму и лишь в отдельных случаях на способ изготовления или материал. Терминологию подвесок составляют исконно нивхские слова¹.

В художественном отношении металлические подвески чрезвычайно интересны. С. В. Иванов, характеризуя орнаментальный фонд медных и бронзовых подвесок народов Нижнего Приамурья, пишет: «Орнамент на крупных подвесках ажурный, в одних случаях плоский, в других — слегка рельефный. Мелкие подвески (для халатов) имеют узор рельефный или нанесенный циркулем» [2]. К числу оригинальных мотивов, не встречающихся в резьбе по дереву и на мягких материалах, можно отнести круги, пояса из перлов и зигзагов [2].

Подвески, как правило, крепились на черную ленту, окаймлявшую халат по подолу. Матово-желтые подвески рельефно выделялись на черном фоне ленты. Изготавливая те или иные подвески, мастера заранее знали, куда они пойдут, что будут украшать, на каком фоне находиться. Изготовленные с учетом этого подвески хорошо гармонировали со всей композицией изделий.

Помимо подвесок, женщины обычно носили и другие недоро-

¹ В связи с этим интересно отметить, что нивхское слово *ват* (на амурском диалекте — *выть*) буквально означает «железо». Слово не имеет параллелей в языках сопредельных народов, тогда как названия золота и стали соответственно *айз* и *ка*) имеют параллели в алтайских языках.

гие металлические украшения: серьги (*меск*), кольца (*куйва*), браслеты (*тигриш*). А. В. Сильницкий писал: «Нисколько не преувеличу, если скажу, что груз, прицепляемый к каждому уху гилячки, превышает иногда $\frac{1}{4}$ фунта» [3].

Серьги состояли из серебряного кольца (*тутх*), на отогнутый конец которого нанизывалась продолговатая бусина (*нызришк*), а затем круглая (*агмлуврш*). На некоторых серьгах посредине были круглая пластинка (*чеган*) и металлические кружочки (*кескезриш*) или подвески из нефрита (*орш*).

Кольца и браслеты чаще всего были серебряные, на руке носили их по несколько штук. Это являлось показателем состоятельности.

В повседневной жизни нивхи пользовались различными орудиями труда из металла: в рыболовстве это снасть на крупную рыбу (*китан*), острога (*лархан*), удочка (*керкорш*); при обработке шкур и мехов — специальные приспособления (*награйши тынрват*). В постоянном употреблении были инструменты: сверло (*лун*)², молоток (*чвывиш*) и др. Из железа и стали делались ножи промысловые, а также для резьбы по дереву. При постройке жилищ и лодок применялись различные виды топоров: простой топор (*кы*), колун (*тэухиг*), топорик без ручки (*матиг*), с кривой ручкой (*тевгк*), для отделочных работ (*падю*)³.

Знакомство нивхов с металлами отражено в языке. Существуют названия всех наиболее распространенных металлов: серебро (*тота*), свинец (*ненгал*), алюминий (*татъ*), латунь (*тыус*), медь (*пагла*).

Настоящими произведениями искусства являлись копья, которые применялись в основном на охоте. «Свое оружие и железо, — писал Л. И. Шренк, — гиляки любят украшать фигурами из красной меди, латуни и серебра, и чем больше потрачено на насечку последнего металла, тем выше ценится нож, пика или копье» [1].

В Дальневосточном художественном музее в Хабаровске хранятся три нивхских копья. Одно из них украшено с особой тщательностью. Железная ручка копья инкрустирована медью в виде прямых линий [4].

О том, что нивхи в прошлом широко пользовались инкрустацией по металлу, хорошо видно из фольклорных материалов [5].

В прошлом нивхи изготавливали также металлические фигурки, изображающие человека и зверей, которые, по их воззре-

² Палочки для добывания огня древним способом именуются *чхар лун*, т. е. деревянные сверла.

³ На амурском диалекте помимо слова «*тух*», обозначающего современный топор, сохранилось слово «*каураваты*». Им называют древний каменный топор. Слово это несомненно, сложное: второй компонент его образован от слова «*вытть*» — быть пригнанным вплотную; смысл первого неясен, возможно, им называли древко топора (по сообщению Г. А. Отанной).

ниям, давали человеку силу и мужество [5]. Фигурки чаще всего исполнялись реалистически и орнаментировались неглубокими нарезками — волнистыми линиями.

Интересны технические приемы инкрустации металлических изделий. Прежде чем приступить к самому процессу инкрустации, мастера долго обдумывали компоновку узора с учетом назначения предмета, декоративных и фактурных качеств основы, которая украшалась. Кроме вопросов композиции мастеру приходилось решать и проблемы, связанные с цветовым решением, тем более что в конце XX в. в изготовлении художественных изделий из металла нивхские мастера стали применять масляные краски, чаще всего синюю и черную.

Только когда композиция и цвет будущего изделия были хорошо продуманы, мастер приступал к инкрустации предмета. На поверхность металлической пластины в предварительно сделанные бороздки накладывали серебряную или медную проволоку. Ловким движением молотка вбивали ее в бороздки и затем долго зачищали и подправляли инкрустированный рисунок. У каждого мастера были свои излюбленные приемы инкрустации, но в целом существовал единый художественный стиль, который невозможно спутать ни с каким другим.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шренк Л. И. Об инородцах Амурского края. Т. 2. СПб., 1898, с. 253—254.
2. Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по мат-лам XIX — начала XX вв.).— Труды Ин-та этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Нов. сер., 1963, т. 81, с. 362.
3. Сильницкий А. В. Быт гиляков на низовьях Амура.— Труды Приамур. отд. Геогр. о-ва. Хабаровск за 1895 г., 1896, с. 8.
4. Дальневосточный художественный музей, кол. 243.
5. Штернберг Л. Я. Материалы гиляцкого языка и фольклора. СПб., 1910, с. 110, 230—231.

РЫБОЛОВСТВО И ОРУДИЯ ПРОМЫСЛА У ИТЕЛЬМЕНОВ

(конец XIX — начало XX в.)

Н. К. Старкова

Для ительменов, как и для многих других малых народностей Севера, была характерна комплексность хозяйства, что обуславливалось низким уровнем развития производительных сил, сезонностью занятий и суровыми природными условиями. Ни одна из отраслей хозяйства не могла полностью обеспечить их жизненных потребностей. Так, в 20-х годах XX в., согласно материалам Приполярной переписи 1926—1927 гг., в 603 ительменских хозяйствах удельный вес отдельных отраслей в общем валовом доходе составлял: рыболовство — 45,4%, охота — 21,1, морской зверобойный промысел — 1,5, заработки — 4,3, прочие занятия — 27,7 [1].

Комплексный характер хозяйства, однако, не означал равномерности в развитии отдельных его отраслей. У ительменов преобладал рыболовный промысел. Об этом свидетельствуют данные той же переписи. В 603 ительменских хозяйствах (100%) основной отраслью служили следующие промыслы: 69,7% — рыболовство, 9,0 — охота, 0,9 — морской зверобойный промысел, 4,0 — сельское хозяйство, 16,4 — прочие [1].

Главными объектами лова являлись лососевые породы рыб, рунный ход которых начинался со второй половины июня и длился до конца сентября — начала октября. Данные Е. П. Орловой подтверждают важность лова лососевых для этой народности. В 1926 г. в поселках, где жили ительмены, за сезон было выловлено кеты и нерки — 43,5%, горбуши — 42, кижуча — 7,5, гольца — 6,4, чавычи — 0,6 [2].

Для рыболовного сезона ительменов был характерен следующий календарь: первым в году, когда в апреле — мае очищались верховья рек ото льда, вылавливали гольца; в июне — корюшку; в июне — июле — чавычу; в июле начинался массовый лов горбуши, а самые важные промысловые рыбы — кета и кижуч — вылавливались в августе — сентябре; поздней осенью.

в октябре — ноябре, вновь заготавливали гольца. В некоторых местах, особенно у морского побережья, не исключался и зимний подледный лов. Но, естественно, большая часть рыбы вылавливалась и запасалась впрок летом.

Основными орудиями лова рыбы были запоры, сети, невода. Незначительное количество рыбы били острой (марэк)¹. В начале сезона, когда в реках еще стояла большая вода, главными орудиями лова служили сети (хилгын'), которые изготовляли из крапивных нитей, привозной пряжи, дели. С распространением прочного привозного материала стали вязать не только сети, но и невода.

В процессе производства сетей существовало разделение труда: заготовкой и обработкой крапивы, скручиванием из ее волокон нитей занимались женщины [3], а сети делали пожилые мужчины. Инструментами для вязания служили игла (охп, эхп), мерка (хилх'ч) и вешалка-крючок (ч?ьмкэчх', инэккэл'х). Размеры иглы и мерки были различны и зависели от того, для какого вида рыбы предназначалась сеть. Поплавки (пыхпых) делали из дерева, а грузила (вач) — из камней.

В конце 50-х — начале 60-х гг. XX в. на смену сетям из дели пришли более прочные капроновые сети. Деревянные поправки в них стали заменяться пенопластовыми.

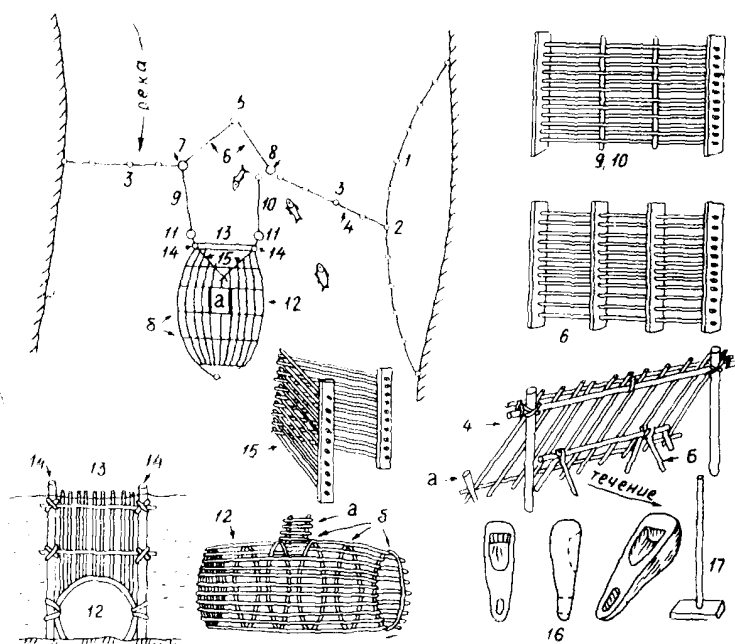
Первой рыбой, вылавливаемой сетями, была чавыча. Врач В. Н. Тюшов, несколько лет проживший на Камчатке, так описывал процесс лова: «В июне месяце... они по ночам промышляют рыбу чавычу..., которая первая поднимается из моря в вершины рек для метания икры... Ловят сетями или, как они говорят, плавят рыбу, обыкновенно соединяясь в партии по четыре человека на два бата и за одну ночь добывают (уплавляют) до 20—30 штук» [4]. Такой способ промысла чавычи сохранялся до недавнего времени.

Однако большую часть заготавливаемой рыбы вылавливали запорами. Их устанавливали почти на каждой реке после спада большой воды и использовали с конца мая до поздней осени. Подготовка же частей запора, их ремонт начинался обычно с апреля.

Ительмены пользовались несколькими видами запоров. Нан-

¹ При написании ительменских названий использована транскрипция, предложенная Т. А. Молл в работе «Очерк фонетики и морфологии седанского диалекта ительменского языка» (1962), где ? означает гортанный смычный в том случае, когда он является компонентом согласных (п?, ч?, т?) и ь, когда он — самостоятельная фонема; диакритический знак ' с правой стороны означает увулярность к, х (к', х'), глухое палатальное л(л'), звонкое заднеязычное н(н'). Знаком ь обозначен краткий гласный заднего ряда нижнего подъема. Двойные термины даны в тех случаях, когда имеются диалектные различия. Первое — название южной, второе — северной группы ительменов.

более распространенным был запор (тк'альз)². Его строили следующим образом: чаще всего у косы, перекрывая часть реки, вбивали полукругом колья, между которыми плотно вплетали прутья. В центре полученной изгороди (хэзваъл'ьс) (1, см. рисунок), устанавливали стержневой толстый кол (сэп'сьз) (2). От него до противоположного берега реки вколачивали в ряд колья (3) специально предназначенной для этого деревянной колотушкой (к'эск) (16). К кольям привязывали концы жердей (хэзвэзвэмч), которые свободно передвигались вверх-вниз и составляли опору для решеток (тогсьс', тотк'сьн') (4) из тонких прямых палочек тальника (тонол'ьм), переплетенных ивово-вой корой (лк'эат). Решетки, прикрепленные к жердям, стави-

Устройство запора для вылова рыбы

лись под углом к течению реки. Передняя, донная часть фиксировалась небольшими колышками (к'ьн'люпэвм) (4а) и при- давливалась камнями. Во время подъема уровня воды в реке решетки поддерживались подпорками в виде козлов, кобылин

² Устройство данного запора записано автором от К. Т. Дьяконова в с. Ковран Камчатской области в 1964 г. Подобное устройство описано В. Н. Тюшовым (По западному берегу Камчатки.— Записки Имп. русс. Геогр. о-ва, СПб, 1906, т. 37, № 2, с. 9).

(46). В решетчатой изгороди оставляли проходы, в которые устанавливали от двух до шестнадцати ловушек. Количество их зависело от ширины реки и от числа участников, строящих запор.

Ловушка представляла следующее устройство: передняя ее часть имела форму пятиугольника, вершиной которого был кол (*к?аньч*) (5), к которому прикрепляли идущие под углом две решетки (*пэвлумч*) (6), сделанные из толстых прутьев, вдетых в просверленные отверстия четырех нешироких досок. Вторые концы решеток привязывали на некотором расстоянии друг от друга к кольям (*нэвлаз*) (7) и (*л'еънан'сэз*) (8), вбитым у изгороди. К ним же параллельно или почти параллельно одна другой устанавливали еще две решетки: одну — длинную (*эвълт?эзын'*) (9), другую — короткую (*экьмт?эзын'*) (10), — прикрепленные к кольям у изгороди и вторыми концами к двум кольям (*к'сх'аън пуэвэън*) (11), составляющим ворота непосредственно ловушки. Решетки представляли собой тонкие рейки, концы которых вдевались в отверстия двух досок, посредине дважды переплетенных толстыми прутьями. Между решетками (*пэвлумч*) (6) и (*экьмт?эзын'*) (10) оставляли щель (*ч?ач?авесх'*), через которую в ловушку проходила рыба.

К кольям-воротам устанавливался длинный цилиндрический ящик (*чируч*) или морда (*уылгыи'*) (12). Его обычно делали из тонких листовенничных дранок, скрепленных с кругами (*к'мэввч*) (126) из кедрового стланика. Сверху имелась дверца (*схэмч, ч?хэн'ч*) (12а). Передний конец ящика опускался на дно реки и придавливался решеткой, сделанной из листовенничных реек (*лак?эл'чаънын'*) (13). Ее прикрепляли к двум кольям (*ч?ин'-зэпэълэнын'*) (14), вбитым рядом с кольями-воротами. В откидную переднюю часть ящика-чируча вставлялся клапан из двух небольших решеток (*чамчам*) (15), открывающийся только вовнутрь. Рыба, идя против течения, проходила в оставленную щель и заполняла переднюю часть ловушки, а затем, оттесняемая рыбаком специальной дощечкой с черенком (*ьмзатэънын'*) (17), через клапан попадала в чируч, откуда ее через дверцу вылавливали крючком или сачком и бросали в бат.

В. Л. Комаровым в начале XX в. был встречен и другой тип запора, который бытовал среди камчадалов и ставился на небольших реках. «Это ящик во всю ширину реки, — писал он, — передняя и задняя стенки его закрыты решетками из прутьев, привязанными к поперечным брускам, а по бокам устроено два помоста и около них паевые ящики. Рыба идет по дну, и если нижняя решетка запора приподнята, подлезает под нее. Очувившись в запоре, рыба... останавливается, и когда ее накопится много, то ловцы становятся на боковых площадках и крючками таскают рыбу из воды, бросая на помост, где ее глушат и распределяют по паевым ящикам» [5].

Чтобы поймать больше рыбы, ительмены использовали и так называемый плавежный запор (*к'энс*)³. На отмели в два ряда вбивали колья от обонх берегов углом вниз по течению реки. Между этими кольями закладывали вязки или пучки прутьев (*хъзвэъл'бс*). Сверху колья скрепляли ивовою корой. В самом глубоком месте, где ряды кольев сходились, устанавливали ловушку (*к'ьлк'ьлгын', ч'руч*), представляющую собой ряд колец (*к'мэвиц*) разных размеров. На них натягивалась сеть из дели или крапивных нитей. На небольшом расстоянии от ловушки-морды с обеих сторон к вбитым кольям прикрепляли по решетке (*тан'амьн'*), низ которой при помощи колышков закреплялся паглухо, а верх свободно двигался на кольцах. К ловушке-морде устанавливали еще одну длинную решетку (*сьнсьньч*). Одна сторона ее опускалась на дно и придавливалась камнями, другая наклонно к вбитым кольям прикреплялась у устья ловушки. Два — четыре рыбака, спускаясь по течению на двух батах, при помощи невода, перекрывающего реку, сгоняли рыбу вниз к запору. Она попадала на наклонную решетку, у которой стоял рыбак и деревянным щитком (*ипах'ч'лэъньн'*) направлял рыбу в ловушку. По мере заполнения ловушку затягивали, поднимали и опорожняли, ссыпая добычу в бат. В прошлом, когда не было дели, а ловушки из крапивных нитей не отличались прочностью, рыбу, согнанную сверху, через проход в изгороди сталкивали в большую огороженную решетками (*экьмт'эзъм*) площадь реки (*кутэъ*), откуда ее вылавливали багром или сачком.

Ранней весной, иногда и зимой на незамерзающих местах реки сооружали специальный запор (*мероз*) для гольцов, плывущих с верховьев рек к устью. Устройство его подобно плавежному запору, только здесь устанавливали от трех и больше морд-ловушек (*уич'руч*), сделанных из прутьев, как у запора (*тк'альза*) типа *уьлн'эн*.

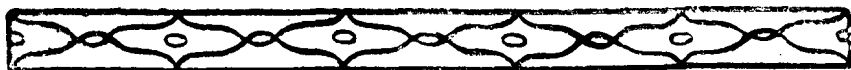
Для корюшки строили запор, аналогичный запору для гольцов, но изгородь устанавливали конусом против течения, а ловушки — по течению. Чтобы ловушки не разворачивало, конец каждой прикрепляли к вбитому колу (*кьмхъяньм*) при помощи свободно передвигающегося кольца (*рак'лавьм*). Когда ловушка наполнялась корюшкой, заднюю часть ее поднимали, развязывали и освобождали от рыбы. Улов на бату доставляли на берег, и женщины занимались его обработкой.

Таковы основные орудия лова рыбы, бытовавшие у ительменов в конце XIX — начале XX в. Они самобытны, изобилуют разнообразием и еще раз подчеркивают значимость рыболовства в хозяйственной деятельности народности.

³ Устройство плавежного запора описано по рассказу ительмена К. Т. Дьяконова в 1964 и 1969 гг. в с. Ковран Тигильского р-на Камчатской области.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Большаков М., Рубиновский В.** Камчатская область. М.—Л., 1934, с. 40—41.
2. **Орлова Е. П.** Ительмены (остатки древних обитателей Камчатки).— Стат. бюл. Дальневост. стат. упр. Хабаровск—Благовещенск, 1927, № 8—9, с. 73.
3. **Старкова Н. К.** Использование крапивы в хозяйстве ительменов.— Труды ДВНЦ АН СССР. Сер. ист. Т. 8. История, социология и филология Дальнего Востока. Владивосток, 1971, с. 182—183.
4. **Тюшов В. Н.** По западному берегу Камчатки. — Зап. Имп. рус. Геогр. о-ва. Спб., 1906, № 2, с. 9.
5. **Комаров В. Л.** Путешествие по Камчатке.— В. Л. Комаров. Избр. соч., т. 6, М.—Л., 1950, с. 416.

РЫБНАЯ ПИЩА УДЭГЕЙЦЕВ И СПОСОБЫ ЕЕ ПРИГОТОВЛЕНИЯ

А. Ф. Старцев

Многие народы южной части Дальнего Востока в XIX—XX вв. назывались ихтиофагами, «рыбокожими народами», что подчеркивало ведущее значение в их жизни рыболовного промысла и рыбы как продукта питания. К ним относились и удэгейцы. Рыбная пища у них сохраняет до настоящего времени ведущее значение в повседневном и праздничном рационе.

О рыбной пище удэгейцев упоминали в своих трудах И. В. Надаров [1] и С. Н. Браиловский [2]. Отдельные рыбные блюда и способы их приготовления были описаны В. К. Арсеньевым [3] и В. Г. Ларькиным [4].

В настоящей статье мы намереваемся показать важное значение рыбы в пище удэгейцев и способы ее традиционного и современного изготовления. Статья написана по материалам полевых исследований автора в составе Дальневосточной этнографо-филологической экспедиции ДВНЦ АН СССР в 1973—1975 гг. и имеющимся сведениям в литературе.

До установления Советской власти на Дальнем Востоке удэгейцы в пищу употребляли преимущественно мясо диких зверей и рыбу. Из рыб чаще всего использовали кету (*дава*), тайменя (*дзэли*), щуку (*гуэсэ*), чебака (*ялэ, ялэхэ*), сазана (*кактехэ*), хариуса (*нюгуса*), налима (*цза*), ленка (*дзауна*) и др. Во время рыбалки и особенно в период заготовки лососевых пород удэгейская кухня становилась особенно разнообразной и обильной.

Самая простая пища, не требующая много времени на ее приготовление, — это свежая, только что выловленная рыба (*сугдя*).

В. К. Арсеньев упоминает, что удэгейцы едят сырую рыбу не только зимою, но и летом. Самое большое лакомство — головные хрящи кеты или горбуши [3]. И. В. Надаров также от-

мечает, что «...подобная закуска составляет лучшее лакомство для орочона и для гольда...» [1].

Кроме хрящей головы лакомством считались рыбы глаза и хребтовый жир. У удэгейцев есть легенда, связанная с обычаем есть голову и глаза рыб. «Это было очень давно. У одного старого удэгейца ослепла жена. Муж пошел в пещеру поклониться духам и попросить у них совета, как излечить жену... Духи посоветовали старику убить большую рыбину во время восхода солнца и накормить жену головой и рыбьими глазами... Старик сделал все, как велели духи, и его жена стала видеть лучше прежнего»¹.

Любимой пищей удэгейцев была *солимо* — «юкола, жеванная вместе с кетовой икрой или ягодой и залитая рыбьим или животным жиром» [4].

В. К. Арсеньев описывал способ приготовления этой пищи: «Две женщины жуют: одна — рыбу, другая — сырые ягоды и обе сплевывают жвачку в одну чашку. Затем эта смесь размешивается, к ней добавляется немного нерпичьего жира и преподносится гостю как знак особого к нему внимания» [3]. Подобное же блюдо было у орочей, которые называли его *сейни* [5].

В наши дни блюдо *солимо* готовят другим способом: юколу в течение короткого времени целиком варят в котле, а затем мелко перетирают, заправляют солью и заливают растительным или топленным жиром. Приготовленное блюдо употребляют в пищу только в горячем виде. Такой способ приготовления рыбной пищи был знаком не только удэгейцам, но и нанайцам [6], ульчам [7], нивхам, ительменам и другим народам Дальнего Востока.

О происхождении этого блюда у удэгейцев существует предание. Оно говорит, что удэгейский царь Сагди Коюн в старости лишился всех зубов и ему грозила голодная смерть. Тогда молодые девушки стали жевать рыбу и мясо, кормить этим своего повелителя, и Сагди Коюн еще очень долго жил. Перед смертью он завещал, чтобы такой пищей потчевали только уважаемых гостей [8].

Из свежей рыбы — ленка, хариуса, тайменя и отнерестившейся кеты готовится *тала*, *талахони*. В домашних условиях ее готовят на століке (*дзинку*), а в таежных — на специальной дощечке (*удаки*), которая обычно входила в состав охотничьего снаряжения удэгейца [4]. Мясо очищенной и выпотрошенной рыбы нарезается небольшими пластинками, которые сдабриваются солью, перцем и луком.

Зимой тала делается из мороженой рыбы. Острым ножом с боков тушки снимались тонкие и мелкие стружки мяса, припра-

¹ Полевые записи. Легенда записана автором в 1969 г. от Н. М. Суляндзига.

вой к которым служили соль, лук или соленая черемша. Это блюдо среди русского населения известно как строганина.

Летний и зимний способы приготовления тала известен многим малым народам Дальнего Востока (нанайцам, ульчам, нивхам, ительменам, орочам и др.) [9].

Использование в пищу зимой сырой рыбы способствовало тому, что местные жители не болели цингой. «Жизненный опыт... показывает, что использование сырой рыбы в пищу давало большое количество необходимых для человеческого организма веществ (витаминов А, В₁, В₂, С, белков, углеводов, жиров, солей и т. д.)» [6].

Важное значение в пище удэгейцев имела вареная рыба (*олохо*). Готовилась она так: рыбу разрезали на несколько больших кусков (*коптыла*) и опускали в кипяток без соли. Через несколько минут ее вынимали из котла заостренной палочкой (*сукпу*). *Олохо* ели с густой или жидкой кашей, супом или лепешками.

Во время рыбной ловли на берегу реки или в домашних условиях удэгейцы варили несоленую уху (*сугдя силэни*). В котелке (*ёхо*) сначала варили мелкую рыбешку, затем отливали бульон (*силэни*), а рыбу отдавали собакам. В бульон опускали куски крупной рыбы. Перед едой уху заправляли черемшой или свежим луком. Ели уху в горячем виде с лепешками. Подобное блюдо у нанайцев называется *холто* [6], у орочей — *окто* [5], что свидетельствует о древнем его происхождении.

С развитием огородничества удэгейцы вместе с рыбой стали варить и овощи. Так, И. В. Надаров в конце XIX в. отмечал, что удэгейцы варили рыбу вместе с тыквой и мясом [1].

В настоящее время удэгейцы со свежей рыбой варят только картофель и называют это блюдо ухой (*сугдя силэни*). В небольшой котел с холодной подсоленной водой опускают несколько мелко нарезанных картофелин. Когда вода закипит, кладут куски рыбы. Готовую уху заправляют луком или черемшой, перцем и лавровым листом.

Жареную рыбу (*сугдя какты*) раньше готовили на металлической решетке с длинной ручкой (*кактинку*). Тушку разрезали на куски, укладывали на решетку и ставили на угли, на которых рыба поджаривалась. Рыба, приготовленная на решетке, приобретала желтовато-коричневый цвет. Ее ели без всяких приправ и хлеба. Затем пили жидкую кашу или чай.

Сейчас рыбу чаще жарят на сковороде (*кактинку*).

К жареной рыбе следует отнести и шашлыки (*силондоси, силэ*). Выпотрошенная и очищенная от чешуи рыба насаживалась на палочку (*сукпу*), которая ставится в наклонном положении на расстоянии 50 сантиметров от костра. Время от времени шампур с шашлыком поворачивают. Готовые кусочки шашлыка под воздействием огня и жара покрываются сочной корочкой светло-коричневого цвета. Едят *силондоси, силэ* в горя-

чем или холодном виде. Шашлык хорошо сохраняется в течение нескольких дней. Подобный способ приготовления шашлыков из рыбы известен также нанайцам [6] и ульчам [7].

Удэгейцы знали способ приготовления тушеной рыбы (*сугдя манаса*). Для этого предпочитали брать ленка. Рыбу разрезали на большие кусочки и укладывали на дно котла (*лонко*), в котором имелось немного воды. Котел закрывали крышкой (*воптэни*) и ставили на небольшой огонь. Во время тушения рыбу не мешали и не переворачивали, чтобы она не превратилась в кашу. Готовую рыбу ели с лепешками и запивали жидкой пшенной или кукурузной кашей (*закта*).

Таким же способом удэгейцы готовили и блюдо *хунта* (*хумта*) — своеобразный рыбный паштет, напоминающий жидкую вязкую мучнистую массу. Мясо крупной рыбы, чаще всего тайменя, закладывали в котел без воды, слегка подсаливали и тушили на медленном огне в собственном соку до тех пор, пока мясо не отставало от костей. Кости выбрасывали, а мясо, перемешивая скребком (*цусу*), продолжали тушить. Постепенно сок рыбы испарялся, а мясо превращалось в мучнистую массу светло-коричневого оттенка. Перед употреблением в пищу ее размешивали с топленным жиром зверей и ели с ягодами или черемуховыми лепешками (*цояни*).

Когда *хунта* (*хумта*) заготавливали на зиму, то рыбную массу перемешивали с жиром, обжаривали на сковороде или в котле, и помещали в глиняный сосуд (*ангола*). Сверху *хунта* заливали топленным изюбриным жиром, который предохранял паштет от порчи. Ели его в горячем виде специальной берестяной ложкой, напоминающей совочек.

В наши дни этот вид пищи уже не готовят. Подобное блюдо имелось у нанайцев (*таксан, такса*) [6], ульчей (*септула*) [7] и других народов Приамурья.

Удэгейцы использовали не только мясо свежей или вяленой рыбы, но в голодные сезоны и годы и рыбьи кости (*соку*), из которых готовили блюдо *идяна*. В котел с кипящей водой опускали сильно посоленные свежие или сушеные кости рыбы и долго варили их, постоянно перемешивая деревянной лопаточкой (*ёхова сигилинку*). Когда кости разваривались и приобретали кашеобразный вид, их охлаждали. В пищу *идяна* употребляли в холодном виде, намазывая на лепешку или хлеб, и ели с пресной жидкой кашей (*закта*). Эту пищу удэгейцы заготавливали впрок, потому что она сохранялась 3—4 месяца. Следует отметить, что подобное блюдо не встречается у соседних народностей. Сейчас эта пища вышла из употребления и у удэгейцев, так как ушли в прошлое голодовки и недостаток продовольствия.

Одним из древних способов приготовления рыбы является копчение. На местах рыбалки во время массового лова рыбу вешали под навесы, где разводили небольшие костры, дающие

много дыма. В настоящее время удэгейцы коптят рыбу в коптильнях (*санминку*, *нюсюнку*). Ее подвешивают под потолком на жердочки или кладут на специальную решетку. В коптильне разводят дымовой костер и закрывают дверь. Через несколько дней копченая рыба (*нюси*, *сугдя сутасефи*) готова к длительному хранению. Ели копченую рыбу без приправ, но после еды запивали жидкой кашей или чаем.

Во время осеннего лова кеты удэгейские женщины занимаются подготовкой рыбы для вяления. Ножом (*кусига*) они чистят и потрошат рыбу. Затем ее разделяют на части, каждая из которых имеет свое назначение и название: *куфиктэ* — юкола, приготовленная из цельной кеты; *махала* — из кеты, у которой удалены голова, хребет и хвост; *кактали намикта* — из цельного бокового пласта кеты; *намикта* — из верхнего слоя бокового пласта кеты; *сигданта* — из нижнего слоя бокового пласта кеты; *уккэ* — из брюшка кеты [4]; *мала* — кета без головы, хребта и хвоста, разрезанная вдоль спины до брюшков. Приготовленные пласты вялили на солнце под открытым небом. «Вяление — это один из способов консервирования рыбных продуктов. Сущность этого процесса состоит в медленном высушивании рыбы под воздействием тепла, солнечного света и воздуха, что приводит к значительным изменениям в составе рыбного мяса и более равномерному распределению жира в рыбной тушке. Мясо рыбы становится как бы янтарным и приобретает специфический вкус и аромат» [6].

Вялят рыбу на специальных вешалах, сделанных из жердей. Юкола (*тели*) для удэгейцев такой же важный продукт питания, как для земледельцев хлеб. «Без юколы они терпят такую же нужду, как и русский пахарь в неурожайные годы. Юколой удэхеи кормятся сам, кормит свою семью и всех своих собак. Даже при самой лучшей и обильной пище они скушают по юколе и всегда предпочитают ее рису...» [3].

В большом количестве удэгейцы употребляли рыбий жир (*симэнь*), который получали из отходов рыб лососевых пород. Удэгейский способ приготовления рыбьего жира аналогичен ульчскому и нанайскому. «На выварку жира шли рыбы головы и внутренности рыбы (пузыри, кишки и пр.). Как только собиралось достаточное количество таких отходов, женщины в большом чугунном котле начинали вываривать рыбий жир, время от времени помешивали большой ложкой — шумовой» [6]. Каждая удэгейская семья заготавливала столько рыбьего жира, чтобы весь год готовить на нем пищу.

В наше время рыбий жир в пище удэгейцев заменен маслом, животными и растительными жирами, покупаемыми в магазинах.

Одним из любимых блюд удэгейцев являлась икра из красной рыбы (*цафа*), которую удэгейцы жарили, сушили, варили и солили. Жареная икра готовилась для разового питания

главным образом на местах рыбалки. Икру в пленке насаживали на острую палочку и в течение 10 минут держали над углями костра, поворачивая из стороны в сторону, чтобы она не сгорела.

Сушили икру на солнце на специальных вешалах. Сухую икру (*цафа вагисифи, огоу цафа*) брали с собой в тайгу охотники и ели ее на ходу во время следования к угожьям. Сухую икру также варили с кашей или картофелем.

Сушка кетовой икры на солнце в конце XIX — начале XX в. была заменена посолом. Этот способ приготовления икры удэгейцы переняли у русских переселенцев.

Перед засолкой икру ошпаривают кипятком, чтобы отделить ее от пленки. Затем в ивовом или алюминиевом дуршлаге (*дзаули*) икру промывают в проточной воде. Когда вода полностью стечет, икру засыпают в бочонок или эмалированное ведро и заливают соленым раствором — тузлуком, который по концентрации считается хорошим, если всплывает очищенный картофель.

Удэгейцы делают из рыбы котлеты (*вандзя*). Для приготовления фарша мясо рыбы очень мелко нарезают острым ножом, добавляют зеленый лук или черемшу, соль, перец, и все это перемешивают. Котлеты варят в кипящей воде 3—5 минут, затем заправляют растительным маслом и едят горячими.

Таким образом, рыбная пища удэгейцев входила в круг традиционной рыболовецкой культуры малых народов Приамурья, Приморья, Сахалина и Камчатки, что свидетельствует о древних истоках формирования культуры удэгейцев. При этом важно отметить, что наряду с общей для народов юга Дальнего Востока основой в традиционной рыбной пище удэгейцев имелись и свои особенности, что подчеркивает самобытность их культуры.

На протяжении XX в. под влиянием социалистического строительства произошли важные изменения в быту удэгейцев, их пище. Рыбная пища потеряла свое первенствующее значение и во многих случаях была заменена разнообразной пищей (мучной, мясной, крупяной и т. д.), повысились ее калорийность и питательность. Многие традиционные блюда и способы их приготовления сохранились до настоящего времени, но теперь это скорее пища праздничная, чем повседневная.

ЛИТЕРАТУРА

1. Надаров И. В. Северо-Уссурийский край. — Зап. Имп. рус. Геогр. о-ва. СПб., 1887, т. 17, № 1.
2. Браиловский С. Н. Тазы, или удихэ. — «Живая старина», в. 2. СПб., 1901.
3. Арсеньев В. К. Лесные люди удэгейцы. Владивосток, 1926.
4. Ларькин В. Г. Материальная культура удэгейцев до установления Советской власти. — Труды ДВФ им. В. Л. Комарова СО АН СССР. Сер. ист., Благовещенск, 1963, т. 5.

5. Ларькин В. Г. Орочи (историко-этнографический очерк с середины XIX в. до наших дней). М., 1964, с. 53.

6. Сем Ю. А. Нанайцы. Материальная культура (вторая половина XIX—середина XX в.). Этнографические очерки. Владивосток, 1973, с. 115.

7. Смоляк А. В. Ульчи. Хозяйство, культура и быт в прошлом и настоящем. М., 1966, с. 94.

8. Архив ДВНЦ АН СССР, ф. 13, оп. 1, д. 45, л. 84—85.

9. Лопатин И. А. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские.— Зап. о-ва изуч. Амур. края Владивост. отд. Приамур. отд. Рус. геогр. о-ва. Владивосток, 1922, т. 17, с. 95—96; Василевич Г. М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII—начало XX в.). Л., 1969, с. 126; Сем Ю. А. Нанайцы. Материальная культура..., с. 122; Ларькин В. Г. Орочи..., с. 53—54.

МАГИЧЕСКОЕ ЛЕЧЕНИЕ У НАНАЙЦЕВ

Е. А. Гаер

В мировоззрении народов, находящихся на стадии разложения первобытнообщинного строя, в их идеологии мы видим борьбу двух тенденций. Одна из них — стремление познать объективный мир — источник положительных познаний человека о природе и обществе, другая — попытки объяснить непознанное средствами мистики.

Народные медицинские знания относятся к положительным знаниям, а связанные с лечением болезней путем магических действий или шаманства — ко второй. Но нередко в жизни малых народов они переплетались друг с другом, дополняли друг друга в устах «врачевателя», которому не все было понятно в процессе излечения.

Изучение иррациональных знаний малых народов является одним из источников познания шаманских представлений об окружающем мире. Магические обряды — это действия, связанные с верой в способность человека или каких-либо предметов воздействовать на людей, животных, явления природы, воображаемых духов, вызывающих болезни.

Случаи магического лечения шаманами больных у нанайцев были отмечены П. П. Шимкевичем, И. А. Лопатиным, Л. Я. Штернбергом и др. [1].

Определенный интерес представляют магические обряды и обычаи для познания мировоззрения малых народов в недалеком прошлом. Знание их дает возможность проследить трансформацию в мировоззрении за годы Советской власти. Социалистическое строительство и современная медицинская помощь, материалистическое воззрение на природу и общество уничтожили у нас в стране объективные причины существования лечебной магии. Медицинская помощь доступна всем. Проводятся регулярные профилактические осмотры населения, бесплатное лечение больных. Но тем не менее у некоторых людей

старшего поколения по традиции или по незнанию встречаются иногда случаи использования магических приемов при лечении больных.

Один из таких случаев мы наблюдали у нанайцев летом 1971 года в селе Кондон Комсомольского района Хабаровского края во время работы Дальневосточной этнографо-филологической экспедиции ДВНЦ АН СССР и вторично — там же в 1972 г.

В обряде участвовало четыре человека: шаман, его жена, помощница и больная. Больная (русская женщина 60 лет) постоянно жаловалась на головные боли. Она рассказывала, что ходит к шаману уже более года. От его «лечения» ей якобы становится лучше.

Шаман для ее «лечения» использовал обряд *хаосамба не-аури*, буквально «выносить бумаги». Готовятся к этому обряду засветло. Помощница шамана (*бэлэчимди*), женщина 50 лет, вместе с женой шамана старательно готовит *сугдичэ* (кушанья) духу — хозяину дома, и угощение духам — помощникам шамана в камлании (*сэвэнду калбои дяка*). Сугдичэ состоит из лала (пшенной каши) и *араки* (водки); сэвэнду калбои дяка — из сухих корешков лекарственных трав, *канёй* (морской капусты), *олгиан миавани* (свиного сердца), *сэнкурэ чимчиктэни* (засушенных цветов багульника), *хулэтун* (корешков лечебных трав); *орходан* (корня женьшеня), *сэнкурэ* (багульника).

В это время шаман готовит *гиасадан* (стружки). Одним из важных моментов подготовки к обряду является вырезание узоров из бумаги. Для этого помощница шамана брала пять листов бумаги одинакового размера и вырезала фигурки человека, утки, лисы, мухи, червей так, чтобы обрезков при этом не было. В пяти листах бумаги получались одинаковые изображения, и эти листы нанизывались на длинную нить, образуя своеобразную гирлянду. Ее подвесили над тем местом, где будет сидеть больная. Один конец нити привязали к ручке двери, другой — к спинке стула, который стоял около стола, шагах в трех от двери. Под гирляндами постелили *сэгдичэ* (подстилку из мешковины) и на нее усадили больную. В это же время растапливали печь. Над плитой нагревали два бубна, время от времени ударом колотушки проверяли степень натяжения кожи бубна. Только после этого шаман наряжается в предназначенную одежду. Она состояла из *хосян* (юбки) с вышитыми фигурками *сэвэнов* (духов — покровителей шамана), *Мудур* (дракона), *колян* (змеи), *янган* (широкого пояса из кожи) с прикрепленными к нему конусообразными железными трубками и различными металлическими предметами: амбарного замка, бронзовых подвесок, кусков металлического бруска и т. п., *гиасадан* (черемуховых стружек). На голову шамана надели веноч, обвили стружками руки выше локтей и ноги ниже колен. Помощница шамана помогла ему одеться, смазала ему шею, губы и

ноги растительным маслом. Это делалось для того, чтобы руки и ноги безотказно **двигались**.

Теперь все готово. Шаман обращается к присутствующим и просит найти его талисман (*эдехэ*), без которого он не может начать камлание. Его талисман — это бесформенный слиток из серебра на веревочке. По рассказу шамана, во время одного из камланий этот слиток якобы выпал из горла и победил злых духов. С тех пор шаман не расстается с ним и ни одно камлание не начинается без него. На этом подготовка к обряду была закончена.

Помощница шамана подвела больную к подстилке и усадила ее под гирляндами. Шаману подали один из нагретых бубнов. Он, сидя на кровати, начал бить в бубен и запел. В своей песне он мысленно обращался к душам давно умерших родных, просил их помощи и кратко рассказал о сути дела.

*Ама бухэни кусумби! Энхэ
сосхай-да сонаро! Деду нэ та-
сярадэмб! Хони-да тэдемэ бэ-
лэчиу! Гой хала, гой хала, ло-
ча бизмдэ, гудизлэ, Лоча бим-
дэ, хэтэуну. Эйевэ бусэсигуэ-
ри. Дюкиээсие дюкиэну!*

Отцом данная мне сила!
Мать, подбери свой кнут! Ина-
че я здесь обязательно запу-
таюсь. Все же как-нибудь по-
моги! Другой национальности,
другого рода, хоть и русская,
а жалко! Вместе давай в этом
деле постарайся. Даже то,
что не желает воплотиться в
изображения, заставь вопло-
титься.

С этими словами шаман начал бить в бубен. Но бубен уже остыл. Шаман недоволен и передает его помощникам. Они подбросили в печь дрова и стали нагревать бубны. Вскоре один из бубнов был готов. Шаман взял его и стал бить по нему коло-
тушкой, напевая:

*Хаосан халдохие. Ябони мо-
римбиэ сэдениэ. Ама, эди
эуси кэчэриуну! Тулиэлэ ту-
вэну! Никасал пурилби мэ-
нэ-мэнэ дурунди очоану!*

Бумажными людьми (изображе-
ниями) занимаюсь. Телегу моих
небесных лошадей, отец, не надо!
Поверни их сюда! Опустить во
двор! Своих нерусских детей за-
ставь принять каждого свой об-
лик!

Помощница погасила свет в комнате. Шаман встал, очень медленно начал свой танец (*мэури*). Он пел, созывая своих помощников-духов. В это время огонь в печи разгорелся и яркие отсветы от него забегали по комнате. Шаман недоволен. Его жена и помощница стараются завесить печь. В темноте шаман бьет в бубен и нараспев разговаривает с больной.

Шаман. — Вы нашли недавно нож?

Больная. — Да. Сын нашел в карьере, такой большой, блестящий.

Шаман. — Вы, видимо, в последнее время часто видите сны? И все время петли из веревки?

Больная. — Да!

После опроса он стал петь громче, яростней заплясал вокруг больной. Ему теперь ясно, какие злые духи сидят в голове больной. Их надо оттуда выгнать. Шаман кричит: «Смотрите! Из головы больной искры выскакивают! Это амба злые духи, которые вредили ей!»

Теперь очень важно, чтобы злые духи перешли в фигурки бумажной гирлянды. Шаман старается их туда загнать. Как только он это сделал, помощница и жена мгновенно сорвали эти гирлянды, вынесли их на улицу и стали там вытряхивать из них злых духов. На этом первая часть камлания закончилась. Зажгли свет.

Шаман сел на кровать и отдыхает. Он начал рассказывать, что когда в голове больной сидят очень сильные злые духи, то не только искры летят из головы больной, но даже бумажные гирлянды начинают шуршать и шевелиться — это злые духи входят в свои изображения на бумаге. Черти (*амбасал*) в облике змей, мух, лисы, утки воплощаются в соответствующие вырезанные фигурки. В этот момент некоторые больные не выдерживают и начинают кричать, вскакивать. Тогда злые духи не попадают в свои изображения и остаются в голове больной. Это плохо. Шаман должен повторить изгнание.

После небольшого перерыва началась вторая часть камлания — *самамба хоричигори*, т. е. «исцеление духов шамана», которые ему помогали в изгнании злых сил из головы больной. Сэвэны (духи — помощники шамана) просят вознаграждения за свои труды. Шаман удовлетворяет их запросы.

Эта часть начинается с того, что помощница шамана совершает обряд *хэриури* — она обносит всех присутствующих водкой. Тем, кто уснул во время камлания, мазет лоб пальцем, смоченным в водке. Шаман очень спокойно поет о том, что удачно выгнал чертей из головы больной. Он благодарит своих помощников сэвэнов, которых изображает в своей песне. Духи друг за другом приходят за своим вознаграждением, и шаман имитирует действия этих духов.

Вот приходит один из сэвэнов. Помощница шамана и его жена стараются угадать, чего же он хочет. Все, что ему подносили они, сэвэн ел, на самом деле их съедал шаман. Наконец, он устал. Об этом шаман заявляет в своем песнопении (*яян*). Помощница шамана и его жена идут навстречу следующему сэвэну, брызгают водкой его одежду, задабривают его и говорят: «*Гиделэ!* (Бедняжка!) Ты голоден, па, поешь!» Но сэвэн отказывается и просит за труды уши косули (*гиву сямбани*). В доме такой пищи нет. Тогда ему дают кусок высушенного свиного сердца. Сэвэн согласен с такой заменой, съедает его, благодарит и уходит.

Вслед за ним появляется другой — *хото сэвэн* (плешивый дух). Этот дух очень веселый, он хохочет, чешет плешину и просит *гампан* (пампушку из пшенной каши). Но у людей нет ее. Плешивый сэвэн говорит: «*Хадиа! Хадиа!*» («Бедно! Бедно!»). Он недоволен этим. Тогда шаман говорит ему: «*Кэукэ! Кэукэ!*» («Нет! Нет!»). Позже шаман рассказывал, что во время камлания, в экстазе, он может говорить на языках других народов, не зная ни одного из этих языков; этим шаман как бы подчеркивает, что он общается с духами других народов на их языках. Пришедшему сэвэну дают *зухэхин* (корешки лекарственных трав), *канёй* (засушенную морскую капусту), *чэньй* (раков). Все это сэвэн съедает, благодарит присутствующих, желает им здоровья и уходит.

Третий сэвэн с порога говорит: «Нучи-даи, сородэ! Алха тури!» («Мал и стар, здравствуйте! Пестрой фасоли!»). Ему дали то, что он просил. Сэвэн быстро съел. Доволен. Уходит.

Новый пришедший сэвэн просит девять змей. Но их нет. Сэвэн высказывает недовольство: «*Хадиа! Хадиа!*». Обращается он к матери, живущей в тайге, жалуется: «*Дуэнтэ эниэ! Еду би най кота!*» («Лесная мать! Люди, живущие здесь, жадные! Жадные!»). Ему дали крошки со стола. Он проглотил все и сразу стал ругать жадных хозяев: «*Кота, холха най! Хабдамо!*» («Жадные, хитрые люди! Испытываю жажду!»). Ему дали попить. Затем он просит *манто* (пампушку), приготовленную на пару. Такой пищи ни у кого нет. Сэвэн возмущен этим: «*Хони-ка бичиэ еду би най? Хайва-ка деккиче?*» («Как живут здешние люди? Что же они едят?»). Вдруг он начинает падать и теряет сознание. Шаман все это искусно исполняет. Все, находящиеся в помещении, встревожены, так как у шамана начинается настоящий приступ удушья. Помощница дает ему глотнуть водки. Шаман постепенно приходит в себя. Тогда ему дают корешок женьшеня, предназначенный сэвэну. Он доволен. Съев корень женьшеня, сэвэн уходит.

Приходит последний сэвэн и просит *олгиан миавамбани* (свиное сердце). Просьбу удовлетворили. Проглотив кусочек сердца, сэвэн уходит. Все духи-помощники оказались вознагражденными за свои труды. Шаман освободился от притязаний сэвэнов. Тогда от своего имени он обращается к своим умершим родителям со словами: «*Эниэ! Ама! Туругусуэ! Дему! Дему! Тве тутухэмби, ядакай!*» («Мать! Отец! Остановите меня! Голоден я, голоден! Столько обегал, устал!»).

Постепенно шаман успокаивается и с песней обращается к больной по-русски: «Сейчас тебе должно стать лучше. Не думай ни о чем плохом: о ноже, о веревке не думай! Выздоровливай! Я ухожу!» С этими словами шаман идет к кровати, садится. Ему помогают снять ритуальную одежду. Он устал. Жена его накрывает на стол. Все присутствовавшие на камлании садятся за поздний ужин.

Обряд камлания над больной, описанный нами выше, относится к одному из магических исцелительных обрядов. В нем отсутствуют какие-либо положительные знания, в том числе знания народной медицины. Этот обряд состоит из попыток гипноза, внушения и пантомимического представления. Он основан на бездоказательной вере в возможность общения шамана с добрыми и злыми духами [2].

Наблюдаемый обряд магического лечения представляет собой в социалистическом обществе редкий случай сохранившейся «окаменелости» первобытного общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шимкевич П. П. Материалы для изучения шаманства у гольдов.— Зап. Приамур. Имп. Рус. геогр. о-ва. Хабаровск, 1896, т. 2, в. 1; Лопатин И. А. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские. Опыт этнографического изучения.— Зап. о-ва изучения Амур. края Владивост. отд-ния Приамур. отд. Рус. геогр. о-ва. Владивосток, 1922, т. 17; Штернберг Л. Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Статьи и материалы. Хабаровск, 1933; Крейнович Е. А. Нивхгу. Загадочные обитатели Сахалина и Амура. М., 1973.

2. Токарев С. А. Ранние формы религии. М., 1964, с. 295.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ МУЗЫКАЛЬНОГО ФОЛЬКЛОРА НАРОДОВ ПРИАМУРЬЯ

Н. А. Соломонова

Проблема изучения музыкального фольклора народов Приамурья является весьма важной, так как ее всестороннее решение поможет выяснению некоторых вопросов истории культуры и этногенеза, выявлению национальных черт в истории музыки этих народов.

Следует отметить, что музыкально-поэтическое творчество малых народов Приамурья нашло некоторое отражение в работах А. Ф. Миддендорфа, Р. К. Маака, Г. Шурца, Л. И. Шренка, Д. Кропоткина, И. А. Лопатина, Л. Я. Штернберга, Е. А. Крейновича, А. М. Айзенштадта [1].

Данная статья написана на основе полевых материалов, собранных автором в селах Богородском, Тахте, Троицком, Кальме, Булаве в 1972—1975 гг. Нами собрано более 100 песен и напевов, шаманских камланий, скороговорок, сказок и народных легенд. Кроме того, использованы материалы по музыкальному фольклору малых народов, хранящиеся в архивах Домов народного творчества Хабаровска, Владивостока, Южно-Сахалинска, Института искусств (Владивосток), музыкального училища (Южно-Сахалинск), а также неопубликованные записи композитора Н. Н. Менцера, научных сотрудников Ю. А. Сема, Л. И. Сем, Г. А. Отаиной, С. Ф. Карабановой, В. В. Подмаскина¹.

История культуры нанайцев, нивхов, удэгейцев и других народов тесно связана с их трудовой деятельностью.

Благодаря трудовой деятельности человек приобщается к эстетическому восприятию окружающего мира, учится оценивать и понимать прекрасное. К. Маркс подчеркивал, что только «... благодаря предметно развернутому богатству человеческого существа развивается, а частью и впервые порождается

¹ За предоставленные материалы автор выражает им глубокую благодарность.

богатство субъективной человеческой чувственности: музыкальное ухо, чувствующий красоту формы глаз,— короче говоря, такие чувства, которые способны к человеческим наслаждениям и которые утверждают себя как человеческие сущностные силы» [2].

История эстетической мысли первобытных народов позволяет утверждать, что их творчество на ранних этапах человеческого общества было реалистическим, прямо или опосредованно отражающим действительность в самых разнообразных аспектах.

Для музыкального фольклора народов Приамурья характерно много общих черт, так как эти народы проживали долгое время по соседству друг с другом, имели единый общественный быт, во многом сходные миропонимание, психологию.

В музыке малых народов выявлены два жанра: вокальный и инструментальный. Выделим основные виды песен: бытовые, трудовые, ритуальные, лирические, шуточные². У малых народов существовали одни и те же музыкальные инструменты: варган, бубен, однострунная скрипка, различного рода флейты, музыкальное бревно. В то же время музыкальная культура каждого народа Приамурья имеет свои национальные особенности. Рассмотрим музыкальный фольклор нанайцев — наиболее многочисленной народности Нижнего Амура. Охарактеризуем интонационную, ладовую, ритмическую и структурную основу нанайской песни. Основной интонацией является нисходящее движение от вершины-источника, который часто оказывается квинтой тоники, к тонической приме. В основе песен лежит квинтовая попевка с опеванием примы, терции, квинты тоники, реже второй ступени лада (рис. 1).

Рис. 1.

Поступенное движение применяется в качестве заполнения скачка и опевания. В основном это движение нисходящее, связанное с началом песни от вершины — источника. Отсутствуют интонации разложенного трезвучия. Часты мелодические скачки на терцию, кварту, квинту, реже на сексту, октаву и совсем редко на септиму. Диапазоны песен различны. Обычно это терция, квинта, октава. Лад выявляется в интонации. Звукоряды песен совпадают со звукорядами мажорной, минорной

² Каждый из указанных видов имеет свою классификацию. Так, например, бытовые песни подразделяются на колыбельные, гостевые, семейные, игровые, индивидуальные.

пентатоники, натурального мажора, минора, иногда лидийского лада. Общая схема ладов нанайской музыки имеет такой вид (рис. 2). Мы видим, что пентатоника здесь занимает основное место.

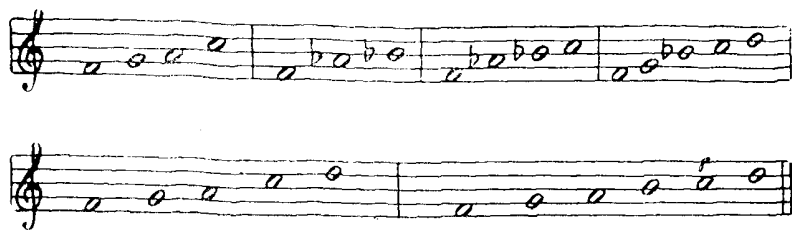

Рис. 2.

Характеризуя широкие мелодические скачки, отметим, что чаще они встречаются на интервалы кварту, квинту, сексту. Это связано с устойчивостью 1, 4, 5-й ступеней.

Кадансовым оборотам также свойственно нисходящее движение. Оно соответствует общей направленности мелодического движения (рис. 3).

Рис. 3.

В нанайской песне вводнотоновость как особое интонационное свойство не проявляется. Нисходящий характер мелодики и кадансовых формул показывает, что здесь господствует принцип нижней тоникки, таким образом, устой находится внизу звукоряда³.

В песнях пентатоникой ладовой основы встречаются следующие интонационно-мелодические типы: 1) мажорная терцовая попевка диатонического вида с расширением объема вверх и вниз; 2) движение по ступеням пентатонного звукоряда; 3) трихордно-квартовый тип; в песнях диатонической ладовой основы: 1) квинтовая попевка нисходящего типа; 2) соединение квинтовых и терцовых попевок в различных вариантах.

В интонационных процессах нанайской народной музыки мож-

³ В последнее время вышло много интересных работ по интонационным процессам народной музыки: Земцовский И. И. Русские народные песни. Л., 1970; Гошовский В. У истоков народной музыки славян. М., 1972; Айзенштадт А. М. Эвенкийские песни о новой жизни. — Современность и фольклор. Статьи и материалы. М., 1977; и др.

но выделить два фактора: 1) имманентный процесс, коренящийся во внутренне присущей народному мелосу способности к самообновлению; 2) обогащение интонационной сферы извне за счет проникновения различных элементов музыкальных культур других народов (русских, украинцев, а также малых народностей). Второй фактор также имеет глубоко национальные корни: «Даже тогда, когда прогресс одного народа совершается через заимствование у другого, он, тем не менее, совершается национально. Иначе нет прогресса» [3].

Оба фактора тесно связаны друг с другом и переплетены в нанайском музыкальном фольклоре. Интонации иных музыкальных культур, преломляясь сквозь призму традиций нанайской музыки, органически вливаются в нее.

Ритмическое строение нанайских песен связано с особенностями стихосложения и декламации песенных текстов. Они выявляются в следующем: 1) в свободной ритмической организации слогов, соединении фигур различного строения наряду с импровизационностью нанайских народных песен; 2) в определенных нормах ритмической организации стиха в песнях, имеющих конкретное содержание. Соответственно этим особенностям нанайский музыкальный фольклор делится на два типа. Первый тип подчинен музыкальным закономерностям, второй — взаимодействию музыки и стихотворной ритмики.

Стихотворная основа, как и в песнях других народов, — четырехстопная восьмисложная строчка хореического строения. Ритмическая основа нанайской народной песни делится на несколько видов: 1) простейшая ритмическая пульсация; 2) пунктировка длительности; 3) введение триолей.

В музыковедческой литературе о народных песнях, кроме стихотворного и мелодического ритма, многие исследователи различают соотношение длительностей, приходящихся на каждый слог текста. Такой ритм у различных авторов носит разное название. В исследовании о песне Л. Кулаковский вводит «песенный ритм» [4], а Т. Попова — «слоговое время» [5], Е. Гиппиус — «слоговой» и «внутрислоговой музыкальный ритм» [6]. А. В. Руднева — «слогоноты» [7], Л. Мазель и А. Цуккерман — «мелодико-текстовой» [8]. Этот термин выражает не ритмику стиха и не ритмику самой мелодии, а внутреннюю основу того и другого в их совокупности. Л. Мазель и А. Цуккерман отмечают, что в мелодико-текстовом ритме могут проявляться национальный и жанровый характеры песен.

Восьмисложный четырехстопный хорей получил в песенной практике нанайской музыки самостоятельное существование, дав варианты: семисложный и шестисложный стих.

Форма нанайской народной песни — чаще всего период, реже простая двух- и трехчастная. Основной принцип развития — варьированное повторение. Подобные же особенности наблюдаются в ульчских, нивхских и удэгейских народных песнях.

В ульческих народных песнях преобладают различные квартовые попевки, квартовые скачки с заполнением, двустороннее опевание основных устойчивых ступеней — 1-й, 3-й, 5-й (рис. 4).

Рис. 4.

Ладовая основа — мажорная и минорная пентатоника с пропущенными 6-й ступенью в мажоре и 7-й в миноре. Другие лады применяются редко. В мелодических скачках преобладают интервалы — терция, кварта, квинта.

Ритмика ульческих песен разнообразна. Наряду с простыми метрами и размерами, односложными ритмическими рисунками встречаются сложные и переменные размеры, прихотливые ритмы. Весьма своеобразно применение разных ритмических единиц (рис. 5).

Рис. 5.

Наиболее самобытно народное музыкальное творчество нивхов. Оно более архаично по сравнению с нанайским и ульческим. Это ощущается прежде всего в интонационном строе ливхских песен и напевов. Обращает на себя внимание обилие терцовых поступенных ходов, терцовых скачков. Тесситура песен, связанных с образами природы, обычно низкая. Исходное звено — чаще тоническая прима, реже квинта, а также 2-я и 3-я ступени с завершением песни на тонической приме или на этих же ступенях. С таким окончанием связано постепенное возвращение к тонической приме и терции в процессе развития. Тем самым достигается равновесие устоя-неустоя.

Ладовая основа нивхских песен — неполная пентатоника, квинтовая мажорная, минорная, а также трихордная попевки. Своеобразна и ритмика. В музыке нивхов преобладает ритмическая остановка на звуках 1-й, 3-й, 5-й как основных, а также на 2-й и 4-й ступенях как вводных к звукам тонического трезвучия. По сравнению с музыкой других народностей здесь более часта метрическая смена.

Ладовая структура удэгейской песни — мажорная пентатоника, полная и неполная, тетратоника, неполная минорная пентатоника, натуральный мажор и минор. Мелодическая линия отли-

чается зигзагообразностью. В отличие от песен других народностей для удэгейской музыки характерна скачкообразность мелодии — часто встречается три, четыре, иногда и шесть скачков подряд. Заметно обилие трихордных попевок, опевание 1-й и 3-й ступеней, ритмическая остановка на звуках тонического трезвучия. В этом она сходна с нивхской музыкой, но ритмическая основа ее проще.

Таким образом, музыкальная культура малых народов Приамурья, Приморья и Сахалина имеет наряду с общими чертами и свои национальные особенности, что позволяет ее использовать как важный исторический источник формирования духовной культуры и этногенеза народов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Миддендорф А. Ф. Путешествие на север и восток Сибири. Ч. 2. СПб., 1878; Маак Р. К. Путешествие по Амуру. СПб., 1859; Шурц Г. Истоки первобытной культуры. М., 1926; Шренк Л. И. Об инородцах Амурского края. СПб., т. 1, 1883; т. 2, 1899; т. 3, 1903; Кропоткин Д. От устья Тунгуски до сопки Каутыр.— Зап. о-ва изуч. Амур. края. Владивост. отд-ния Рус. геогр. о-ва, т. 5, в. 1. Владивосток, 1896; Лопатин И. А. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские.— Там же, т. 17. Владивосток, 1922; Штернберг Л. Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933; Крейнович Е. А. Нивхгу. Загадочные обитатели Амура и Сахалина. М., 1973; Айзенштадт А. М. Музыкальный фольклор народностей Нижнего Приамурья.— АКД, Москва, 1972; он же. Музыкальный фольклор народов Севера и Сибири. М., 1966.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956, с. 593.
3. Белинский В. Г. Избранное. М., 1954, с. 397—398.
4. Кулаковский Л. Песня, ее язык, структура, судьба, М., 1962, с. 81.
5. Попова Т. Русское народное музыкальное творчество, в. 1. М., 1962, с. 137.
6. Балакирев М. Русские народные песни. Редакция, предисловие, исследование и примечания проф. Е. В. Гиппиуса. М., 1957, с. 234.
7. Руднева А. В. Ритмика стиха и напева в русской народной песне.— Докл. и сообщ. объединенной фольклорной комиссии Союза композиторов РСФСР и Московского Союза композиторов. М., 1967.
8. Мазель Л., Цуккерман А. Анализ музыкальных произведений. М., 1967, с. 135.

ВКЛАД П. П. ШМИДТА В ИЗУЧЕНИЕ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ СОВЕТСКОГО И ЗАРУБЕЖНОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Л. И. Сем

Петр Петрович Шмидт (1869—1938 гг.) входит в когорту славных русских синологов. Четверть века прожил он на Дальнем Востоке, здесь работал с такими выдающимися учеными, как Н. В. Кюнер, А. В. Гребенщиков, А. В. Рудаков, Е. Г. Спальвин. Интересы ученого очень разносторонни. Его перу принадлежат капитальные труды по языкам, фольклору и этнографии народов Дальнего Востока, которые не потеряли своего значения и в наши дни.

Однако в литературе до сих пор нет научной биографии этого замечательного исследователя. Автор статьи ставит перед собой задачу показать вклад П. П. Шмидта в изучение культуры советского и зарубежного Дальнего Востока. В работе использованы опубликованные труды ученого, архивные материалы биографического характера, подготовленные его сыном Павлом Петровичем Шмидтом¹.

Петр Петрович Шмидт — выходец из небогатой латышской семьи, родился 13(25) декабря 1869 г. в Латвии в местечке Линнас Пекши волости Райнас. После окончания Николаевской гимназии в Риге он поступает в Московский государственный университет, позднее переходит в Петербургский университет на восточный факультет, где изучает китайскую и маньчжурскую филологию. Одновременно слушает курс литовского языка у известного в то время профессора Вольтера.

После окончания университета П. П. Шмидта приглашают в Российское министерство иностранных дел и вместе с А. В. Рудаковым направляют в Пекин. Путь в Китай из-за отсутствия железной дороги длился несколько мучительных месяцев.

¹ Материалы биографического характера переведены с латышского языка научным сотрудником ДВНЦ АН СССР М. Л. Гайлисом, за что автор выражает ему искреннюю благодарность.

В Пекине П. П. Шмидт работает в Российском посольстве и в Пекинском университете, продолжая изучать китайский и маньчжурский языки. В эти годы он опубликовал две статьи на немецком языке. Одна из них посвящена описанию фонем в маньчжурском и монгольском языках [1], другая — этимологии финского слова форо «северный олень» [2]. Там же он подготовил интересную работу, посвященную троякой долготе в латышском языке [3].

П. П. Шмидт выделяет в латышском языке три долготы: длительную, нисходящую и прерывистую. Две последние он сравнивает с нисходящим и восходящим тонами нанкинского диалекта китайского языка. Все его исследование построено на сравнительно-историческом методе. В работе широко используются данные романо-германских языков и прежде всего близкого латышскому языку — литовского.

В результате таких сопоставлений П. П. Шмидт пришел к выводу, что троякая долгота гласных была уже «в индоевропейском праязыке, т. е. очень может быть, что она сохранилась до исторических времен даже в других языках этого семейства». В прилагаемом к работе словаре приводится богатый материал о долготах латышского языка.

Следующий период деятельности ученого (1900—1920 гг.) связан с пребыванием его на Дальнем Востоке.

В 1900-е годы, после «боксерского восстания», П. П. Шмидт с семьей переезжает из Пекина в г. Владивосток и в течение 20 лет трудится в Восточном институте, возглавляя кафедру китайского, маньчжурского и монгольского языков, а с 1918 г. становится директором института.

В первые же годы своей работы в институте он с головой окунулся в любимое дело. За предшествующее пятилетие пребывания в Китае он изучил все диалекты китайского и маньчжурского языков, там же познакомился с языком зарубежной группы нанайцев — килэнов, близким к маньчжурскому языку.

Преподавание китайского и маньчжурского языков в Восточном институте началось с подготовки пособий по этим языкам, и прежде всего — по китайскому. За два года он написал несколько книг для чтения, хрестоматии по китайскому языку, которые сначала печатались отдельными частями в «Известиях Восточного института» [4], затем были объединены в книгу «Опыт мандаринской грамматики» [5]. Эта работа П. П. Шмидта была положена в основу его диссертации на звание магистра, которую он успешно защитил первым из преподавателей Восточного института. Министерство образования утвердило его в звании профессора.

Второе, дополненное издание «Опыта мандаринской грамматики» выходит в 1915 г. и является, по словам профессора Баранова, «одним из лучших учебников китайского (мандаринского) письменного и разговорного языка» [7]. Книга вышла

четырьмя выпусками. Она начинается с лингвистического введения в изучение китайского языка, в котором П. П. Шмидт пытается установить место китайского языка в морфологической и генеалогической классификациях. При рассмотрении этой очень интересной проблемы ученый использует данные и других языков, подвергая критике ранее установившуюся точку зрения о делении всех языков на корневые, агглютинативные и флективные. Не поддерживает вначале он и теорию о родстве урало-алтайских языков, в состав которых включают также языки японский, корейский. Положение китайского языка в генеалогической классификации в то время было неопределенным. Одна группа ученых считала, что китайцы — это выходцы из Древнего Египта, и, таким образом, китайский язык сравнивался с еврейским, другая связывала его с индоевропейскими языками, и, наконец, последняя включала китайский язык в урало-алтайскую семью, обогатив ее еще так называемым аккадийским языком Древней Вавилонии [6].

П. П. Шмидт присоединяется к мнению немецких ученых Габеленца, Грубе и Конради, которые, исходя из историко-сравнительного метода, пришли к выводу, что китайский язык вместе с тибетским, сиамским, бирманским и некоторыми другими языками Юго-Восточной Азии составляют одну языковую группу, так называемую индокитайскую семью языков. В доказательство этой точки зрения П. П. Шмидт приводит данные по сравнительной фонетике индокитайских языков. Кроме этих вопросов он рассматривает наречия или диалекты китайского языка, кратко характеризуя при этом каждый из них. Многочисленные говоры и диалекты китайского языка сильно отличаются друг от друга. «Китайцы из Пекина, Кантона, Фуджуй могут разговаривать между собой только через посредство переводчиков или письма. Большинство слов во всех этих наречиях по существу одни и те же, но с течением времени они подвергались значительным фонетическим изменениям, что же касается письменных знаков, то они остались неизменными, только каждый китаец читает их обыкновенно по фонетике своего наречия» [6]. В связи с этим П. П. Шмидт оправдывает сохранение письменного языка для всего Китая, который подвергался критике со стороны многих ученых Европы. Он объясняет причину сохранения китайцами иероглифики. По его мнению, не консерватизм мешает китайцам ввести латинский алфавит, с которым они познакомились не позже IV века н. э., а то диалектное разнообразие, которое у них имеется. «Если бы китайцы приняли европейский алфавит, то образовалось бы по крайней мере десять новых языков, и нынешние китайские книги пришлось бы перевести на эти разные языки» [6].

Второй выпуск посвящен начальным чтениям по китайскому языку. В нем опубликованы 64 лекции, в которых рассматриваются грамматические категории китайского языка и при-

водится русский текст — отдельные предложения, вероятно, для перевода на китайский язык.

Третий выпуск грамматики включает приложения, куда помещена сравнительная таблица транскрипции китайских иероглифов.

В четвертом выпуске приведены «Китайские тексты для упражнений». П. П. Шмидт параллельно работал над составлением пособий по маньчжурскому языку. В 1908 г. выходит I часть учебника маньчжурского языка, в которой имеются четыре текста на маньчжурском языке; во втором выпуске, вышедшем в этом же году, дан параллельно китайский текст. В следующем году подготовлен обзор лекций по маньчжурскому и китайскому языкам [8].

Помимо этого, им издан ряд конспектов лекций по китайскому языку литографическим способом, конспект лекций по политической организации Китая [9]. В эти же годы опубликованы оригинальные китайские тексты [10], используемые, как и предыдущие, в качестве учебного пособия.

П. П. Шмидта интересовала история изучения китайского и маньчжурского языков в Западной Европе. Он тщательно собирал материалы в течение многих лет, а затем выступил с научным докладом на конференции преподавателей Восточного института [11]. Позднее он опубликовал по этому вопросу специальную статью [12].

П. П. Шмидт на протяжении всей жизни занимался вопросами классификации языков — морфологической, генеалогической, проблемами типологии языков.

На Дальнем Востоке проживают разные в языковом отношении народы: индокитайской, тюркской, монгольской, тунгусо-маньчжурской, палеоазиатской семей, а также народы, языки которых стоят вне языковой классификации, — японский, корейский, айнский. Естественно, проблема культурных, этногенетических и языковых связей народов, живущих на смежных территориях зарубежного и русского Дальнего Востока, не могла не волновать ученых, занимающихся данными вопросами. Эта проблема по сей день не потеряла своего значения.

Среди дальневосточных народов особый интерес исследователя вызывали тунгусо-маньчжурские народы, и в частности их южные представители — маньчжуры, нанайцы, удэгейцы, орочи [8]. В 1908 г. П. П. Шмидт на средства Общества изучения Амурского края совершил поездку на Амур в места расселения тунгусо-маньчжурских народов. В результате более двухмесячной командировки на территории Среднего и Нижнего Амура (от Хабаровска до Николаевска) им были собраны лингвистические и этнографические материалы, преимущественно о нанайцах (гольдах), а также о других народах этой группы — ульчах, орочах, удэ, негидальцах. Эти материалы были положены в основу предварительной классификации тун-

тунгусо-маньчжурских народов и их языков. В отличие от предшествующей классификации Л. И. Шренка и других исследователей дореволюционного времени П. П. Шмидт в принципе правильно подразделяет эти народы на две основные группы: маньчжурскую и тунгусскую. К первой он относит собственно маньчжуров и нанайцев (гольдов), язык которых вслед за И. Захаровым он считал диалектом маньчжурского языка, а также орочей, удихэ и кякар (ов); негидальцев из первой группы (по классификации Л. И. Шренка) он определил в тунгусскую, а самагиров, которых Л. И. Шренк относил к ближайшим родственникам негидальцев, вместе с так называемым народом «киле», поместил к нанайцам [13]. Спустя 7 лет, в 1915 г., П. П. Шмидт предложил новую классификацию, заметив при этом, что классификация дальневосточных народностей «не выдерживает уже никакой научной критики» [14]. Однако, если в 1908 г. он справедливо критикует Л. И. Шренка за то, что тот включил самагиров в северную группу, то в опубликованной им классификации 1915 г. вслед за Л. И. Шренком помещает их туда же. Особенно большое внимание он уделял названиям и самоназваниям отдельных народов и этнических групп Дальнего Востока. В письме к И. А. Лопатину П. П. Шмидт пишет, что «термин «гольды» заимствован у самих гольдов, а вовсе не у японцев (кордекке) или гиляков (чольдок). Нижние гольды, или ольчи, называют средних «гольди», откуда происходит амурское слово «гольди, гольдей» и литературное «гольды, гольдов». Может быть, что и вышеупомянутое японское и гиляцкое слово того же происхождения» [15].

П. П. Шмидт не согласен с выводами Л. И. Шренка и других ученых о том, что родиной нанайцев был Уссурийский край. «Я не сомневаюсь,— писал он,— что всю Восточную Сибирь и весь бассейн Амура занимали палеоазиатские народы. К югу от них непосредственно жили корейские племена, которые я причисляю также к палеоазиатам. Этот факт подтверждается археологией и фактическими данными. Во всяком случае, нет причины искать родину тунгусо-маньчжурского пранарода в нынешней Маньчжурии...» [15]. По его мнению, прародиной тунгусо-маньчжуров является территория бассейна р. Селенги. Отсюда некоторые географические названия имеют тунгусо-маньчжурское происхождение. «Притоки Селенги примыкают к притокам Аргуни, которая является естественным путем для сношения Северной Монголии и Забайкалья с Маньчжурией. В этих местах отделились некоторые племена и удалились на север. Потомками их являются тунгусские племена, а именно: собственные тунгусы, ороконы, манегры, ламуты, самагиры, негидальцы. Другие племена шли дальше по Амуру и занимали нынешнюю Маньчжурию. От последних происходят маньчжурские племена, а именно; собственные маньчжуры

(потомки чжурчжэней), гольды (с ольчами и ороками) и орочи (с удихэ и кякарами)... Тунгусы, по всей вероятности, сливались с палеоазиатами и усвоили также некоторые особенности палеоазиатских языков» [15].

П. П. Шмидт интересуют общие проблемы лингвистики. Он разрабатывает курс лекций по языковедению и читает его студентам Государственного университета во Владивостоке [16].

В конце первой мировой войны его американские коллеги по работе в Пекинском университете — профессора Н. Бутлер и Б. Лауфер — приглашают его как прекрасного знатока китайского и маньчжурского языков в Колумбийский университет в США занять кафедру китайского языка. Но огромное желание завершить работы по латышскому народному творчеству, сбор материалов по которому он начал еще в студенческие годы, заставило его принять второе предложение — возвращение в Латвию. Летом 1920 г. на пароходе «Дания» вместе с латышскими беженцами он покидает Владивосток. С 1920 по 1938 г. вся деятельность П. П. Шмидта связана с Латвийским университетом, где он читает курсы лекций: «Введение в языкознание», «Сравнительное языкознание» и неофициально преподает китайский язык.

В этот период П. П. Шмидт обобщает материалы по тунгусо-маньчжурским языкам, собранные им во время пребывания на Дальнем Востоке, и публикует серию небольших очерков. В 1923 г. выходит его первый выпуск, посвященный языку негидальцев. Во введении ученый дает краткий историко-этнографический очерк этой народности, описывает их расселение, родовой состав, названия, самоназвания [17]. Приводимые им параллели из разных языков наводят его на мысль, что в системе алтайских языков тунгусо-маньчжурские и монгольские языки имеют ближайшее родство. Спустя 30 лет польский ученый В. Котвич докажет это в своих исследованиях по алтаистике [18]. К очерку П. П. Шмидта приложен сравнительный словарь (1000 слов).

Во втором очерке П. П. Шмидт описал язык ульчей [19], в котором так же, как и в предыдущем, привел данные о численности, расселении, самоназвании и названии народности. Кроме того, во введении им были помещены образцы ульчских текстов (10 загадок, 2 песни, 3 сказки). Прилагаемый словарь содержит 1500 слов.

В 1927 г. выходит его следующая работа, посвященная языку орочей [20]. В ней П. П. Шмидт показал связи орочей с палеоазиатскими народами, а также вновь вернулся к урало-алтайской проблеме. Очерк имеет словарь (около 1000 слов), в котором он нашел 69 слов-корней, общих с тюркскими, много фонетических и лексических параллелей.

И, наконец, четвертый очерк «Язык самагиров» [21], из

которого мы узнаем, что П. П. Шмидт в 1915 г. включил самагиров в тунгусскую группу на основе материалов К. Логиновского, который разыскал на р. Горин несколько самагиров (шамагиров тунгусского рода) и записал большое количество слов на их диалекте, близком к негидальскому языку. Сам же П. П. Шмидт во время экспедиции в начале XX в. встретил там только самаров, говоривших по-нанайски. Таким образом, тунгусские самагиры за короткое время (всего около 50 лет) были ассимилированы гольдами и перестали существовать как отдельная этническая группа. В работе П. П. Шмидт приводит широкие языковые сопоставления с урало-алтайскими языками, а также с китайским и японским. Словарь состоит из двух частей — лексикона самагиров (собранного К. Логиновским) и словника самаров (записанного П. П. Шмидтом).

В 1932 г. вышла работа «Китайские элементы в маньчжурском языке» [22], опубликованная на немецком языке в Лейпциге. В ней П. П. Шмидт обобщил все свои исследования в области алтайских языков, используя при этом в качестве сравнительного материала данные других языков. Вновь возвращаясь к алтайской проблеме, он пишет: «Мы не можем решить, произошли ли алтайские языки от одного праязыка или же три первоначально различных языка постепенно слились в некоторое единство... Исторически и географически алтайские племена, безусловно, составляют особую группу народов, которые и в языковом отношении также стоят гораздо ближе друг к другу, чем к соседним народам» [22]. В работе имеется большое количество фонетических и лексических параллелей, которые восстанавливают историческую картину тех или иных языковых явлений.

В 1927 г. в Финляндии П. П. Шмидт опубликовал на немецком языке работу «Слова-числа в алтайских языках» и в 1934 г. в Англии — «Персидский дуализм на Дальнем Востоке» [23].

Наряду с разработкой проблем по китаистике и маньчжуристике П. П. Шмидт внес большой вклад в изучение устного народного творчества латышей. Еще находясь во Владивостоке, он подготовил книгу «Латышская мифология», которая издана накануне Великой Октябрьской социалистической революции в Москве, а позднее переиздана в Риге. В Латвии им подготовлены и опубликованы более 20 крупных монографий: «Латышские сказки и саги» в 15-ти томах, «Латышские народные песни» в 4-х томах, «Верования латышского народа».

В 1936 г. под редакцией П. П. Шмидта выходит капитальная работа «Фольклор русских крестьян округа Яунлатгале» на русском языке.

Научное наследие П. П. Шмидта не ограничивается большим количеством изданных трудов. Он оставил богатый рукописный фонд, который хранится в различных библиотеках

и архивах страны. В Государственной библиотеке Латвийской ССР в отделе редкой книги имеются его рукописные материалы, записи произведений устного народного творчества, словники по тунгусо-маньчжурским языкам. В частности, П. П. Шмидт записал на двух диалектах нанайского языка — уссурийском и сунгарийском — 10 загадок, 2 песни, 4 сказки [24], составил небольшие списки слов по языку килэнов (сунгарийских нанайцев) — 331 слово [25] и по языку зарубежных тунгусов (эвенков) — 471 слово [26].

Свою обширную научную библиотеку он подарил Латвийскому университету, завещая продолжить его работы в области фольклора народов Прибалтики и изучения восточных языков.

П. П. Шмидт вел многолетнюю переписку со многими учеными мира. В его архиве сохранились письма выдающихся алтаистов Г. И. Рамстеда, В. Котвича, Р. Вербрюге и др. [27].

Он был почетным членом нескольких иностранных научных обществ, в том числе «Folklore Fellow», имел правительственные награды.

В 1938 г. П. П. Шмидт умер и был похоронен в г. Риге на Лесном кладбище (в отделении Академического содружества).

Оценивая научную деятельность П. П. Шмидта, прежде всего надо сказать, что формирование его как ученого связано с Восточным институтом в г. Владивостоке. Здесь он собрал важнейшие материалы по культуре народов Дальнего Востока, которые были положены в основу его многочисленных работ, здесь опубликовал свои фундаментальные труды, здесь зародились и сформировались основные его гипотезы и теории. Труды П. П. Шмидта не утратили своего значения до настоящего времени, а его научное наследство требует специального исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шмидт П. П. Звуковые изменения в маньчжурском и монгольском языках.— «Журнал Пекинского общества востоковедения». Пекин, 1898, т. 4.

2. Шмидт П. П. Этимология финского слова форо «северный олень». Отд. оттиск.

3. Шмидт П. П. Троякая долгота в латышском языке. СПб., 1899.

4. Шмидт П. П. Начальные чтения по китайскому языку.— Изв. Вост. ин-та. Владивосток, 1901, т. 3, в. 1, с. 1—80; в. 2, с. 81—144; в. 3, с. 145—208; он же. Китайские классические книги. Там же, т. 2, 1900—1901 акад. год, в. 3, с. 269—300; он же. Лингвистическое введение в изучение китайского языка.— Там же, т. 2, в. 4, с. 350—403; он же. Китайская хрестоматия для первоначального преподавания.— Там же, т. 2, в. 1, с. 1—40.

5. Шмидт П. П. Опыт мандаринской грамматики с текстом для упражнений. Пособие к изучению разговорного китайского языка пекинского наречия. Владивосток, 1902.

6. Шмидт П. П. Опыт мандаринской грамматики. С текстами для упражнений. Пособие к изучению разговорного китайского языка пекинского наречия. 1—3. Лингвистическое введение в изучение китайского языка. Начальные чтения по китайскому языку. Приложения.— Изв. Вост. ин-та, Владивосток, 1915, т. 51—52. Изд. 2-е, пересмотр. и доп.

7. Рукопис. отд. редких книг и рукописей. Гос. Латв. б-ки, ф. Р х/18, оп. 2, д. 31, л. 2.
8. Шмидт П. П. Вступительная лекция по маньчжурскому языку, читанная в Восточном институте в 1907 г. Владивосток, 1907. (Литогр. изд.); он же. Покорение Албазина. Маньчжурский текст. Для 3-го курса кит.-маньчж. отд. Восточного ин-та. Владивосток, 1906—1907. (Мimeoгр. изд.); он же. Учебник маньчжурского языка в трех частях. Ч. 1. Маньчжурский текст.—Изв. Вост. ин-та, Владивосток, 1908, т. 18, в. 1, с. 23; ч. 2. Китайский текст.—Там же, 1907, в. 2, с. 20; он же. Обзор лекций по китайской и маньчжурской грамматике на 1907/1908 акад. год. Владивосток, 1908, с. 19. (Литогр. изд.).
9. Шмидт П. П. Лекции по китайскому языку за 1899/1900 акад. год; то же за 1900/1901 акад. год; он же. Конспект лекций по политической организации Китая. Владивосток, 1911, (Литогр. изд.).
10. Шмидт П. П. Судьба Фань дэ. Повесть Цзинь-гу ци гуань. Ч. 1. Оригинальный текст и перевод его на разговорный язык.—Изв. Вост. ин-та, Владивосток, 1909, т. 29, в. 4.
11. Шмидт П. П. О постановке китаеведения в Западной Европе. (Извлечение из протокола заседания конф. Вост. ин-та 9 февраля 1908 г.). Владивосток, 1908.
12. Шмидт П. П. Изучение Китая за границей.—Изв. Вост. ин-та. Владивосток, 1909, т. 29, в. 3, с. 1—16.
13. Отчет за 1908 г. о-ва изучения Амурского края. Владивосток, 1910, с. 8—9.
14. Шмидт П. П. Этнография народов Дальнего Востока.—Виват Академия. Владивосток, 1915, с. 30.
15. Шмидт П. П. Письмо Лопатину от 4(17) марта 1918 г.—И. А. Лопатин. Голды амурские, уссурийские и сунгарийские. Опыт этнографического исследования.—Зап. о-ва изучения Амур. края Владивост. отд-ния Приамур. отд. Рус. геогр. о-ва Владивосток, 1922, т. 17, с. 17.
16. Шмидт П. П. Языковедение. Лекции, читанные студентам Владивостокского историко-филологического ф-та Гос. Дальневост. университета. Владивосток, 1919. (Рукопись).
17. Шмидт (Смитс) П. Язык негидальцев.—Зап. Латв. ун-та Рига, 1923, т. 5, с. 3—38.
18. Котвич В. Исследование по алтайским языкам. М., 1926.
19. Шмидт (Смитс) П. Язык ольчей.—Зап. Латв. ун-та Рига, 1923, т. 8, с. 229—288.
20. Шмидт (Смитс) П. Язык орочей.—Там же, 1928, т. 19, с. 17—62.
21. Шмидт (Смитс) П. Язык самагиров.—Там же, с. 1—23.
22. Шмидт П. Китайские элементы в маньчжурском языке.—Азия Майор, т. 7, ч. 4. Лейпциг, 1932, с. 573—628; т. 8, ч. 1—2, с. 233—276; т. 8, ч. 3, с. 353—436.
23. Рукопис. отд. редких книг и рукописей Гос. Латв. б-ки, ф. Р х/18, оп. 2, д. 31, л. 1—16.
24. Там же, д. 14, л. 1—4.
25. Там же, д. 10, л. 1—28.
26. Там же, д. 11, л. 1—27.
27. Там же, д. 16, 17, 18.

**К. Д. ЛОГИНОВСКИЙ
КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ НАРОДОВ
ДАЛЬНОГО ВОСТОКА**

Т. С. Шульгина

В историю дальневосточной этнографической науки учитель начальной школы Карп Дмитриевич Логиновский (1867—1924 гг.) вошел как собиратель и публикатор этнографического и фольклорного материала. Деятельность исследователя оставила заметный след в истории общественной и научной жизни Дальнего Востока, многие ее аспекты отражены в научных статьях [1]. Однако творческий облик исследователя все же не получил достаточно полного, всестороннего освещения. Рукописное наследие К. Д. Логиновского, сосредоточенное в основном в Центральном государственном архиве РСФСР Дальнего Востока и Приморском филиале Географического общества СССР, раскрывает его исследовательскую деятельность и восполняет некоторые пробелы в биографии.

Выходец из казачьей семьи, К. Д. Логиновский хорошо познал жизнь забайкальских казаков. С ними связаны первые наиболее глубокие этнографические наблюдения Логиновского.

Значительную часть этнографических материалов исследователь посвящает описанию быта казаков, затрагивая при этом историю заселения Забайкалья и образования русского казачьего населения. Он описал народные игры, гадания, пляски, привел тексты игровых, хороводных и плясовых песен [2].

К. Д. Логиновский видел невежество крестьян и казаков, их предрассудки, пьянство [3], почти сплошную неграмотность [4], однако как изменить это положение, он не знал и больше всего полагался на просвещение.

С организацией в Хабаровске Приамурского отдела Русского географического общества (1894 г.) и его филиальных отделений на Дальнем Востоке предпринимаются экспедиции по сбору историко-археологических, этнографических, фольклорных, статистических и других сведений. В разносторонней деятельности Приамурского отдела было отведено место и изучению произведений устного народного творчества, прежде

всего забайкальского населения, так как русское население бассейна Амура в основном состояло из забайкальцев.

К. Д. Логиновский проявлял интерес к старинным обычаям, поверьям, суевериям, изучал народную медицину. Вот почему он охотно принял поручение Приамурского отдела Русского географического общества заняться сбором фольклорно-этнографических материалов. Чтобы привлечь как можно больше людей к собиранию произведений устного народного творчества, Логиновский составил «Программу собирания песен, пословиц, поговорок» [5].

Программа К. Д. Логиновского способствовала фольклорно-этнографическому изучению дальневосточной окраины. Составленная ясно и просто, она вводила неподготовленных или слабо подготовленных в научном отношении людей в круг фольклорно-этнографических интересов, приобщала к собирательству и являлась руководством на первых порах в их практической работе. Автор программы рекомендовал при записывании народных произведений распределять их по группам: старинные сказания, песни и пр., которые уже исчезают; общеупотребительные в настоящее время; новые.

К. Д. Логиновский считал необходимым указывать, откуда, когда и как занесено произведение — песня, пословица, загадка, сказка, заговор и др. Обращал внимание на технические приемы записи, главным образом песни: «При записывании песен, после того как они будут записаны, необходимо заставлять пропеть (медленно) и поправить по голосу. Загадки, пословицы, поговорки, молитвы и наговоры следует проверить, заставляя прочесть рассказчика с той быстротой, как он говорит в действительности» [5].

Советскими исследователями немало сделано в изучении фольклорной деятельности Логиновского. Материалы, собранные им о быте и народном творчестве казаков Восточного Забайкалья, позволили Л. Е. Элиасову заключить, что «изучения старых песен в более полном репертуаре, как это дал К. Д. Логиновский в дореволюционной сибирской фольклористике, мы не встречаем. Он один из первых начал изучать фольклор в тесной взаимосвязи с бытом его посетителей и его сопутствующими компонентами — играми, плясками и другими видами увеселения» [1]. Вместе с тем фольклорная деятельность Логиновского, по справедливому утверждению Л. Е. Элиасова, не свободна от ряда существенных недостатков, свойственных многим фольклористам того времени. Его работы носят преимущественно описательный характер, не содержат строго научных выводов об исторических судьбах народной поэзии.

Несмотря на это, Элиасов высоко оценивал собирательскую деятельность Логиновского: «Объективное изложение только одних фактов и наблюдений делают его работу достоверной» [1]. Более того, ученый считал, что в своих публикациях

К. Логиновский показал, как надо изучать народные песни, фольклор отдельных групп людей, отличающихся бытом, складом жизни. Это было началом изучения фольклора Сибири. Мы целиком разделяем взгляды Л. Е. Элиасова на принципы собирания и изучения песен К. Д. Логиновским.

Одной из наиболее значительных этнографических экспедиций Общества изучения Амурского края 1906 г. была экспедиция К. Д. Логиновского. В ЦГА РСФСР в фонде канцелярии военного губернатора Приморской области сохранился «План экспедиции для ознакомления с бытовой и экономической жизнью инородцев Приморской области» [6], подписанный Логиновским.

Экспедиционный отряд состоял из трех человек: Логиновского и студентов Восточного института Зарина и Рыбальского. Район исследований был распределен следующим образом: Логиновский отправился на Амур и пробыл в разъездах с середины декабря 1906 г. по 8 апреля 1907 г.; Зарин совершил поездку на р. Хор, а Рыбальский — на р. Бикин.

К. Д. Логиновский представил ценный лингвистический материал. Известный лингвист профессор П. П. Шмидт писал: «Во время своей командировки г. Логиновский был у орочей, гольдов, гиляков, негидальцев, самагиров и тунгусов и записал до 5000 слов на этих языках. Хотя эти записи не отличаются точностью, но зато они значительно пополняют некоторые пробелы наших лексических материалов маньчжуро-тунгусских языков» [7].

К. Д. Логиновский собрал более 200 предметов, относящихся к этнографии малых народов Дальнего Востока, и сделал много интересных фотоснимков их быта. Этнографические коллекции и фотографии он передал в музей Общества изучения Амурского края.

К. Д. Логиновский доложил о результатах своих полевых исследований 15 июля 1907 г. на общем собрании Общества изучения Амурского края. Впоследствии он передал обществу рукопись отчета об экспедиционных работах. В архиве Приморского филиала Географического общества СССР находится рукописный «Отчет этнографической экспедиции К. Д. Логиновского» и его рукопись «Бытовая сторона жизни амурских инородцев. Медвежий праздник у гиляков, верования ольчей. О русском населении по Амуру, описание д. Березовки и др. Обычаи и быт гольдов» [8].

Отчет К. Д. Логиновского, состоящий из 56 страниц, выходит за рамки официального отчета. Он привлекает внимание ценными наблюдениями автора, попыткой осмыслить собранный материал о населении Приамурского края, поделиться личными впечатлениями.

В отчете приводятся сведения о распространении и численности чанайцев, ульчей, нивхов, негидальцев, тунгусов и оро-

чей, их самоназвании, жилище, пища, одежде, занятиях. Автор описал промыслы местных жителей, способы обработки материалов и изготовления изделий, собственных только данной местности, например изделий из рыбьей кожи.

Неоднократно касался Логиновский социальных вопросов, с большим сочувствием говорил о малых народах, угнетаемых местными купцами, приказчиками, миссионерами. С нескрываемым недоброжелательством описывал он якутского купца-богача Кузьму Федорова: «Около Федорова ютятся все якуты, он имеет несколько якутов-приказчиков, которым дает в долг товар, а они в свою очередь раздают его тунгусам в кредит с обязательством расплатиться. Тунгусы также состоят в долгу у Федорова. Он сам даст в долг, а они выносят ему из тайги соболей, но никогда не могут выйти из долгов» [9]. В отчете исследователь привел случаи произвола миссионеров по отношению к малым народам. Так, священник Москвитин, по свидетельству К. Д. Логиновского, врывался в амбары, отбирал для своих собак юколу, требовал строганину и спирт, а напившись, начинал бить гиляков.

Опираясь на материал, имевшийся в его распоряжении, исследователь пытался осветить ряд вопросов, волновавших в то время русскую общественность. Проникновение капитализма на дальневосточную окраину вызвало обострение процесса имущественного расслоения малых народов, еще более усугубленного увеличившимся потоком переселенцев. Аборигены Приамурского края, вовлекаясь в общие рыночные связи, постепенно теряли свои земли. Изменения, происшедшие в жизни малых народов под влиянием развития капитализма, нашли отражение в отчете К. Д. Логиновского. Исследователь писал, что, занимаясь рыболовством, нанайцы, ульчи и нивхи сдают рыбу сольщикам, крестьянам и местным торговцам, чего не наблюдалось раньше.

Значительное место в рукописи К. Д. Логиновского отведено показу роли ярмарок (Орельской и Буриканский) в жизни аборигенов. На ярмарках крестили детей, венчали, отпевали покойников. Вместе с тем ярмарки являлись местом, где «окончательно спаивали и обыгрывали малые народы в карты», «...соболя отдавали скупщику по цене, которую назначил не тунгус, а скупщик» [9]. Примеры эти убедительно показывают царивший на ярмарках произвол купцов и скупщиков.

Исследователь интересовался обычаями малых народов и сообщал о них много ценных сведений. Он отметил исключительное радушие и гостеприимство нанайцев. Им собран самобытный фольклор аборигенов края: приведены легенды негидальцев о рыбах, пожирающих людей, поверья нивхов, связанные с луной (луну хотела проглотить собака, и чтобы она не проглотила луну навсегда, надо стучать и кричать, чтобы собака испугалась и отпустила луну).

Обращают на себя внимание замечания К. Д. Логиновского о флоре и орографии районов исследования. Дано описание Керби — приисковой резиденции Амгунской компании. Кербь, по сообщению исследователя, — большое село, 80 домов, большая часть которых принадлежала приисковой компании. Русская и магометанская церкви, 8 торговых лавок. Население живет приисками, большая часть занимается разными подрядами, поставкой груза, торговлей; есть специальные скупщики золота.

Подобно большинству современников, К. Д. Логиновский, как мы уже говорили, придавал большое значение распространению просвещения среди малых народов Дальнего Востока. Он отмечал недостатки в работе школ, приводил факты жесткого обращения учителей церковно-приходской школы Амгунской золотой компании с детьми.

Наиболее полные этнографические сведения о быте коренного населения Приамурского края содержатся в другой рукописи исследователя [10], дополняющей отчет материалами о родильных, свадебных и погребальных обрядах у нанайцев, ульчей, нивхов и негидальцев. Рассматривая верования малых народов, К. Д. Логиновский писал: «Когда приступаешь к вопросу о верованиях инородцев, то невольно чувствуешь себя бессильным, чтобы разобраться в вопросе душ человека, к какой бы степени культуры он ни принадлежал, надо знать их язык и проникнуть в тайники их души» [10].

Весьма интересны наблюдения исследователя в области религии нивхов (о культе животных, о похоронах). По его мнению, у нивхов нет определенно сложившихся представлений о загробной жизни, как, например, у нанайцев. К. Д. Логиновский пытался определить роль и смысл весьма распространенного у малых народов, в частности у нивхов, медвежьего праздника. Он не соглашался с мнением Н. В. Кириллова о том, что подвешенные на деревьях головы медведей есть жертвы духам. К. Д. Логиновский видел в этом идею бессмертия и высказал мысль, что в представлении нивхов съеденный зверь снова должен ожить и на тех ногах и с той же головой явиться к ним.

Касаясь положения женщины у малых народов, К. Д. Логиновский указывал на ее полное бесправие: «Она обезличена до доли раба, так как брак основан на купле и продаже женщины» [10].

К. Д. Логиновский обратил внимание общественности на то, что малые народы не имеют своего административного управления, лишены медицинской помощи, школ. Все это ведет коренное население к духовному и материальному обнищанию. Остановившись на вопросе о бесправном положении малых народов, исследователь предлагал меры по улучшению их быта [11]. «Амурские инородцы, — говорил К. Д. Логинов-

ский,— заслуживают того, чтобы им оказать поддержку — ведь они не лишены гибкости ума, чуткости души и способности приспособиться к новым условиям жизни, а это свидетельствует об их жизнеспособности» [10].

Таким образом, характерными чертами мировоззрения К. Д. Логиновского являлись гуманизм, стремление понять нужды и интересы малых народов. Однако, справедливо отмечая, что нанайцы, ульчи, нивхи и др. народности Дальнего Востока предоставлены сами себе, и критически относясь к их положению в обществе, К. Д. Логиновский не понимал, что освобождение коренного населения от всех видов гнета возможно только революционным путем. Он надеялся, что гуманное покровительство даст малым народам возможность ускорить переход от одной стадии развития к другой, более высокой.

В рукописи К. Д. Логиновского содержатся сведения и о русском населении Амура, проживавшем в д. Березовке, селах Воронежском, Малышевском, Вятском, Сарапульском и др. Приводятся данные о занятиях русских поселенцев рыбной ловлей, охотой на соболя, почтовой гоньбой и др. Отмечая, что крестьяне «более сильные экономические захватывают лучшие места и которые легче для обработки» [9]. К. Д. Логиновский на конкретных примерах показал развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве Дальнего Востока. Земля, сельскохозяйственные машины концентрировались в основном в руках зажиточного крестьянства.

Исследователь изложил свои взгляды на освоение Дальнего Востока. Для заселения Приморья он считал необходимым развивать здесь промышленность, в первую очередь рыбную и лесную.

В период, когда в России разворачивалась борьба за победу буржуазно-демократической революции, исследователь был на стороне демократических сил русского общества. «Только при свободах в стране: слова, печати и совести,— писал К. Д. Логиновский,— когда будут освещены все мрачные стороны жизни забытых и эксплуатируемых с ужасающей действительностью инородческих племен и когда бюрократический государственный строй заменится строем народным — свободно избранным представителями, тогда в беспросветную мглу инородческого быта вольется струя новой лучшей жизни» [11].

Осуждая самодержавный произвол, К. Д. Логиновский, однако, был далек от признания необходимости революционного преобразования существующего строя. Политическим идеалом он считал буржуазное государство с народным представительным собранием, свободой и мирным сотрудничеством всех классов и наций на основе «проведения в жизнь инородцев вопросов, касающихся их благоустройства» [11]. Правдивое описание К. Д. Логиновским тяжелого положения малых народов доказывает демократизм его общественной позиции. Рабо-

ты исследователя пронизаны гуманизмом, живым интересом к жизни коренного населения края. Все это дает основание говорить о К. Д. Логиновском как о представителе прогрессивного направления, стремившемся своей работой обратить внимание властей на необходимость улучшения жизни малых народов.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Элиасов Л. Е.** Русский фольклор Восточной Сибири. Ч. 1. Улан-Удэ, 1958, с. 77—80; Кошелев Я. Р. Русская фольклористика Сибири. Томск, 1962, с. 290—292; Сем Ю. А. Приморский филиал Географического общества и этнографии народов Дальнего Востока.—Зап. Примор. фил. Геогр. о-ва СССР. Владивосток, 1966, т. 25, с. 24—25; Смоляк А. В. Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина. Середина XIX — начало XX в. М., 1975.
2. **Логиновский К. Д.** Свадебные песни и обычаи казаков Восточного Забайкалья.—Зап. Приамур. отд. Рус. геогр. о-ва, Хабаровск, 1899, т. 5, в. 2; он же. О быте казаков Восточного Забайкалья.—«Живая старина», 1902, в. 2, с. 190—198; он же. Материалы к этнографии Забайкальских казаков.—Зап. о-ва изуч. Амур. края. Владивосток, 1904, т. 9, в. 1, с. 135—140. Игры бурят Восточного Забайкалья.—Зап. Читин. отд.-ния Приамур. отд. Рус. геогр. о-ва, Чита, 1897, в. 2, с. 45—56.
3. **Логиновский К. Д.** Попытка борьбы с кабатчиками в Забайкалье.—«Владивосток», 1890, 27 мая.
4. **Логиновский К. Д.** Заметка о забайкальских народных школах.—«Приамурские ведомости», 1895, 3 декабря.
5. **Логиновский К. Д.** Программа собирания песен, пословиц, поговорок и пр. Хабаровск, 1897, с. 5.
6. ЦГА РСФСР ДВ, д. 87, оп. 1, д. 1024, л. 38—40.
7. Отчет Общества изучения Амурского края за 1906 г. Владивосток, 1907, с. 29.
8. Архив Примор. фил. Геогр. о-ва СССР, ф. К. Д. Логиновского.
9. Там же, оп. 4, д. «Отчет этнографической экспедиции К. Д. Логиновского».
10. Там же, д. «Бытовая сторона жизни амурских инородцев. Медвежий праздник у гиляков, верования ольчей. О русском населении по Амуру, описание д. Березовки и др. Обычаи и быт гольдов».
11. **Логиновский К. Д.** О положении инородцев Амурского края и об улучшении их быта. Владивосток, 1906, с. 24.

ИССЛЕДОВАНИЯ БЕРТОЛЬДА ЛАУФЕРА НА САХАЛИНЕ

Е. Г. Демидова

Бертольд Лауфер (1874—1934) — известный американский востоковед — в составе Северо-Тихоокеанской экспедиции, организованной Американским музеем естественной истории, проводил этнографические исследования на Сахалине в течение года — с 1898 по 1899 г. Программа исследований ученого была весьма обширна — изучение аборигенных обитателей острова антропологически, этнографически и лингвистически, а также сбор коллекций и статистических данных [1].

Сведения о коренном населении Сахалина собирались русскими путешественниками, начиная с XVII в. [2]. Во второй половине XIX в. были опубликованы труды русских ученых Л. И. Шренка [3] и Д. Анучина [4], в которых приводились материалы по этнографии айнов, нивхов и ороков. Б. Лауфер был в числе первых зарубежных профессиональных этнографов, изучавших аборигенных жителей Сахалина методом непосредственного наблюдения.

В задачи экспедиции входило выяснение истории коренного населения Америки, а также его этнографических и этнокультурных связей с народами Северо-Восточной Азии [5]. На территории Азиатского континента исследования велись тремя отдельными группами. Одну из них составляли американские ученые — этнограф Б. Лауфер и археолог Ж. Фоук. В русской и советской научной литературе об исследованиях Б. Лауфера на русском Дальнем Востоке написано немало статей и работ [6], в которых были освещены в основном результаты изысканий автора среди малых народов Амура. Но до сих пор нет ни одной публикации, в которой были бы освещены все этнографические исследования Б. Лауфера на Дальнем Востоке. Автор настоящей статьи поставил перед собой задачу показать работы Б. Лауфера на Сахалине в целом.

В мае 1898 г. ученый отбыл из Нью-Йорка в научную экспедицию на Сахалин и Амур. Район работ был ограничен на

севере Сахалина оз. Невским, на юге — с. Корсаковым. Этнографические исследования велись среди айнов юго-западной части острова, среди нивхов, обитающих в его северной части, а также ороков долины р. Поронай. В марте 1899 г. исследователь отправился на континент по льду Татарского пролива. Условия работы на острове были очень трудными. В этот период Сахалин представлял собой огромную тюрьму царской России, и путешествие по нему было весьма опасным. Не было удобных дорог и транспорта. Сотни верст исследователь проделал верхом на лошади, на собачьей упряжке, в санях, запряженных оленями. По пути из Тихменева в айнское селение Найбучи во время переезда по льду Б. Лауфер едва не утонул, лишь своевременная помощь проводника спасла его от гибели.

Несмотря на многочисленные трудности, в течение всего пребывания на острове исследователь вел интенсивное изучение аборигенного населения. Важное место в его исследованиях заняли айны, о которых писали в то время много и весьма противоречиво. В своем кратком сообщении о работе на Сахалине он писал, что собрал значительный этнографический материал по айнам, составил богатую коллекцию бытовых предметов, записал грамматические и лексические материалы [7].

Декоративное искусство сахалинских айнов являлось совершенно неисследованной областью. Б. Лауфер одним из первых обратился к его изучению. «Орнамент айнов,— писал он,— нельзя сравнить с орнаментом других народов. Это племя все еще сохраняет довольно исключительное положение в результате, с одной стороны, их изоляции в южной части Сахалина, а с другой — их вялого, пассивного характера. Несмотря на их сходство с соседними нивхами, многие образцы, встречавшиеся у них, являются их собственными и не встречаются ни у одного другого племени» [1]. Как пример самобытности некоторых видов искусства он привел декоративную резьбу на икуниси — палочках, применяемых айнами для поднятия усов и бороды во время питья. Фрагменты орнамента на этих палочках Б. Лауфер не встретил ни у одного народа Дальнего Востока. Для определения декоративных линий и фигур у айнов имелись специальные названия.

Однако исследователь не смог прийти к выводу о самобытности искусства айнского народа, который прямо следовал из его же наблюдений. Сама мысль о том, что искусство народа, живущего на пороге великих цивилизаций, могло возникнуть самостоятельно, была чужда Б. Лауферу. Но, будучи серьезным исследователем, он не мог не видеть различий в искусстве Китая, Японии, с одной стороны, и искусстве аборигенных народов Сахалина и Амура — с другой. Однако он считал эти различия результатом дальнейшего развития аборигенными народами идей и образцов, заимствованных у высокоразвитых китайских и японских культур [8].

Концепции американского этнографа были подвергнуты критике в работах русских и советских исследователей. Советские ученые доказали, что уже в период неолита в Приамурье и Приморье существовал своеобразный центр дальневосточного искусства. Наследниками этого искусства являются малые народы южной части советского Дальнего Востока: нанайцы, орочи, ульчи, удэгейцы, нивхи [9].

Однако сам факт обращения Б. Лауфера в конце XIX в. к искусству малых народов имел положительное значение. Во время пребывания на острове он много внимания уделил изучению нивхов. Лауфер собрал статистический материал, записал песни, предания. Он пришел к выводу, что нивхи представляют собой три обособленные группы населения. У каждой из них было свое название [10], определенная территория и диалектные особенности в языке. Так, диалект группы, населявшей северо-восточное побережье и внутренние районы о-ва Сахалин, Б. Лауфер считал «наиболее чистой и старейшей формой языка», что явилось, по его мнению, результатом изоляции группы, отсутствия тесных контактов с другими народами. Отличия диалекта группы, занимавшей западное побережье Сахалина и побережье на континенте, заключались главным образом в фонетике. Язык же нивхов, обитавших по берегам Амура, отличался от обоих диалектов во многих отношениях. Его словарь содержал много заимствований из нанайского языка и языков других соседних народов. «Чем дальше на запад, тем больше заимствований...» [1].

Летом 1898 г. Б. Лауфер работал среди нивхов р. Тыми и обнаружил, что часть нивхов мигрировала на юг в долину р. Поронай, у устья которой было основано большое селение. Б. Лауфер собирал данные о составе группы, расселении и численности родов. Исследователь установил, что нивхи, занимавшие устье рек Тыми и Набили, а также Охотское побережье, являются лучшими охотниками на морского зверя. В числе их основных поселений он назвал Милкво, Набильво, Лунво, Чайво, Каркво, Тирмиц Ный. Б. Лауфер посетил крупные поселения нивхов в долине р. Тыми — Мосво, Ускво, Славо и Адатымь.

Интересна его информация о том, что нивхская группа, занимающая северо-восточное побережье и внутренние районы Сахалина, хранит предание о приходе нивхов на о-в Сахалин с моря. Б. Лауфер привел в статье краткое содержание предания. На основании изучения его он пришел к выводу, что «...гиляки (нивхи. — Ред.) считают себя связанными с тунгусами» [1].

Нивхи называли о-в Сахалин Лаер-миф или Ла-миф, что означало «Страна у реки Амура». Между островами и континентом существовало постоянное сообщение. Зимой, с декабря до середины марта, нивхи пересекали пролив по льду, а ле-

том — на лодках. Б. Лауфер писал: «... Традиции родов ясно показывают, что миграции имели место в направлении с континента на остров, а на самом острове с севера на юг» [1]. Это подтверждалось также тем, что названия одних и тех же родов встречались как на Сахалине, так и на континенте.

На основании материалов, собранных среди нивхов долины р. Поронай, Б. Лауфер утверждал, что ряд нивхских семей перешел к использованию оленей вместо собак. Вероятно, исследователь принял ороков за нивхов. Он даже считал, что племя ороков, о котором упоминал Л. И. Шренк, не обитало на Сахалине [7]. Исследования русских и советских ученых показали ошибочность точки зрения американского этнографа. Племя оленеводов-ороков в действительности во время исследований Б. Лауфера на Сахалине кочевало по восточной части острова. Нивхи же не имели оленей, их единственным домашним животным являлась собака [11]. Весь уклад быта ороков, связанный с кочевым оленеводством, отличен от нивхского, в основе которого лежало рыболовство, и только недостаточным знакомством с культурой малых народов Сахалина можно объяснить ошибку Б. Лауфера.

Из тунгусоязычных обитателей острова американский ученый выделил ольчей и ороحوнов [7, 12]. Л. Шренк принимал за ороков ольчей и считал их частью ульчей, а ороचनाми ороков называло русское население Сахалина. Вопрос о происхождении ороков до сих пор остается спорным в советской этнографической науке [13].

Б. Лауфер привел некоторые данные о традиционных элементах культуры этой народности. Особое его внимание привлекли амулеты, «неизвестные науке». «На побережье Охотского моря, а также в бухте Терпения я обнаружил странного вида амулеты, вырезанные из кожи оленя или лося. Амулеты, прикрепленные к нитке, носят на шее. Они могут быть изготовлены мужчиной или женщиной. Большинство людей копирует их с образцов, не понимая настоящего значения. Они утверждают, что узнали это искусство от древних шаманов, передающих его из поколения в поколение» [1]. Эти амулеты, так же, как и деревянные идолы ороков, были приобретены Б. Лауфером для Американского музея естественной истории.

Интересны сообщения американского ученого о погребальных обычаях ороков. Б. Лауферу удалось обнаружить старые захоронения возле с. Вал и на небольшом острове Хете-во у северо-западного побережья Сахалина. Изучив их, исследователь пришел к выводу, что раньше ороки не хоронили умерших сородичей в земле, а помещали на деревья или на деревянные платформы [1]. Этот древний обычай был широко распространен среди различных народов мира [14]. По мнению И. А. Лопатина, он связан с культом солнца, деревьев, а также тотемизмом [15].

Б. Лауфер отметил существование у ороков особых обрядов при похоронах утопленников. Совершение этих обрядов ему не пришлось наблюдать, однако он обследовал могилу затонувшего рыбака и оставил ее описание. Над могилой возвышался крест, а позади росло четыре лиственницы. «Деревья были украшены стружками ивы, прикрепленными к ветвям с помощью лыка. Перед могилой находилась лодка, в которой он утонул. Нос лодки был обращен в сторону залива, а руль лежал в лодке. Весла, привязанные накрест ремешками из оленьей кожи, стояли по обеим сторонам лодки. Такой же ремешок скреплял весла с крестом. К этому ремешку был подвешен гарпун для охоты на тюленей, в то время как шесты находились в лодке... Позади четырех деревьев стоял столб. Он служил для привязывания на похоронах оленя, которого убивали в честь умершего. На земле лежала тарелка из березовой коры, предназначенная для сердца животного» [1]. Похоронные обряды являются наиболее консервативным элементом культуры народов. Б. Лауфер отметил, что в погребальных обрядах ороков отразились их верования, сохранились древнейшие элементы традиционной культуры. Устройство могилы доказывало, что ороки считали, будто покойник будет жить в другом мире так же, как на земле, и ему понадобится все, что необходимо человеку на земле среди живых.

На основании собранных во время экспедиции на Амур и Сахалин сведений Б. Лауфер смог сформулировать ряд положений по этногенетической истории малых народов южной части русского Дальнего Востока. Они сводятся в основном к тому, что на протяжении многих лет малые народы Сахалина и Амура испытывали влияние как соседних племен, так и друг друга, что привело к большому сходству культуры и смешанности антропологического типа. Некоторые же этнографические и лингвистические особенности указывают на существование определенных различий в древнейших культурных пластах айнов, нивхов и тунгусоязычного населения Приамурья.

В настоящий период наука располагает несравненно большими данными, чем во времена Б. Лауфера. В свете этих данных очевидны ошибки американского ученого, особенно в оценке истоков искусства аборигенных народов Амура и Сахалина. Однако заслуга Б. Лауфера как исследователя в том, что его научные изыскания привлекали внимание к этому малозвестному в то время району; поставленные им проблемы указывали молодым ученым возможные направления будущих исследований.

Научные работы Б. Лауфера представляют до сих пор интерес для исследователей, изучающих как малые народы южной части русского Дальнего Востока, так и аборигенных обитателей всего Тихоокеанского бассейна. Им собран богатый и разнообразный этнографический материал. На протя-

жении всей жизни Б. Лауфер использовал данные, полученные в первой научной экспедиции по Амуру и Сахалину. Они легли в основу многочисленных статей и монографий (16). Однако не все полевые сборы были в полной мере обработаны исследователем. Большую ценность представляют коллекции Б. Лауфера, хранящиеся в Американском музее естественной истории (Нью-Йорк) и в Полевом музее естественной истории (Чикаго) [17].

По возвращении в 1900 г. в Нью-Йорк Б. Лауфер вместе с русскими этнографами, работавшими в составе комплексной Северо-Тихоокеанской экспедиции, участвовал в конференции, организованной Американским музеем естественной истории. В течение трех недель ученые обменивались мнениями о проблемах этногенеза и этнической истории народов Дальнего Востока. Первая совместная экспедиция русских и американских ученых оказалась плодотворной. Итоги конференции пролили свет на некоторые сложные вопросы этнокультурной и этногенетической истории народов Тихоокеанского бассейна.

ЛИТЕРАТУРА

1. Laufer B. Preliminary notes on explorations among the Amoor tribes.—*American anthropologist*. N. S., v. 2, 1900, p. 297—338.
2. Полево́й Б. П. Первооткрыватели Сахалина. Южно-Сахалинск, 1959, с. 24; Брылкин А. Письма с Сахалина.—*Зап. Сибир. отд. Имп. Рус. географ. о-ва*, Иркутск, 1864, т. 7; Полонский А. Курилы.—*Зап. Имп. Рус. географ. о-ва по отд. этнографии*, 1871, т. 4; Добротворский М. М. Южная часть острова Сахалина (из военно-медицинского отчета доктора Добротворского за 1868 г.).—*Изв. Сибир. отд. Имп. Рус. географ. о-ва*, 1870, т. 1, № 2.
3. Шренк Л. И. Об инородцах Амурского края. т. 1. СПб., 1883.
4. Анучин Д. Н. Материалы по антропологии Восточной Азии. 1. Племя айнов.—*Труды Антропологического общества*, 1876.
5. Boas F. The Jesup North Pacific Expedition.—*Intern. Congress of Americanist*. 13. N—Y., 1902, proceeding, 1905.
6. Окладников А. П. Древние амурские петроглифы и современная орнаментика народов Приамурья.—*«Советская этнография»*, 1959, № 2; он же. Новое в археологии Дальнего Востока.—*«Проблемы Дальнего Востока»*, 1972, № 3; он же. Лики древнего Амура. Новосибирск, 1968; он же. Племена Сибири и Дальнего Востока.—*Очерки истории СССР*. М., 1956; Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник.—*Труды Ин-та этнографии, новая сер.*, т. 81. М.—Л., 1963.
7. Laufer B. Ethnological work on the island of Sachalin.—*«Sciences»*, 1899, May, 26, p. 732—734.
8. Laufer B. Decorative art of the Amur Tribes. Jesup Expedition.—*American Museum Memoirs*. New York, v. 7, 1902.
9. Харламов Н. Г. Руины Гальбу.—*«Проблемы истории материальной культуры»*, 1933, № 1—2; Штернберг Л. Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Статьи и материалы. Хабаровск, 1933; Окладников А. П. Лики древнего Амура; он же. Петроглифы Нижнего Амура. Ленинград, 1971; Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник.
10. Панфилов В. З. О самоназвании нивхов и названиях нивхов у соседних народов. Этнонимы. М., 1970, с. 119—120.
11. Васильев Б. А. Основные черты этнографии ороков.—*«Этнография»*, 1929, № 1.

12. **Laufer B.** The reindeer and its domestication.—Memoirs of the American Anthropological Association, v. 4. 1917, April—June, n. 2, p. 91—147.
13. **Смоляк А. В.** К вопросу о происхождении ороков.—Краткие сообщ. Ин-та этнографии АН СССР, т. 21, 1954; Сем Ю. А. Проблемы происхождения ороков Сахалина.—Общие закономерности и особенности исторического развития народов советского Дальнего Востока. Владивосток, 1965.
14. **Шурц Г.** История первобытной культуры, в. 1. М., 1923, с. 229.
15. **Lopatin I. A.** The cult of dead among the natives of the Amur Basin.—«Central Asiatic Studies», 1960, n. 6, p. 119.
16. **Layfer B.** Petroglyphs on Amoor.—«American Anthropologist», N. S., v. 1. 1899, May, 26, p. 732—734; он же. Die Felszeichnungen vom Ussuri.—«Globus», B. 79, N. 5, S. 69—72.
17. **Gale E. M.** Berthold Laufer.—«Journal of the North China Branch», 1935, v. 65, p. 13.

**ЛИНГВИСТИКА,
ФОЛЬКЛОР,
ЛИТЕРАТУРА**

ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ ОБРАЗНЫХ СЛОВ

Н. Б. Киле

Образные слова — это особая лексико-грамматическая категория слов. Они имеются во многих языках мира. Нет их лишь в большинстве индоевропейских языков. Отсутствие этой категории в том или ином языке, как нам представляется, объясняется тем, что образный характер действия и признак предмета в них передается другими категориями слов: наречиями, глагольными словами, прилагательными и существительными. Одни исследователи образные слова называют мимемами, или ономатопеями, другие — изобразительными, подражательными, третьи — образоизобразительными, или образными. Как бы ни называли исследователи эту категорию слов, они имеют дело с одним и тем же лексическим пластом в разных языковых группах.

Образные слова, особенно звукоподражания, были предметом исследования лингвистов еще в XIX веке. В отечественном языкознании изучением образных слов занялись лишь в первых десятилетиях нашего века. Зачинателем исследования этой категории слов был Н. И. Ашмарин, впервые выявивший лексико-грамматические особенности этой категории слов, назвав их мимемами [1]. Он исследовал семантические, морфологические, синтаксические особенности образных слов чувашского языка.

Вслед за ним Н. К. Дмитриев дал им семантическую классификацию, привел структурные типы образных слов и показал их синтаксические особенности [2].

Н. И. Ашмарин и Н. К. Дмитриев первыми установили генетическую связь образных слов с другими знаменательными словами и определили их место в происхождении и становлении языка.

Спустя более десяти лет появились специальные исследования образных слов в других языках. Это в тюркологии — очень богатая по материалу и осторожная по выводам работа

Л. Н. Харитонова [3], в финно-угроведении — статьи Д. В. Бубриха [4], в тунгусо-маньчжуроведении — публикации Т. И. Петровой. Она впервые обратила внимание на семантические и структурные особенности образных слов в нанайском языке [5].

В 50—60-х годах выходят работы, в которых исследуются образные слова разных языковых групп [6].

Анализ и характеристику образных слов в тунгусо-маньчжурских языках находим в специальных работах Т. И. Петровой, В. А. Аврорина, В. А. Горцевской, П. П. Багаевой, Н. Б. Киле [7].

Образные слова в тунгусо-маньчжурских языках наиболее распространены в южной группе, особенно в нанайском, ульчском языках. В языках же северной группы они встречаются реже и менее разнообразны. Так, в эвенкийском языке они сохраняются как корни слов с образной семантикой. Кроме того, в нем обнаруживаются образные слова, заимствованные из якутского языка, что представляет большой интерес для сравнительно-исторического исследования.

В тунгусо-маньчжурских языках глубоко и всесторонне изучены лишь образные слова нанайского языка и в меньшей степени — эвенкийского и маньчжурского языков. В остальных тунгусо-маньчжурских языках (негидальском, орочком, ульчском, удэгейском) они совершенно не исследованы.

Столь же неравномерно изучены образные слова в тюркских, монгольских, финно-угорских и других языках.

Одной из причин такого положения в современной лингвистике, как мы полагаем, является то, что лексико-грамматическая природа образных слов разными исследователями трактуется далеко не одинаково: одни считают их особым пластом лексики или частью речи, другие относят к наречиям, третьи — к качественным прилагательным, а некоторые — к междометным словам.

Кроме того, образные слова любого языка — очень трудный предмет для исследователя, особенно их семантическая сторона. Глубокий, всесторонний анализ лексико-грамматических и лексико-семантических особенностей образных слов возможен при очень тонком ощущении всех нюансов, изображаемых образными словами.

Следовательно, проблема изучения образных слов с лингвистической точки зрения никак не может считаться разрешенной.

А между тем эти слова в ряде языков имеют много общего между собой. Они обладают своими специфическими особенностями в области семантики, синтаксиса, словообразовательной морфологии, фонетики.

Самой примечательной особенностью образных слов является их семантика. У них есть обобщающее значение, но степень абстрагированности от явлений реальной действитель-

ности у них иная, чем у других категорий слов. Их значения более конкретны. Они обозначают скорее наглядно-образные представления, вытекающие из непосредственного чувственного восприятия, нежели широко абстрагированные понятия. Об особенностях семантики образных слов очень метко сказал Д. В. Бубрих: «Для изобразительных слов нет, например, просто биться, а есть бесчисленное количество всяких способов биться. Для них нет просто падения, а есть бесчисленное количество всяких способов падения. Для них нет просто ходьбы, а есть бесчисленное количество всяких способов хождения. Для них нет просто пребывания в неподвижности, а есть бесчисленное количество всяких способов пребывания в неподвижности. Для них нет просто света, а есть бесчисленное количество всяких способов свечения. И так далее» [8]. Те же особенности семантики образных слов отмечает Л. Д. Шагдаров: «Для образных слов не свойственно обозначение существа вещей, предметов: для них, например, нет «улыбки», а есть «улыбающийся вид», нет «недовольства», а есть «резкие движения, косой взгляд» и т. п.» [9]. Подобные семантические особенности характерны для образных слов в тунгусо-маньчжурских языках: ман.¹ *лабта-лабта* — образ висящего лохмотьями (о разорванной, изодранной одежде); нан. *лаптар-лаптар* — треска ключьями лохмотьев; нан., нег., ульч. *дэмэр-р* — чувство ощущения того, что кто-то ножками, лапками шевеля, щекоча, передвигается по телу (о гусенице, насекомом и т. п.); нан. *лулу-лала* — начать нелепо, бестолково болтать языком (о пьяном человеке); эвенк., нан., ульч. *дерис* — образ моментально промелькнувшего предмета, эвенк. *какыр-кукур* — звуки скрежета зубов; нан., нег., ульч. *карус-карус* — изображение хруста на зубах; ман., нан., ульч. *дур* — стук, топот множества ног, гам, говор многих, разом заговорить.

Для сравнения возьмем примеры образных слов из других языковых групп. В тюркских языках: якут. *килэй* — блестящая гладью; ангай — зиять, образовать расщелину; хаахыр — протяженный, но резко завершающий скрип двери и др.; чувашск. *валт-валт* — мелькая (быстро); йалан — подражание движению ногами при ходьбе на лыжах и др.; кирг. *шарт* — резкое движение, *арс-арс* — лай собак, *ышиш* — жужжание насекомых и др.; в бурят-монг. *хабир-хабир* — подражание звуку трения (ноги о стремя); йалт-йалт! — подражание отрывистым, неритмичным движениям пламени или вспышкам огня одинаковой силы; таб-таб — подражание топоту; луг-луг — биение сердца и др.; в финно-угорских: коми *боль-боль* — бульк-бульк; *зури-зари* — шара-

¹ В статье приняты следующие сокращения: нан. — нанайский, нег. — негидальский, ульч. — ульчский, эвенк. — эвенкийский, якут. — якутский, чувашск. — чувашский, кирг. — киргизский, монг. — монгольский, ман. — маньчжурский.

хаясь (о лошади); *брун-брон* — с гулким звуком (прерывающийся); *чукль-мукль* — вкривь и вкось, зигзагами и др.; в корейском *пичхок-пичхок* — пошатываясь; *мурок-мурок* — образ поднимающегося клубами пара или дыма и др.; в японском *гудзу-гудзу* — образ брюзги, ворчуна; *бура-бура* — образ болтающегося, свисающего предмета, *сава-сава* — образ шелеста листьев и др.

Все исследователи образных слов языковой группы отмечают одну и ту же особенность в их семантике — конкретность, картинность, эмоциональность. Образные слова отражают наглядно-образное представление об окружающей действительности.

Особый интерес представляют собой структурные особенности и способы словообразования в этой категории слов.

Как уже отмечалось, и морфологическая, и фонетическая структуры образных слов качественно отличаются от морфологических и фонетических структур категорий слов того или иного языка. Например, в нанайском языке: *канголилио-о* — зрительно-звуковой образ, изображающий движение, сопровождаемое гулким постукиванием; *койлалао-о* — зрительно воспринимаемый образ того, как змейкой скатываются по лицу крупные капли слез; *пиуриуриу-у* — образ долгой змейкой извивающейся узкой тропки; *котах-котах* — звуковой образ глухого стука каблучков; *гунг-гунг* — звук гулко падения, жужжания. Как видно из примеров, звуковой состав образных слов отражает их изобразительный, подражательный характер, требующий эмоциональной, экспрессивной интонации в отличие от других знаменательных слов.

В словообразовании этой категории слов наблюдаются синтетический и синтаксический способы. Синтетический способ образования — путем наращивания словообразовательных суффиксов к корню, например, в нанайском языке от корня *нака-*, основное лексическое значение которого — черный, образуется большое семантическое гнездо образных слов:

нака+	{	<i>йган</i>	— находясь в относительном покое, будучи черным;
		<i>рак</i>	— находясь в относительном покое, будучи черными;
		<i>риа-а</i>	— медленно, плавно двигаясь, будучи черным;
		<i>рио-о</i>	— быстро двигаясь, стремительно несясь, будучи черным;
		<i>м</i>	— моментально, почернев, потемнев;
		<i>мди</i>	— то же самое, что <i>накам</i> ;
		<i>риа</i>	— промелькнув, будучи черным, темным;
		<i>риаак</i>	— то же самое, что <i>накариа</i> ;

пака+	{	<i>сан</i>	— находясь в относительном покое, выделяясь, будучи черным, темным;
		<i>рбарбар</i>	— сплошь черный-пречерный, темный-темный;
		<i>лбалбал</i>	— мельтеша, будучи черным, темным.

Из примера видно, что в структурном отношении образные слова примечательны тем, что они отражают своими составными компонентами как основные и добавочные характеристики действия, так и его признаки.

Синтаксическим путем, т. е. сочетанием слов образованы:

а) парные образные слова, например, нан. *сэриэ-нэриа* — то красным, то синим мельтеша; *мукчуэл-тукчуэл* — то нагибаясь, то выпрямляясь; *амтак-гочиак* — отдавать то сладковатым, то горьковатым привкусом; *нээм-пакчим* — то моментально вспыхивая (загораясь), то мигом угасая (затухая); ман. *умбучи-чумбучи* — волнисто, неровно; *кангур-кингур* — образ грохота обрушившейся стены или опрокинутого чего-либо; ульч. *собоул-бобоул* — делая что-либо неаккуратно, хаотично действуя; эвенк. *чур-чар* — звук приشلепывающего топота, *кул-кал* — образ звука, издаваемого при глотании. Аналогичные сочетания образных слов находим и в других языковых группах, например в тюркских языках: якут. *чаа-кыр-чуукур* — подражание резким, скрипучим звукам копыт по мерзлому, утоптанному снегу; *ар-бур* — подражание голосам грызущихся собак; в финно-угорских языках: коми *чукль-мукль* — вкривь, вкось; *гиль-голь* — со звяканьем, бряцанием; *гир-гара* — с постукиванием; в бурятском и монгольском *тас-няс* — звуковой образ удара грома; *таб-туб* — звуковой образ топота; в корейском *хэдыл-пицчук* — круть-верть, *тхунь-тхань* — тик-так; в японском *тэки-паки* — образ резвости, проворности;

б) редуцированные слова. В тунгусо-маньчжурских языках широко употребляются удвоенные образные слова, например, нан. *чариа-чариа*, ульч. *чаре-чаре* — мельтеша, будучи белым; эвенк. *пунг-пунг*, ульч., нан., нег. *дунг-дунг* или *тунг-тунг* — звуки ударов по бубну; ульч. *таланчу-таланчу* — быстрыми резкими взмахами грести; ман. *шар-шар* — ярко блестящий, *дакда-дакда* — прыг-прыг, *лар-лар* — тихо, спокойно веять; нег. *лэмбэл-лэмбэл*, нан. *лэмбэр-лэмбэр*, ульч. *лэмбэ-лэмбэ* — трести висящими лоскутьями, бахромой; нег., нан., ульч. *пукчэ-пукчэ* — надутый (о щеках), вздутый (о животе), налитой, наливной (о спелых ягодах); эвенк. *кор-кор*, нан. *хор-хор* — звук фыркания лошади, лося; эвенк. *кинг-кинг* — звяк-звяк, *аран-аран* — еле-еле, едва-едва, чуть-чуть и др.

Редупликация образных слов широко бытует и в других языковых группах, например, чувашск. *ланкки-ланкки* — подражание ровному качанию, *тулхар-тулхар* — подражание фырканию лошади; морд. *хор-хор* — подражанию храпу. В корейском язы-

ке почти все лексически самостоятельные основы могут быть удвоены: *пандыл-пандыл*, *пондыл-пондыл* — образ гладкого скользкого; в японском *поцу-поцу* — образ частого накрапывания дождика, *соё-соё* — образ легкого колыхания (чаще всего растения, платья); в бурятском *йалл-йалл* — подражание плавным движениям пламени, *табар-табар* — подражание топоту галопом скачущей лошади и т. д.

Парные и удвоенные сочетания всегда выражают в образных словах сложную картину проявления образного действия или образа.

Редуплицируются и другие категории слов — имена, глагольные и наречные слова. Редупликация и парное сочетание образных слов, по нашему мнению, относятся к более раннему периоду грамматической системы того или иного языка.

В тунгусо-маньчжурских образных словах встречаются словообразовательные суффиксы, состоящие из одних и тех же составляющих компонентов, например, нан. *нэптэлбэлбэл* — развеваясь на ветру (о полотне, стяге и т. п.), где словообразовательный суффикс *-лбэлбэл* состоит из двух одинаковых компонентов *-лбэл*. Примеры образных слов с подобными словообразовательными суффиксами можно продолжить: нан. *чалбал бал* — закатываясь белками глаз, *комбобокбок* — булькая, *пунгэлилиу-у* — катиться, слегка подпрыгивая и др.

К числу фонетических особенностей образных слов в тунгусо-маньчжурских языках следует отнести следующие:

а) чаще всего их слоги представляют собой замкнутые слоги типа согласный+гласный+согласный: *тас*, *кэс*, *пэнг*, *борбос*, *пэнгэс*, *пэнгус*, *боктас*, *гилбэс*, *хор*, *дунг*, *тунг* и т. п.;

б) в конечной позиции слова возможно большее разнообразие согласных, чем в прочих позициях: *куп*, *боктас*, *сим*, *поёл*, *сар*, *дунг*, *чоппок*, *чуппук*, *унгк* и т. п.;

в) в конечной позиции слова нередко встречаются стечения двух согласных: *кэнггурт*, *тионс*, *курс*, *дэнггэрк*, *хипт*, *унгк*, *сонгк*;

г) возможна долгота и ультрадолгота согласных и гласных, имеющая смысловое значение: *чуппук*, *аппак*, *хор-р*, *сор-р*, *хул-л*, *ул-л*, *эл-л*, *сим-м*, *хулунг-нг*, *дунг-нг*, *дур-р*, *сэм-м*, *поёл-л*, *хор-р*, *хур-р*, *гунг-нг*, *лэр-р*, *лур-р*, *ю-о*, *чао-о*, *у-унгк* и т. п.;

д) особую семантическую нагрузку несут оттенки интонации.

В некоторых звукоизобразительных словах характер звуковых компонентов непосредственно связан с характером звуковых (естественных) образов: если звукоизобразительные слова изображают звонкие, гулкие естественные звуковые образы, то в их фонетическом составе обнаруживаются звонкие фонемы, если же они изображают глухие и приглушенные звуковые образы, то и в их фонетическом составе — обязательно глухие фонемы.

Структурные признаки образных слов отражают ранние простейшие формы выражений грамматических категорий: редупликация слов, повторяющиеся элементы в составе словообразовательных суффиксов, ультрадолгота в конечной позиции слова передают продолжительность, многократность, повторяемость образного действия или усиление признака предмета.

В синтаксическом отношении образные слова характеризуются низкой синтаксической валентностью: как правило, каждое образное слово способно сочетаться с небольшим числом глаголов, а некоторые — с одним-двумя. Это связано с исключительной конкретностью их семантики.

Главной синтаксической функцией образных слов является функция обстоятельства образа действия.

Образные слова вступают в устойчивые аналитические сочетания со служебными глагольными словами. При этом сочетающиеся глагольные слова утрачивают свою знаменательную семантику и становятся служебными глагольными словами, а сочетающиеся образные слова утрачивают свою лексическую самостоятельность. Такого рода сочетания представляют собой лексикализовавшиеся словосочетания из образных слов в качестве знаменательных компонентов и глагольных слов в качестве служебных. Например, образные слова в тунгусо-маньчжурской группе языков сочетаются со служебными глагольными словами из следующих основ: ульч., нан., эвенк. *о-* (стать, становиться, сделаться); нан. *энэ-*, ульч., нег. *нгэнэ-* (двигаться, сделаться); нан. *та-* (делать, творить, производить); нан., ульч., нег. *би-* (быть, находиться, пребывать); ман. *сэ-* (говорить, производить звук); эвенк. *н'экэ-* (делать, производить какое-либо действие).

Сочетание образных слов со вспомогательными глагольными словами основ нан. *та-*, ульч., нег. *ти-*, нан., ульч., нег. *о-*, нан. *энэ-* и ульч., нег. *нгэнэ-*, эвенк. *н'экэ-*, ман. *сэ-* переводят в разряд глагольных слов с образной семантикой, а сочетания образных слов с глагольными словами от основ нег., нан. и ульч. *би-* в разряд качественных прилагательных.

Характерной особенностью аналитических форм с образными словами является то, что образные слова, значения которых отражают низкую степень абстрагированности, сочетаются со служебными глагольными словами, семантика которых обладает высокой степенью абстрагированности.

Подобные сочетания образных слов характерны для многих языков, в лексическом багаже которых бытуют образные слова.

Аналитические формы с образными словами являются важным фактом в определении процесса словообразования и лексической категории слов.

Весьма примечательны генетические связи образных слов с другими знаменательными словами в том или ином языке.

У большинства образных слов можно выделить корневой элемент, который является общим и для других категорий слов. Часть таких корней образных слов является первичной или исходной, от них образованы многие знаменательные слова.

В области семантики, структуры и генетической связи образные слова обладают общими, аналогичными особенностями для этой категории слов. В ходе исторических изменений и эволюций систем языков эти слова изменялись, и прежде всего изменялась фонетическая структура. В каждом языке образные слова имеют свои специфические особенности, лишь им присущие. Они позволяют предполагать, что формирование образных слов относится к отдаленному периоду истории языков, в которых они представлены. Это было на пороге формирования понятийного мышления, когда еще преобладало наглядное мышление. Стадию бытования образных слов прошли и те современные языки, в которых они отсутствуют. Однако образные слова, по нашему убеждению, в большинстве своем не являются первичными, исходными словами в процессе становления языка и его системности. В связи с этим уместно напомнить высказывание И. И. Мещанинова: «Каждый язык при его длительном социальном использовании вырабатывает свои структуры, но они устанавливаются в нем не самостоятельно, а в зависимости от действующих законов мышления. Человек строит свою речь, отвечая своим нормам его сознания, но для ее передачи он прибегает к использованию соответствующих грамматических форм. Длительно употребляясь, эти формы вырабатывают свои закономерности в синтаксических и морфологических сочетаниях слов, по которым продолжается развитие структуры языка. Мышление ложится в основу сознательной деятельности человека, который, удовлетворяя возникающие у него потребности общения, создает язык» [10].

Образные слова являются уникальным материалом, отражающим ранний процесс словотворчества, становления структуры слова и его синтаксических связей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ашмарин Н. И. Основы чувашской мимологии (о подражательных словах в чувашском языке). Казань, 1918; он же. Подражания в языках Среднего Поволжья.—Изв. Азерб. ун-та. Обществ. науки. 1925, т. 2—5; он же. О морфологических категориях подражаний в чувашском языке. Казань, 1928.
2. Дмитриев Н. К. Строй тюркских языков. М., 1962; он же. Грамматика кумыкского языка. М.—Л., 1940.
3. Харитонов Л. Н. Нсизменяемые слова в якутском языке. Якутск, 1943; он же. Типы глагольной основы в якутском языке. М.—Л., 1954.
4. Бубрих Д. В. Происхождение мышления и речи.—Научн. бюл. Ленингр. ун-та, 1946, № 7; он же. Изобразительная речь. Тез. докл. Кафедры финно-угроведения. III научн. сес. Карело-финск. ун-та. Петрозаводск, 1948; он же. К проблеме изобразительной речи.—Учен. зап. Карело-финск. ун-та, 1948, т. 3, в. 1.

5. **Петрова Т. И.** Образные слова в нанайском языке.— Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз., 1948, т. 7, в. 6; она же. Образные слова, служащие для передачи световых и цветовых впечатлений в нанайском языке.— Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та им. Герцена, 1954, т. 101; она же. Удвоенные и парные сочетания в нанайском языке.— В помощь учителю школ Крайнего Севера, в. 7. Л., 1957.

6. **Искаков А.** О подражательных словах в казахском языке.— Тюркологический сборник, в. 1. М.—Л., 1951; Кудайбергенев С. Подражательные слова в киргизском языке. М., 1953; Худайкулиев М. Подражательные слова в туркменском языке. Ашхабад, 1962; Фазылов М. Ф. Изобразительные слова в современном таджикском языке. Л., 1950; Шагдаров Л. Д. Изобразительные слова в современном бурятском языке. Улан-Удэ, 1962; Цыдендамбаев Ц. Б. Изобразительные слова в бурятском языке.— Филология и история монгольских народов. М., 1968; Пак Г. А. Морфологические особенности изобразительных слов в корейском языке.— Учен. зап. Ленингр. ун-та, 1958, № 236. Сер. востоковед. наук, в. 6; Панфилов В. З. Грамматика нивхского языка. М., 1965.

7. **Аврорин В. А.** Грамматика нанайского языка, т. 2. М.—Л., 1961; Горцевская В. А. Изобразительные слова в эвенкийском и маньчжурском языках.— Тюркологические исследования. М.—Л., 1963; Багаева П. П. Семантическая классификация образных слов в говорах эвенков Якутии.— Вопросы языка и фольклора народностей Севера. Якутск, 1972; Киле Н. Б. Образные слова нанайского языка. Л., 1973.

8. **Бубрих Д. В.** К проблеме изобразительной речи, с. 91.

9. **Шагдаров Л. Д.** Изобразительные слова в бурят-монгольском языке.— Сб. трудов по филологии, в. 3. Улан-Удэ, 1958.

10. **Мещанинов И. И.** Соотношение логических и грамматических категорий.— Язык и мышление. М., 1967, с. 8—9.

СТАТИВЫ ОТ ИНТРАНЗИТИВОВ В НИВХСКОМ ЯЗЫКЕ

В. П. Недялков, Г. А. Отаина

Под стативами в нивхском языке понимается класс производных и непроизводных глаголов, отвечающих в предложении на вопрос: «Каков он есть (по своим признакам)?» Стативные глаголы обозначают не действие, не процесс, а состояние или признак.

Непроизводные стативы по своей семантике соответствуют качественным прилагательным русского языка и именуются качественными глаголами. Качественные глаголы в нивхском языке являются лексическими стативами.

1. Производные стативы образуются как от качественных, так и от процессуальных глаголов и являются формальными стативами. Образующий их суффикс *-г'ыта*¹, присоединяясь к основе переходного глагола-сказуемого, либо меняет исходную конструкцию, либо нет; ср. соответственно: (1) *иф тэу зосккть* — он нарты сломал —> (1') *тэу зоскк- хыта-дь*² — нарты (кем-то) сломаны; (2) *имн' х: онткк хинт видьг'у* — они, мешки взвалив на спину, пошли —> (2') *имн' х: онткк хин-*

¹ Его морфологические алломорфы: *КЫТА*, *ГЫТА*, *ХЫТА*; эмфатические алломорфы: *Г'ЫТНИ*, *Г'АТА*, *Г'ЫТЫ* и др. Суффикс *Г'ЫТА* впервые выделен и описан в статье (где СГ от ИГ посвящена только одна страница): Недялков В. П., Отаина Г. А., Холодович А. А. Диатезы и залогии в нивхском языке. — Типология пассивных конструкций. Диатезы и залогии. Л., 1974, с. 232—251.

Принятые сокращения: ТГ — транзитивный глагол, ИГ — интранзитивный глагол, КГ — качественный глагол (ИГ — семантически соответствующий прилагательному русского языка), СГ — стативный глагол (т. е. глагол, содержащий суф. *Г'ЫТА*). Буквой (Т) помечены примеры из фольклорных текстов.

² В статье приняты следующие обозначения звуков, отсутствующих в русском языке: двойные согласные обозначают увулярность, двойные гласные — долготу соответствующего звука, буква *ъ* обозначает аспирацию предыдущего согласного, буква *Г* со знаком (') — звонкий заднеязычный целевой, буква *Х* со знаком (:) — гортанный, буква *Н* со знаком (') — заднеязычный звук.

г'ыта-т видьг'у — они, мешки взвалив на спину (и продолжая их так держать), пошли. В случае (1) происходит какое-то изменение свойств, в случае (2) этого не наблюдается. Соответственно ТГ подразделяются на группу А, образующую оппозиции типа (1) —> (1'), и группу Б, образующую оппозиции типа (2) —> (2').

Присоединение суффикса *-г'ыта* к основе ИГ не меняет исходной конструкции. Что же касается значения, привносимого этим суффиксом, то здесь выделяются три основных случая, связанных со значением исходных ИГ: (3) *х:ы тэу тёсккть* — эти нарты сломались —> (3'). *х:ы тэу тёскк-хыта-дь* — букв. эти нарты сломавшиеся; (4) *имн" кырдь* — они стояли —> (4') *имн" кыр-г'ыта-т иньдь* — они ели, продолжая стоять; (5) *ккангу кэург"урдь* — собаки темно-серые —> (5') *ккангу кэург"ур-г'ыта-дь* — собаки темно-серые. Группы А и В у ИГ, представленные соответственно примерами (3) и (4), семантически соответствуют группам А и Б у ТГ. Группа В, представленная примером (5), занимает особое место. СГ в группах А от ТГ и ИГ обозначают состояние предмета (лица) как результат предшествующего действия, СГ в группах Б от ТГ и ИГ обозначают состояние как сохраненное действие (т. е. связанное с определенной активностью субъекта). Значение СГ группы В почти не отличается от исходного ИГ (=КГ). Кроме того, можно выделить группу Г, куда войдут ИГ, в частности КГ, не сочетающиеся с *-г'ыта*.

2. СГ в группе А обозначает состояние предмета (за небольшим исключением, вещественного), в котором он «пассивно» пребывает в результате предшествующего действия или процесса, обозначенных основой исходного ИГ. Среди групп ИГ, сочетающихся с *-г'ыта*, эта группа наиболее многочисленна. Примеры: (6) *кэува выг"дь* — нитка оборвалась —> (6') *кэува вых-кыта-дь* — букв. нитка (была) оборвавшись; (7) *кэе н"ыфтть* — сеть запуталась —> (7') *кэе н"ыфт-г'ыта-дь* — сеть (была) запутавшись. Приводим список ИГ группы А: *кэздь* — стечь, *йодь* — заржаветь, *йыридь* — проснуться, *пэон-дальдь* — заплесневеть, *тэолидь* — продырявиться, *выыркть* — испортиться и т. п. ИГ обозначают предельные действия (процессы), имеющие большей частью определенный, визуально наблюдаемый результат, отличный от самого действия (процесса). Естественно поэтому, что здесь субъект, как отмечалось выше, — за небольшим исключением вещественный. Такое значение могут иметь и некоторые неопредельные ИГ. Например: (8) *иф тодь* — она плакала —> (8'), *иф то-г'ыта-дь* — она заплакана (т. е. она больше не плачет, но следы этого действия видны: следы слез, выражение лица и т. д.).

3. К группе Г относятся преимущественно неопредельные ИГ. Большая часть их обозначает: а) передвижение: *аам-* шагать, *ве-* бежать (о животных), *ви-* идти; б) издавание звуков: *аараз-*

орать, *тье*- петь (о птицах); в) выражение эмоций: *олгголгг*- беспокоиться, *эзму*- радоваться. Приводим ИГ с другой семантикой: *лав*- застрять из-за непогоды, *ва*- драться, *йатьгго*- промахнуться, *велвел*- вилять хвостом. Субъектом этих действий, часто произвольных, является, как правило, лицо.

4. В группе В можно усмотреть некоторый плеоназм, известное «дублирование состояния». Смысловое различие между исходной и производной формой слабо ощущается информантами. Уловить закономерности выбора СГ, а не соотносительного КГ, крайне трудно, хотя в некоторых случаях информанты возражают против опущения *-г''ыта* в примерах из текстов. В характеристиках, даваемых информантами таким СГ, подчеркивается: а) «интенсивность качества» (формы типа *паар-г''ытии*- сопоставляются с русскими прилагательными типа «краснощий»), б) «длительность состояния», в) «сохранение того же состояния», г) «множество субъектов». В русских переводах иногда встречаются отсутствующие в оригинале слова «все чаще», «совсем», «все», «каждый из» (если подлежащее во множ. числе). Здесь значение *-г''ыта* соприкасается со значением суффикса *-г''ыт*, причем в некоторых случаях возможна замена без существенного изменения смысла. Так, например, в следующем текстовом примере с суф. *-г''ыт* возможна его замена суффиксом *-гыта* с сохранением значения интенсивности: (9) *тыдь йагут иньныдь х: ата, талва-г''ыт (а) -н''ан?* Это как я буду есть, когда совсем сырое?

О наличии значения интенсивности говорит, по-видимому, также тот факт, что КГ *х: ыйдь* — быть заметным — легко сочетается как с наречием *ыкигур* — плохо, так и с наречием *намагур* — хорошо, а соответствующий СГ *х: й-г''ыта-дь* очень неудачно звучит в сочетании с первым из этих наречий. Видимо, значение первого наречия не согласуется со значением интенсивности, выражаемой здесь суффиксом *-г''ыта*. Здесь уместно привести примеры, в которых информанты отказываются опустить суффикс *-г''ыта*, мотивируя его присутствие необходимостью «согласования» с усиленными обстоятельствами; (10) *х: оггаба имн'' му кконоф лил лын'' дыр эр-г''ыта-дь* (Т) — тогда то место, по которому их лодка на ту сторону реки пойдёт, стало совсем (букв. совсем насквозь) гладким; (11) *х: уг лил паар-г''ыта-дь* (Т) — там очень красно (от собравшихся в кучу тигров).

5. Не более 30% зафиксированных КГ (группа В) сочетаются с *-г''ыта*. Следует, однако, отметить, что здесь случаи колебания при определении возможностей сочетания наблюдаются у информантов относительно чаще, чем в остальных случаях с СГ. Наиболее типичные смысловые ряды КГ, сочетающихся с *-г''ыта*, следующие: а) название мастей: *чавр*- быть серым, *ыыр*- быть черным и т. д.; б) совпадение по какому-либо размеру: *рагга*- быть одинаковым по толщине, *вулки*-

быть одинаковым по высоте и т. д.; в) форма предметов: *кэви-* быть витым, *мыхыр-* быть прямым и т. д.; г) физические свойства предметов: *туз-* быть холодным, *чевчево-* быть мокрым и т. д.; д) свойства пищи: *талва-* быть сырым, *локкр-* быть свежим и т. д. Примеры: (12) *алс ккаладъ* — ягода неспелая —> (12') *алс ккала-г'ыта-дъ* — ягода совсем неспелая, (13) *вынь пэлайудъ* — кастрюля блестит —> (13') *вынь пэлайу-г'ыта-дъ* — кастрюля блестящая, (14) *оолагу ун'ытидъ* — дети одного возраста —> (14') *оолагу н'ыти-г'ыта-дъ* — (все) дети одного возраста.

6. Среди КГ, не сочетающихся с *-г'ыта* (группа Г), наиболее типичными смысловыми группами являются следующие (здесь относительно больше КГ, предполагающих субъект-лицо): а) черты характера, привычки: *илвз-* быть чистоплотным, *иньг'-* быть нахальным, *невур-* быть приветливым и т. д.; б) несовпадение по возрасту: *аскка-* быть младше, *ыкы-* быть старше и т. д.; в) физические свойства человека: *нирдю-* быть левшой, *пиу-* быть смуглым и т. д.; г) вкусовые качества: *вакк-* быть кислым, *х:ор-* быть вкусным и т. д.; д) расстояние: *ма-* быть близким, *твы-* быть далеким. Не образуются также СГ от КГ, содержащих суффикс *-ла*: *тэаз-ла* — быть неподходящим, *чхызг'ы-ла* — быть удивительным и т. д.

7. Нередко ИГ имеет два значения: предельное (инкоативное) и неопредельное. В таких случаях суффикс *-г'ыта* актуализует только неопредельное значение и может сообщать, кроме того, дополнительное значение интенсивности. Такие ИГ есть во всех трех группах. Здесь выделяются два случая.

7.1. ИГ в группе Б обозначают большей частью положение тела или состояние частей тела, а соответствующие СГ — длительность этого состояния в момент выполнения какого-либо другого действия (см. п. 13). Примеры: *теньггодъ* — зажмуриться и быть зажмурившись —> *теньгго-г'ыта-* (продолжать) быть с зажмуренными глазами, *кыпрдъ* — встать и стоять —> *кыпр-г'ыта-дъ* — (продолжать) стоять.

7.2. Во втором случае ИГ относятся к группе А в предельном значении и к группе В в неопредельном. Неопредельное значение ИГ, в данном значении — КГ, и значение СГ соотносятся так же, как в описанных случаях для КГ (п. 4 и 5). Примеры: *полм-* ослепнуть и быть слепым —> *полм-г'ыта-дъ* — быть слепым, *туз-* остыть и быть холодным —> *туз-г'ыта-дъ* — быть остывшим.

8. СГ от ИГ еще более нуждаются в определенном контекстном окружении, чем СГ от ТГ. (Только СГ от КГ, будучи употребленными предикативно в простых нераспространенных предложениях, звучат большей частью вполне естественно (ср. 10). Так, например, по поводу фразы (15) *ни вета-г'ыта-дъ* — я одет (вета- одеваться) у информанта сразу же возникает вопрос: «Ну и что же, что одет?» Он чувствует, что фраза не закончена.

Здесь лучше заменить -г"ыта видовым суффиксом -г"ыт (см. 9), ср.: *ни вета-г"ыт-ть* — я (уже) оделся (=кончил одеваться). Первое же предложение будет звучать естественнее, если в него включить обстоятельства или же преобразовать его в придаточное, ср.: (16) *ни вета-г"ыта-т пѣн"афккху н"армадь* — я, будучи одет, жду своих друзей.

9. Здесь относительно чаще, чем во фразах с СГ от ТГ, встретились случаи, когда при преобразовании ИГ—>СГ информант настаивал на том, чтобы подлежащее в ед. ч. было заменено подлежащим во мн. ч. В этом случае, по-видимому, проявляется генетическая связь -г"ыта с -г"ыт в его дистрибутивном значении. Примеры: (17) *иф мудь* — он умер—>(17') *имн" му-г"ыта-дь* — они умершие, (18) *му ккоридь* — лодка наклонена—> (18') *муг"у ккориг"ыта-дь* — лодки наклонены. Характерно, что в следующем текстовом примере с суффиксом -г"ыт последний может быть заменен суффиксом -г"ыта без изменения значения: (19) *имн" пѣрын"ан атг"у х:ы бал лаккв сык пор-гыт(а)-т х: умдьра* (Т) — когда они пришли, тигры вокруг горы все (каждый из них) лежа находились.

10. По-видимому, не случайно почти все СГ, встретившиеся в текстах в конечной позиции, образованы от КГ или же от глаголов, являющихся КГ в одном из своих значений (см. 7.2.). Характерно, что из девяти примеров этого типа ни в одном подлежащее не обозначает лица (в восьми примерах субъект — вещь, в одном — животное). Примеры: (20) *эхт вин" ан имн" дыф кконлахх-кконьлахх-кыта-дь* (Т) — когда (они) возвратились домой, их дом был (совсем) покосившимся; (21) *тыдь нбынь варк ккѣат-г"ыта-дь* (Т) — этот только один (соболь) облезлый; (22) *х: у-гирх эр-г"ыта-дь* (Т) — в тот день гладкая вода была; (23) *х: ы нивх пѣхымлыдь: ур-г"ыта-дь* (Т) — тот человек о себе подумал: все в порядке; (24) *х: ор х: ы н"а пыйр х: ы дииртохх ккан"ан, мер н"афкк зиф мыр-гытара, х: ор х: ы диф урр мырдь* (Т) — когда тот зверь (птица), подлетев, по тому следу пришел, нашего героя след поднимался (=свойство, признак следа), и вот по тому следу поднялся (действие).

11. В конструкции из деепричастия на -т/-р и глагола *х: умдь* в конечной позиции встретились СГ того же типа, что и в п. 10. Субъект-лицо встретился в двух текстовых примерах из пяти. В примерах (28) и (29), по-видимому, присутствует полнозначный глагол *х: умдь*. Примеры: (25) *имн" нана тывын"ан... иньныдыг"у н"ыри-г"ыты-т х: умта* (Т) — как только они вошли... пища уже была приготовлена; (26) *х: ы диир нѣрыра, иф пѣхымзф аар х: ый-г"ыти-р хумдь* (Т) — то дерево увидела, место, где он закопался, тоже заметно было; (27) *ин"афккху сык лил паар-г"ыта-т х: умдыг"у* (Т) — все его товарищи (=тигры) совсем красными были; (28) *х: ы умгу таккр чуньгготр-г"ыта-т х: умдыг"у* (Т) — эти три женщины сидели (=были), опустив от стыда головы; (29) *пѣииф-пѣииф*

пэит пэришан"ра-г"ыта-т х:умта (Т) — (они), на своих местах находясь, приготовившись были (=приготовились и остались в этом виде).

12. В конструкции с СГ в форме деепричастия на *-т/-р*, зависящего от полнозначного глагола (в отличие от *х:умдъ*, не всегда конечного, см. пример (33)), выражается состояние субъекта, одновременное с его же действием, обозначенным управляющим глаголом. Для зафиксированных шести примеров этого типа характерно следующее: а) преобладает СГ группы В (КГ), б) субъект-лицо присутствует в 4-х примерах (ср. п. 10 и 11; в) в пяти примерах управляющий глагол обозначает движение; г) в пяти примерах управляющий глагол интранзитивен; д) опущение *-г"ыта* по разным причинам признается информантами нежелательным. Так, в (30) суффикс выражает интенсивность состояния (об этом свидетельствует его огласовка), которая и составляет главное содержание признака, приписываемого субъекту. Опущение суффикса *-г"ытии* делает вообще непонятным употребление этого КГ. В примере же (35) опущение *-г"ыта* резко меняет значение, поскольку деепричастие получает значение причины («разозлившись»). Примеры: (30) *ггоми йаман"ан идиф х:ый-г"ыти-р мыг"дъ* — когда вниз посмотрел, его след заметно (будучи очень заметным) вниз идет; (31) *х:уйн куйзакка улвулв-г"ыта-р чарр х:умдъ* (Т) — там сундук, высясь, полный находится; (32) *х:от вит руздъ, мер н"афкк ур-г"ыта-р ирмыра* (Т) — и вот столкнулись, наш герой благополучно (будучи здоровым) перевалил ее (волну); (33) *ан имн"вета-г"ыта-т ккат ршылхт йамаггар...* (Т) — опять они одетые пошли, открыли дверь, на него смотрят...; (34) *хурук-то в накинудой одежде преспокойно пошел*; (35) *выкын эрккух нёйлу-г"ыти-р мыг"р пэаньхх подь* (Т) — его старший брат, в гневе встав, свою жену взял.

13. Дополнительно остановимся на тех СГ, которые всегда или же в одном из своих значений (см. 7.1), обозначают физическое состояние тела, причем, сохранение, продолжение этого состояния зависит от проявления минимальной активности субъекта (СГ группы Б). Сюда же относятся и некоторые глаголы умственной деятельности, а также внешнего проявления эмоций. Эти глаголы, сочетаясь с *-г"ыта*, по мнению информантов, решительно предпочитают деепричастную форму на *-т/-р*, обозначающую состояние субъекта, сопутствующее какому-либо другому его действию. СГ, тяготеющие к деепричастному употреблению, предполагают большей частью субъект-лицо (ср. п. 10). Эти СГ представляют собой интранзитивную параллель транзитивным СГ типа (2). Примеры: (36) *имн"веептъ* — они сидели на корточках—> (36) *имн"вееп-г"ыта-т мудъ* — они умерли, оставаясь сидеть на корточках; (37) *имн"алвредъ* — они оглянулись—> (37) *имн"алвре-г"ыта-т*

пунг"дь — букв. они исчезли из виду, все время смотря назад (см. также (28) и (29) в 11; (35) в 12. При употреблении в конечной форме эти СГ требуют ясного контекста. Так, например, можно сказать: (38) *имн" алвре-г"ытадь* — они оглянувшиеся. Но в этом случае должно быть известно, почему они это сделали (возможно, их насильно уведят, а они оглядываются). Опускание *-г"ыта* в приведенных примерах ведет к нарушению связности двух действий. Возникает какая-то незаконченность, связанная, несомненно, с лексическим значением обоих глаголов. Таким образом, приведенные интранзитивы при других управляющих глаголах могут выступать в форме деепричастия на *-т/-р*, но здесь такое употребление будет неудачным. Так, например, во фразе (39) *имн"кыпрт ыньдь* — они стояли и ели — будет непонятно, почему они стояли и ели, а во фразе с *-гыта* такой вопрос не напрашивается. В случае же с фразой (40) *имн" алврет пунг"дь* — они, оглядываясь, исчезли — дело обстоит еще хуже: поскольку действие первого глагола здесь явно предшествует действию второго (сначала оглянулись, а затем исчезли), то тут необходима форма деепричастия предшествующего действия.

14. В тех случаях, когда действие, выражаемое деепричастным СГ, полностью завершено, но результат его важен для следующих действий, имеет место перфектное значение. В этом значении не могут употребляться СГ группы В (т. е. КГ) и вообще все СГ, предполагающие неодушевленный субъект. Примеры: (41) *х:ы умгуола пзын"гай-г"ыта-р йозудь* (Т) — та девушка, сготовив (сготовила, а потом), его разбудила; (42) *иф пзи йагур виньдь лу, сык кзымлы-г"ыта-р нерхх итть* — он мне сказал, как он пойдет (предварительно), все обдумав.

15. Правила преобразования предикативных фраз с СГ в атрибутивные — те же, что и для преобразования предикативных фраз с обычными глаголами. Однако определяемым членом здесь может быть только субъект действия. Некоторые СГ не употребляются атрибутивно (к ним, например, относится СГ от ИГ *кзымлы* — размышлять). Для зафиксированных пяти текстовых примеров СГ относятся к группе В (т. е. к КГ и в одном, первом, — к А); б) в трех примерах СГ обозначают масть (ср. п. 5), здесь *-г"ыта* легко опускается; в) опускание *-г"ыта* нежелательно в (44), где СГ обозначает длительное состояние лица. Примеры: (43) *...ивеггл аар ккэаутара, сидь тэскк-хыта йо-г"ыта веггл лу х:умра* — ...даже его остроги не было, какая-то сломанная заржавленная острога была; (44) *кэикрух пэрафрайу-гыта нивх мыг"дь* — сверху спустился человек в незастегнутой одежде (ср. *пэрафрайу* — быть в незастегнутой одежде); (45) *алгалхх-кыта чолн" и х:умныдьра* (Т) — пятнистый олень (там) будет (ср. *алгалхх* — быть пятнистым); (46) *чан"-гыта аньхх ньынъ ыйвудь лу имн*» (Т) — собаку белую, что ли.

одну содержали (ср. *чан* — быть белым о масти); (47) *миськылк х:орви-г* — *ыта ккэотр наар мор ккотъра* (Т) — шкуры двух маленьких белогрудых медвежат спустил он (ср. *х:орви* — быть белогрудым).

16. В заключение статьи отметим, что полученная картина весьма любопытна в типологическом отношении.

А. Некоторые значения, свойственные морфеме *-г* — *ыта*, в частности, 1) образование результативных стативов от транзитивов: см. (1) в п. 1; 2) образование результативных стативов от интранзитивов: см. (3) в п. 1; 3) перфектная стативность (см. п. 14) свойственны также и соотносительным морфемам некоторых других языков, например деепричастной морфеме *-ши* в диалектах русского языка. Ср. соответственно:

- 1) ягоды собравши (=ягоды собраны);
- 2) вся семья собравши (=собралась);
- 3) они все собравши (=всё собрали) [1].

Б. Признак «наблюдаемый результат» (см. п. 2), существен и в других языках при образовании форм пассива или статива. Так, например, в английском языке предложение со значением «он идет по улице» не может быть преобразовано в пассивное со словом «улица» в позиции подлежащего (ведь на улице обычно не остается видимых следов), а в предложении со значением «он идет по свежевыкрашенному полу» аналогичное пассивное преобразование возможно (так как на свежевыкрашенном полу остаются следы) [2].

Поскольку характеристика нивхских СГ с типологической точки зрения — самостоятельная задача, мы ограничились здесь лишь приведением ряда параллелей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузьмина И. Б., Немченко Е. В. Синтаксис причастных форм в русских говорах. М., 1971, с. 116.

2. Тьюин Х. Значение и понятие переходности в пассивных конструкциях. — Новые исследования по филологии, т. 42, № 1. Стокгольм, с. 62, (на англ. яз.).

ЭВЕНКИЙСКОЕ ДЕЕПРИЧАСТИЕ НА -МИ В ИРРЕАЛЬНО- И РЕАЛЬНО-УСЛОВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ

А. М. Певнов

Эвенкийское деепричастие на -ми образует обороты, связанные с главной частью предложения различными отношениями, в том числе и условными. Условное отношение реализуется в трех аспектах: в потенциальном, ирреальном или реальном¹, причем их формальные признаки иногда отсутствуют как в деепричастии, так и в образуемом им обороте. Определить аспект условного отношения в таких случаях можно только при наличии контекста.

Цель статьи — выявление типа контекстного окружения, «контекстных определителей» ирреально- и реально-условных предложений с деепричастием на -ми.

Ирреальное условие. В деепричастном обороте, выражающем ирреальное условие, всегда имеется логически акцентированное слово. Таким словом может быть любое в составе оборота.

В ирреально-условных оборотах ударение играет ту же роль, что и в потенциально-условных: оно подчеркивает контрастное отношение между понятиями. Например: *Сукэячин бичэл бими, сунтымнгат бичэл бихип* — если бы мы были без топора, то упустили бы зверя².

В этом предложении логическое ударение на слове *сукэячин* — без топора — создает контрастное противопоставление: именно без топора, а не с топором (В, но не А).

Однако мы бы ошиблись, если бы решили, что люди, якобы

¹ Наименование аспектов условия («потенциальный», «ирреальный», «реальный») заимствованы у М. Кубика (см.: Кубик М. Условные конструкции и система сложного предложения. Прага, 1967). Эта же терминология использована в кн.: Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.

² Весь приводимый в статье материал взят из текстов, записанных автором в 1973—1974 гг. в пос. Джигда Аяно-Майского р-она Хабаровского края.

упустившие зверя, были без топора. Обратимся к контексту:

1. *Сукэячин бичэл бими, сүптымнгат бичэл бихип.* 2. *Сукэл-кэн-нюн бикэм варап.* — 1. Если бы мы были без топора, то упустили бы (зверя). 2. Убили только потому, что были с топором.

Во втором предложении логический акцент на слове *сукэл-кэннюн* — с топором — также создает контраст, но прямо противоположный тому, который мы отметили в первом предложении: именно с топором, а не без топора (А, но не В).

Какое же из двух предложений отражает реальное положение, то есть то, что было на самом деле?

Внимательное изучение более широкого контекста не оставляет никаких сомнений: охотники были на самом деле с топором, и только благодаря этому они смогли убить зверя.

Первое предложение выражает, таким образом, нереальное суждение (отсюда и название этого аспекта условия — ирреальный).

Говорящий фантазирует, допускает реальность заведомо нереального события (в принципе реализация события была возможна, но по определенным причинам не осуществилась; очень точно это отражено в термине «нереализованная возможность» [1]). Такое гипотетическое построение было бы абсурдным, если бы говорящий не мыслил его себе как условие какого-то другого события.

Допущение реальности нереального события имеет смысл только в рамках обусловленности: одно событие, пусть даже и нереальное («нереализованная возможность»), обуславливает (точнее, обусловило бы) другое событие; говорящий делает вывод о возможных, но нереализовавшихся (нереализующихся) последствиях (следствиях). В этом движении мысли и заключается полезность, на первый взгляд, совершенно бесполезного фантазирования.

Различие потенциального и ирреального аспектов условия заключается в исходной позиции говорящего: в первом случае это исключаящая дизъюнкция (или А, или В), во втором — контраст (А, но не В). Исходная позиция снимается допущением, при этом потенциальное условие предполагает две возможности: 1. А, но не В; 2. В, но не А; ирреальное — одну — «нереализованную возможность» (В, но не А).

Как правило, формальным признаком ирреального условия служит показатель сослагательного наклонения глагола в главной части предложения (сослагательное наклонение относится к числу «нереальных»; ирреальности условия соответствует ирреальность следствия).

Однако не все предложения, состоящие из оборота с деепричастием на -ми и главной части с глаголом в сослагательном наклонении, являются ирреально-условными. Поэтому для проверки необходимо в каждом случае обращаться к контексту и

выяснять степень реальности утверждения, содержащегося в деепричастном обороте.

Примеры: 1) *Энэлгэе ачин бими, илхам депчэ бимчэв* — Если бы я не был лентяем (букв.: если бы был без лени), то встал бы и поел; 2) *Эчэ будэ бими, еми-да турэчимчэ, еми-да курбумчэ иливэтэр нюмчэ* — Если бы не сдох (медведь), то обязательно бы рычал (букв.: говорил), обязательно бы шевелился или вышел; 3) *Тар атыркан эчин самалдавакана бими, тар-ты ехатпи бумукэм бунгэт бичэн* — Если бы та старуха не попросила пошаманить, то так бы и умерла (то так бы и должна была умереть) от болезни глаз. Несмотря на отсутствие у глагола в главной части предложения показателя сослагательного наклонения -мча/-мчэ, деепричастный оборот имеет ирреально-условное значение; 4) *Таваргачин бэе гиркилкэн бими, олу ая бимчэ* — Если бы иметь такого друга, как тот человек, то было бы очень хорошо. Несмотря на наличие у глагола в главной части предложения показателя сослагательного наклонения, деепричастный оборот не имеет истинного ирреально-условного значения.

Реальное условие. Первое и очень важное сходство реального условия с потенциальным и ирреальным — в обязательном наличии в деепричастном обороте логически акцентированного слова.

Описание логической схемы этого аспекта условия начнем с конкретного примера:

Говорящий: *Си он эхинды сара? Минэвэ си эхинды сара-до?*

Собеседник: *Он энгэтыв сара?!*

Говорящий: *Сари бими, си еми тыкэ гунинды?*

Говорящий: Как же ты не знаешь? Ты меня разве не знаешь?

Собеседник: Как не знаю?!

Говорящий: Раз знаешь, то почему ты так говоришь?

Схема логического устройства реального условия, заключенная в свернутом, закодированном виде в условном предложении (*Сари бими, си еми тыкэ гунинды?*), получила в этом диалоге ясное и развернутое выражение.

Вопрос говорящего выявляет проблематичность его знания, его сомнение (*Минэвэ си эхинды сара-до?* — Ты меня разве не знаешь?; исключаяющая дизъюнкция: или ты меня знаешь, или ты меня не знаешь, то есть или А, или В).

Ответ собеседника разрешает сомнение, устраняет его, снимает контрастным отношением. Например: *Он энгэтыв сара?!* — Как не знаю?! — контрастное отношение: конечно, знаю (а не не знаю), то есть А, но не В.

В снятии дизъюнкции — сходство реального условия с потенциальным (и еще шире с ирреальным, поскольку речь идет вообще о замене одного отношения другим), но их различие

В том, как снимается дизъюнкция. Если в потенциальном аспекте дизъюнкция снимается допущением самого говорящего, то в реальном ее устраняет собеседник.

В обязательном участии, во «вмешательстве» собеседника заключается главная особенность реального условия. Благодаря этому участию предложения, выражающие реальное условие, почти всегда снабжены контекстным определителем — высказыванием собеседника (содержащим какую-то новую информацию, отрицающую, снимающую информацию говорящего). Реакция говорящего на это высказывание и является реальным условием (раз А, но не В, то...).

Таким образом, реальное условие предполагает три момента: тезис говорящего, антитезис слушающего, синтез того и другого в реально-условном высказывании.

Тезис говорящего бывает основан не только на дизъюнктивном отношении, но и на контрастном, т. е.: тезис (В, но не А); антитезис (А, но не В); синтез (раз А, но не В, то...).

Для иллюстрации реального условия такого типа воспользуемся тем же диалогом, только предварительно заменим дизъюнктивный смысл логического акцента в первом предложении на контрастный:

Говорящий: *Си минзэв эхинды сара-вит.*

Собеседник: *Он энгэтыв сара?!*

Говорящий: *Сари бими, си еми тыхэ гунинды?*

Говорящий: Ты ведь меня не знаешь.

Собеседник: Как не знаю?!

Говорящий: Раз (если) знаешь, то почему ты так говоришь?

Схема реального условия с дизъюнктивным тезисом говорящего копирует схему потенциального условия, а с контрастным тезисом — схему ирреального условия. Сходство было бы полным, если бы не было различия в способе снятия тезиса: в ирреальном и потенциальном условии тезис говорящего снимается допущением самого говорящего, а в реальном условии — высказыванием собеседника.

Примеры:

— *Су тыкин бугаткивар нгэнэми, окин-ка эмэдингэхун-нгу, этэхун-нгу?*

— *О-о, эмэкун!*

— *Де, багар эмэнгэтыл бими, нгэнэкэлду-дэ!*

— Если вы сейчас отправитесь в свои края, то когда-нибудь вернетесь или нет?

— О-о, конечно, вернемся!

— Ну, раз вернетесь, то идите!

— *Си-до эннгэн утэн?*

— *Би.*

— *Гэ, си эннгэн утэн бими, бэюнэ вакал!*

— Ты, что ли, сын колена?

- Я.
- Ну, раз ты сын колена, то убей зверя!
- *Си илэ нгэнэнды?*
- *Тугэр тэргэхэви гэннэми Ингилилэ нгэнэм.*
- *Тала нгэнэри бими, би си аминдус дявавканча дяввав, чайингнгав, адылилбав, увунмэв эмувкэл!*
- Ты куда пошел?
- Пошел на Ингили (назв. реки), чтобы забрать зимнюю одежду.
- Раз ты туда идешь, принеси то, что я дал твоему отцу: лодку, чай, сети и пилу!

В последнем примере высказывание (*си илэ нгэнэнды?*) представляет собой вопрос «с неопределенным числом членов альтернативы» [2]; иначе говоря, такой вопрос также выражает дизъюнктивное отношение, однако число элементов дизъюнкции является неопределенным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970, с. 716.
2. Зуев Ю. И. К логической интерпретации вопроса. --- Логико-грамматические очерки. М., 1961, с. 112.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ НЕКОТОРЫХ ФОРМ ИМПЕРАТИВА В ЭВЕНКИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

М. М. Хасанова

В эвенкийском языке существует два типа повелительного наклонения (далее — ПН). Суффиксы I типа ПН: 1-е л. ед. ч. *-кта*, 2-е л. ед. ч. *-кал*, 3-е л. ед. ч. *-гин ~ -нгин*; 1-е л. мн. ч. вкл. *-гат ~ гар ~ ват*, 1-е л. мн. ч. искл. *-ктавун ~ кпун*, 2-е л. мн. ч. *-каллу*, 3-е л. мн. ч. *-гитын ~ нгитын ~ ктын*. Суффиксы II типа ПН: 1-е л. ед. ч. *-нгнам*, 2-е л. ед. ч. *-дави*, 3-е л. ед. ч. *-нгнан*; 1-е л. мн. ч. вкл. *-нгнат*, 1-е л. мн. ч. искл. *-нгнавун*, 2-е л. мн. ч. *-давэр*, 3-е л. мн. ч. *-нгнатын*¹.

Императив может употребляться со всеми лицами, но наиболее употребительны формы 1-го л. мн. ч. (включительная форма) и 2-го л. ед. и мн. ч.

Формы вторых лиц II типа ПН исторически членятся на суффикс целевого деепричастия *-да-* и возвратно-притяжательные суффиксы *-ви* и *-вар ~ -вэр*. Наличие возвратных суффиксов в данных формах можно объяснить с помощью гипотезы об их употреблении в прошлом с неким вспомогательным глаголом². В эвенском, негидальском и солонском языках формы всех лиц II типа ПН также образованы посредством форманта *-да-*, в прошлом показателя целевого деепричастия.

В структуре форм первых и третьих лиц этого же типа ПН можно выделить показатель наклонения *-нгна-*. И. Бенцинг полагает, что показатель наклонения *-нгна-* и суффикс вида обычности действия *-нгна-* — одно и то же [1]. Он основывается на сходстве графического изображения обоих суффиксов, не учитывая того факта, что показатель второго типа повеления *-нгна-* имеет ясно выраженную долготу. Помимо этого, существенно также и то, что показатель вида обычности действия *-нгна-* от-

¹ Все суффиксы даются в твердорядном варианте.

² Ср. употребление побудительной формы для 1-го л. ед. ч. в нанайском языке. — Аврорин В. А. Грамматика нанайского языка, т. 2. М. — Л., 1961, с. 129.

носятся к основообразующим, а показатель императива *-нгна-* — к словоизменительным суффиксам. Несомненно, что отождествление этих двух показателей неправомерно.

Думается, что суффикс II типа ПН *-нгна-* является результатом сращения двух компонентов. Для восстановления древнего вида этого суффикса воспользуемся методом внутренней реконструкции. Вероятнее всего, что в данном случае имела место регрессивная ассимиляция: первая часть суффикса уподобилась второй. Уподобление могло идти только по назальному признаку, ибо именно он — общий для фонем *нг* и *н*. В таком случае о первом элементе предположительно составного суффикса *-нгна-* можно сказать следующее: 1) он был неназальным, 2) заднеязычным (иначе трудно было бы объяснить заднеязычный характер его современного звучания), 3) по всей видимости, он имел в своем составе гласный звук (форманты, состоящие из одного согласного, в современном эвенкийском языке восстанавливаются в большинстве случаев с гласным), скорее всего, этот гласный был кратким и узким (*и* или *у*), поскольку именно эти гласные в языках северной ветви тунгусо-маньчжурской группы были подвержены выпадению.

Итак, восстанавливаемый нами суффикс должен был иметь вид **-ги* или **-гу*. Утрата узкого гласного в нем привела к соседству фонем *г* и *н*. Сочетание этих звуков совершенно недопустимо для эвенкийской фонетики, поэтому *г* ассимилировался по назальности и превратился в *нг*.

Обобщая сказанное, можно так изобразить путь развития и изменения суффикса императива *-нгна-*:

**-ги-/*-гу-/+на->*-гина->*-гна->-нгна-*.

Из двух восстанавливаемых вариантов **-ги-* и **-гу-* мы отдаем предпочтение первому, так как напрашивается сравнение его с показателем, участвующим в образовании форм первых и третьих лиц единственного и множественного чисел в I типе ПН. Возможно, в прошлом **-ги-* имел модальное значение желательности.

Не исключено, что второй элемент членимого нами суффикса связан с показателем *-на-* наклонения вероятности. Учитывая полное фонетическое сходство (в том числе и долготу гласного) обоих показателей, можно высказать предположение о том, что исторически это один и тот же формат, обладавший значением предположительности, сомнения, вероятности.

Формы I типа ПН с трудом поддаются этимологическому анализу. В их составе, в частности, невозможно отыскать какой-либо общий элемент. Отделив в формах третьих лиц личнопредикативные суффиксы, получим общий для обеих форм элемент *-к-~ги-~нги-*. Тот же элемент можно выделить и в формах третьих лиц I типа ПН негидальского (ед. ч. — *-гин~нгин*, мн. ч. — *-гитын~нгитын*) и солонского (ед. ч. и мн. ч. — *-гини*) языков, а также в 3-м л. ед. ч. нанайского языка (суффикс *-гини*).

В 1-м л. мн. ч. вкл. выделяется личный суффикс *-вун ~ -пун*. Оставшиеся форманты *-к ~ -кта* различаются наличием или отсутствием элемента *-та*. Он имеется и в суффиксе 1-го л. ед. ч. *-кта*. Думается, что указанный формант — более позднее наращение, а древний вид суффикса *-к < * -ги* (ср. формы ПН нанайского языка).

Итак, формы первых и третьих лиц I типа ПН образованы с помощью некоего элемента ** -ги*³. Во II типе ПН нами также был восстановлен формант ** -ги*, входящий в состав форм первых и третьих лиц. То есть формы первых и третьих лиц обоих типов ПН образованы посредством одного и того же элемента ** -ги*. По-видимому, он в прошлом был показателем побудительно-желательной модальности. Возможна его связь с маньчжурским показателем желательного наклонения *-ки*.

Несколько особое положение среди форм первых лиц императива занимает показатель 1-го л. мн. ч. вкл. *-гат ~ -гар ~ -га*. Скорее всего, суффикс *-гар* сложный: *-га- + -р ~ -т*. В. Д. Лебедев для момского говора эвенского языка приводит суффикс 1-го л. мн. ч. вкл. *-галды* [2]. Суффикс *-галды* явно двусоставный, т. к. в том же говоре показатель ПН для 2-го л. мн. ч. — *-лды*. Основной значимой частью суффикса *-гар ~ -гат* мы считаем *-га-*, поскольку именно она присутствует во всех диалектных вариантах. Дать этимологию этого элемента не представляется возможным (тем более что в негидальском языке соответствующий суффикс имеет вид *-нгай*). Очевидно, наряду с формантом ** -ги* существовал и формант *-га-*, также обладавший способностью образовывать побудительно-желательные формы глагола.

Пожалуй, самыми трудными для анализа являются формы вторых лиц I типа ПН. Сложность заключается в том, что элементы, из которых, возможно, состояли эти формы, настолько срослись, что расчленить их почти невозможно. Тунгусоведы считают суффикс *-каллу* двусоставным: *-каллу < * -калсу*, где *-су* — личный глагольный аффикс. Показатель *-кал* Е. П. Лебедева также считает сложным (Устное сообщение). Она членит его на два компонента: *-ка* и *-л*, первый из которых связывает с ороческой формой ПН для 2-го л. ед. ч. (*-ва ~ -ҫа ~ -ка*), а второй с эвенской формой 2-го л. ед. ч. (*-ли*).

О значении компонентов, составляющих суффикс *-кал*, ничего определенного сказать нельзя. Можно предположить, что оба они обладали побудительным значением, но существовали в разных диалектах древнего «праязыка».

Проанализировав формы императива в эвенкийском языке, можно прийти к заключению, что все они составные. Объясняется это явление, нам думается, неоднократным скрещением

³ Имеется в виду 1-е л. ед. ч. и 1-е л. мн. ч. искл.

племенных диалектов, которое происходило в связи с многократными перемещениями населения. В результате подобного скрещения нарушалась регулярность парадигм, возникали сложные суффиксы, заимствовались инодиалектные формы.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Benzing I.** Die Tungusischen Sprachen. Versuch einer vergleichenden Grammatik. Wiesbaden, 1955, S. 135.
2. **Лебедев В. Д.** Момский говор эвенского языка. КД. Л., 1970, с. 178—179. Библиотека ЛО ИЯ АН СССР.

**ПЕРВЫЕ ОЧЕРКИ
О НАРОДАХ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА**
(по материалам газеты «Красное знамя»
1922—1927 гг.)

А. И. Пономарева

При решении задач хозяйственного и культурного строительства на Дальнем Востоке в первые годы после разгрома интервентов и белогвардейцев большое значение придавалось национальному вопросу. Наличие в крае аборигенного населения, стоящего на низкой ступени общественного развития, требовало проведения «...последовательной решительной борьбы за уничтожение всех пережитков национального гнета и всемерного привлечения трудовых масс национальных меньшинств и туземного населения к советскому строительству» [1].

Проблемы кооперирования, земельного и административного устройства, вопросы культурно-просветительной работы обсуждались на пленумах и конференциях губкома и губисполкома [2]. Большую работу в первое десятилетие Советской власти проводил созданный при ВЦИКе комитет Севера. Для ознакомления с условиями жизни и быта малых народов в районы их расселения посылались специальные экспедиции, отчеты о работе которых часто печатались на страницах «Красного знамени» [3].

Значительный интерес к малым народам начинала проявлять и литературная общественность Дальнего Востока. Наряду с отчетами об экспедициях в газете появлялись публикации очеркового характера. Дальневосточные очеркисты стали первооткрывателями новых тем и образов, обратившись к жизни далеких стойбищ, изображению прошлого и настоящего их обитателей, начавшегося процесса революционного преобразования всего жизненного уклада.

Писатели края не имели своего печатного органа, и поэтому литературные силы группировались вокруг газет: «Красного знамени» в Приморье и «Тихоокеанской звезды» — органа Далькрайкома ВКП(б), Далькрайисполкома и Далькрайсовпрофа, выходящей в Хабаровске. Газеты эти имели литературные страницы, помимо которых отводили значительное место очерковому материалу. В этом отношении состояние дел в крае повторяло положение в центре. «Лабораторией советского очерка

являлись вначале газеты, где начинали свою деятельность многие будущие выдающиеся советские писатели» [4].

Представляется закономерным, что первые шаги в освоении новой для литературы темы делались именно в жанре очерка. К этому времени очерк уже «...прочно вошел в литературный обиход», «доказал свое право на существование» [5], заняв особое место среди других жанров. Такие особенности его, как злободневность, быстрота отклика на происходящее, открытие малоизвестных явлений и исследование их, позволяли очеркистам обратиться к интонациональной тематике.

Очерки, о которых пойдет речь, были лишь подступом к многогранной теме, получившей истинный расцвет в 30-е годы. В разработке материала очеркисты «Красного знамени» шли непроторенными путями. Перед ними стояла задача овладения новой проблематикой. В условиях далекой от центра окраины это было особенно непросто. Многие не являлись профессиональными писателями, не владели школой литературного мастерства. Для большинства очеркистов осмысление сложного жизненного материала было первостепенным, а поиски путей и форм его воплощения, совершенствование художественных средств отступали на второй план. Отсюда неравноценность общественного звучания и уровня художественного мастерства, обнаруживаемая в первых газетных очерках. Большинство из них было написано в результате поездок в национальные районы Дальнего Востока и передавало впечатления от знакомства с жизнью аборигенов. Этот факт влиял на способ подачи материала. Композиционное построение, обусловленное маршрутом, преобладание описательных элементов над изобразительными, отображение главным образом того, что сам автор видел во время путешествия, — все это делало очерки типично путевыми. А различные сведения из жизни, быта, обычаев и нравов народа придавали им отчетливую этнографическую окраску. Эти особенности были характерны для работ дальневосточных очеркистов в 20-е годы.

Но при кажущейся внешней похожести очерки эти были далеко не однородны. Одни больше тяготели к чисто путевым зарисовкам. Это «Вверх по Тыми» В. Смоленского [6], «По Советскому району Приморья» А. Емельянова [7], «В страну орочей» П. Гончарова [8], «Сахалинская новь» [9] и «Люди из стойбищ» [10] М. Поляновского. Очерки эти представляли собой сделанные с натуры эскизы из быта различных народов. Они строились по принципу путевого дневника и имели вполне определенную ориентацию на познавательность.

Однако уже на начальном этапе развития советской очеркистики критика указывала, что «...очень плохо, если очерк описывает только то, «как я ехал, как я приехал, кого я увидел, что мне рассказали, куда меня водили, как я уехал» [11]. Такие очерки уже не имели права на существование. По мере

накопления творческого опыта происходило постепенное совершенствование жанра. Очеркисты стремились использовать изобразительные средства художественной литературы. В этом плане наиболее интересны очерки, которые условно могут быть названы художественными в силу определенной типизации событий и образов, той художественно-смысловой нагрузки, которую в них несли различные описания и авторские отступления. Таковы очерки «По тайге» П. Улина [12], «По холодной Чукотке» К. [13], «На Командорах» [14] и «Морской лев» Г. Травина [15].

Не ограничиваясь только информацией, лучшие очеркисты страны стремились выделить в очерке определенную проблему и вокруг нее сгруппировать материал (М. Шагинян, В. Канторович, И. Жига и др.). Созданию проблемного очерка о инонациональной действительности Дальнего Востока в 20-е годы мешали недостаточное знание края, пестрота впечатлений. Зачастую не хватало мастерства в отборе наиболее социально значимых фактов и умения подчинить им проблематику очерка. Так, на уровне ученических опытов остались очерки Д. Хренова «Чукотский полуостров» [16] и П. Гончарова «В страну орочей» [17].

Разумеется, деление очерков на группы чисто условное. Границы этих групп очень подвижны. Одни и те же жанровые признаки встречались во всех очерках, образуя сплав, в основе которого лежал принцип документальности, основной для них. И если в очерке наряду с поэтическим описанием природы было дано этнографически точное описание чукотской яранги или введены статистические данные о площади и населении края, то это не воспринималось как нарушение жанровой природы художественного очерка («По холодной Чукотке» К.). Иногда от свободного повествования о герое и его жизни, близкого по характеру к рассказу, автор переходил к публицистическим приемам: констатировал факт более высокого благосостояния амурских гилияков по сравнению с их собратьями на Охотском побережье, рассказывал о занятии овощеводством («По тайге» П. Улина).

Круг вопросов, поднимаемых в первых очерках, был довольно обширен и охватывал многие стороны жизни малых народов: особые трудности в советизации кочевого населения Чукотки, зависимость благополучия от удачной охоты на морского зверя у алеутов, основные промыслы удэгейцев, положение женщины в национальных районах, тяжелое прошлое народов, их обычаи и т. д.

Авторы некоторых очерков пытались показать те или иные характерные для народа национальные черты, особенности психологии. А. Емельянов в очерке «По Советскому району Приморья» отмечал смышленность удэгейцев, быструю ориентировку в новой для них работе с геодезическими инструментами, их

незаменимость в тайге. Г. Травин, повествуя об аборигенном населении Командорских островов, показывал силу и сноровку алеутов в охоте на морского зверя, отмечая в то же время, как нелегко преодолевались инерция беспечности и религиозный дурман. Почти все очерки рассказывали о том, с каким трудом новое проникало в быт малых народов. Не сглаживая трудности во многом еще неприглядной действительности, авторы останавливались на рассмотрении тех мер, которые могли изменить ее. Так, например, А. Емельянов в названном выше очерке рассматривал занятие удэгейцев и гиляков огородничеством как одно из начал перехода этих народов к оседлости. Появлялась тяга к постоянному жилью вместо юрты. Изменялась складывающаяся веками национальная психология. П. Гончаров («В страну орочей») показал, как орочи долины реки Хор постепенно переставали верить шаману. Жители далеких стойбищ жадно тянулись к знаниям, приветствовали открытие школ и медицинских пунктов. Эти признаки нового не могли, в свою очередь, не влиять и на национальный характер.

Кроме общих рассуждений о национальных особенностях и своеобразии народа в отдельных очерках заметно стремление создать образ конкретного человека, представителя малых народов. В этом отношении не могут остаться незамеченными образы старого гиляка-охотника из очерка М. Поляновского «Люди из стойбищ». Разумеется, это было пока «примеривание» к образу, наброски характера, более или менее удачные. Авторам не хватало мастерства в изображении психологической глубины героев, отсюда и определенная схематичность их. Человек давался еще описательно: его особенности, примечательные качества, «изюминка» в характере констатировались самим автором, герои мало проявляли себя в действии и были статичны. Но важна была сама по себе попытка остановить внимание на отдельном, конкретном человеке.

В некоторых очерках материал был сырым, непосредственное впечатление преобладало над продуманной, организованной подачей его, наблюдения страдали поверхностностью, нередко был акцент на экзотике («Сахалинская новь» М. Поляновского, «Сахалин настоящего» С. Антонович) [18]. Встречались определенные композиционные шаблоны, например использование большинством авторов принципа противопоставления (прошлое — настоящее). Огромная работа предстояла и в области языка: зачастую он был небрежным, изобиловал речевыми штампами. Художественное и публицистическое начала не всегда представляли органический сплав. Однако следует заметить, что происходил процесс первоначального накопления эстетического опыта, для которого некоторое художественное несовершенство весьма закономерно.

Рассматривая первые очерки о жизни народов Дальнего Востока, помещенные на страницах «Красного знамени», необходи-

мо отметить не столько их самостоятельное литературное значение, сколько ту разведывательную роль, которую они сыграли в последующем развитии темы малых народов в советской литературе. Кроме того, эти очерки имели большую познавательную ценность, а социальная важность затронутых в них вопросов и истинно публицистический характер звучания определили их немалую общественную значимость.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Красное знамя», 1925, 28 января.
2. Там же, 1923, 2 октября; 1925, 28 января.
3. Там же, 1923, 1 февраля; 1924, 24 февраля; 1926, 2 марта; 1926, 12 марта; 1926, 14 марта; 1927, 19 октября.
4. **Канторович В.** Очерк. — Словарь литературоведческих терминов. М., 1974, с. 255.
5. **Эльсберг Ж.** Проблемы очерка. — «Октябрь», 1931, № 2, с. 173.
6. «Красное знамя», 1925, 15 ноября.
7. Там же, 1926, 6 ноября.
8. Там же, 1926, 21 ноября.
9. Там же, 1927, 21 августа.
10. Там же, 1927, 28 августа.
11. **Эльсберг Ж.** Указ. соч., с. 180.
12. «Красное знамя», 1927, 20 января; 1927, 4 февраля; 1927, 15 февраля.
13. Там же, 1926, 30 января.
14. Там же, 1926, 12 августа.
15. Там же, 1926, 11 ноября.
16. Там же, 1923, 13 апреля.
17. Там же, 1926, 21 ноября.
18. Там же, 1926, 23 июля.

ЖАНРОВЫЙ СОСТАВ СЛАВЯНСКОГО ФОЛЬКЛОРА ПРИМОРЬЯ

Л. Е. Фетисова

Первыми сведениями о бытовании славянского фольклора в Приморье мы обязаны профессору Государственного дальневосточного университета А. П. Георгиевскому. В 20-е годы нашего столетия ученый отмечал разнообразие видов народного творчества. Наряду с песенными жанрами он называл фольклорные жанры, не связанные с музыкой: предания, сказания и легенды, сказки, заговоры и заклинания [1].

Фольклорные экспедиции, организованные в 60—70-х годах Институтом истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВНЦ АН СССР, Дальневосточным государственным университетом и Дальневосточным институтом искусств, значительно дополнили материалы А. П. Георгиевского и дали возможность более детально охарактеризовать жанровый состав фольклора, характерного для Приморья.

Здесь, как и в ряде других областей страны [2], лучше сохранились всевозможные песенные жанры. Ввиду того, что большинство засельщиков края были выходцами из южных губерний России и левобережной Украины, на территории края заметно преобладание южнорусской и украинской музыкально-поэтической традиции.

В условиях Дальнего Востока некоторые процессы, начавшиеся на местах выхода переселенцев, активизировались и достигли своего логического завершения. Здесь раньше, чем к западу от Урала, были забыты песни, вызванные к жизни особенностями хозяйственного уклада. Таким образом, самым слабым звеном в системе обрядового фольклора оказались песни календарного цикла.

Забвение аграрно-календарных праздников и сопровождавших их песен в центральных и южных областях России было обусловлено утратой веры в магическую силу слова, однако инерция традиции задерживала полное отмирание старинных обрядов. Народный календарь, выработанный многими поколениями земледельцев, не вполне соответствовал специфиче-

ским условиям Приморья, поэтому здесь быстрее отмирали праздники годового хозяйственного цикла. В числе первых были преданы забвению обряды «зеленых святок», осеннего периода и сопутствовавшие им песни (русальские, троицкие, купальские, жнивные, дожиночные и пр.). Долше других бытовали песни зимнего цикла, в особенности те, которые находили поддержку в общем фольклорном фонде данной местности. В первую очередь речь идет о колядках и щедровках, которые по функциям и структуре были близки шуточным свадебным песенкам. Сохраняется в фольклорном репертуаре Приморья и жанр немногострочных величальных песен, встречающихся как в календарной, так и в свадебной обрядности. Короткие обрядовые припевки, характерные для украинского фольклора, особенно популярны в крае.

В местной фольклорной традиции свадебная лирика представлена полнее, нежели аграрно-календарная поэзия [3]. В Приморье наблюдается известная консервация свадебного обряда, в том числе и его песенного сопровождения. В конце 60 — начале 70-х годов текущего столетия были записаны достаточно хорошо сохранившиеся тексты песен, исполнявшихся при выпечке каравая, украшении свадебного деревца, расплетании косы невесты, посадке молодых, проводах новобрачных и т. д.

Особое место в ритуале приморской свадьбы принадлежит жанру причитаний. Свадебные причеты, подобные пространным импровизациям известных русских плакальщиц, не свойственны местной свадьбе. Их функцию берет на себя немногочисленная группа обрядовых песен, исполнявшихся от имени невесты и обращенных к родителям девушки. В них используются художественные приемы свадебной и семейной лирики. На их родство с жанром причитаний указывает лишь характер напева: прерывистая мелодия напоминает интонации плача. Такова, например, песня «Ой, мамонько, да й голубонько» [4], в которой девушка-невеста обращается с упреком к просватавшей ее матери. К этой же группе можно отнести свадебные сиротские песни.

Похоронные и поминальные причитания имеют традиционный характер. Обычно это речитатив. Не скованный рифмой текст дает возможность свободно импровизировать. В европейской России бытовали еще и рекрутские причитания. На Дальнем Востоке плачи по новобранцам не получили распространения, т. к. первопоселенцы освобождались от отбывания воинской повинности в течение десяти наборов [5]. Таким образом, в системе песенного фольклора Приморья похоронные плачи оказались изолированными от других типов причитаний, что привело к разрушению их поэтической системы и отмиранию жанра.

Сравнительно немногочисленной, но довольно своеобраз-

ной является в местном репертуаре группа песен игровых и хороводных. Многие из них своим происхождением обязаны аграрно-календарным праздникам. Постепенно земледельческая тематика была оттеснена на второй план брачной темой, особенно популярными оказались семейные мотивы. Большинство песен утратило связь с обрядами и по характеру бытования примкнуло к песням лирическим. Так, популярные песни «Ты лети, стрела, да вдоль села» [6] и «Сы горы солнце сыка-тилося» [7] раньше сопровождали хороводы весенне-летнего цикла. В настоящее же время многими исполнителями они воспринимаются как лирические произведения о семейной жизни.

Украинцы, проживающие в крае, предпочитают плавным хороводным песням частые плясовые с задорной мелодией («Який бис мени надав другий раз жениться» [8], «Ой, там на току, на базари» [9], «В середу родилася, кажуть людю — горе» [10] и др.), что также сказывается на сохранности хороводно-игрового репертуара в целом по краю.

Наиболее цельный и хорошо сохранившийся пласт приморского фольклора — необрядовая лирика, воплотившая в высокохудожественной форме исторический и поэтический опыт народа. Народная лирика представлена различными традиционными жанрами, а внутри них — разнообразными тематическими группами. Самое заметное место принадлежит любовным песням. Немногим уступают им в популярности песни семейные. Следует назвать хотя бы часть произведений из тех, что известны в крае повсеместно: «Копав, копав криниченьку» [11], «Ой, у поли озеречко» [12], «При лужке, лужке, лужке» [13], «Распрягайте, хлопцы, коней» [14], «За туманом ничего не видно» [15], «Ой, с-за горы-то витер повивае» [16].

Этот раздел народной лирики значительно пополнился за счет балладных песен с традиционными сюжетами: отравление девушкой молодца; похищение и сожжение девушки чужеземцами; вдова и ее сыновья-корабельщики. Особенно популярны баллады о дочке-пташке и о голубке, разлученной с голубем. К народной балладе примыкает группа лирических песен со сравнительно развитым сюжетом.

Помимо крестьянского фольклора в крае бытовали произведения, созданные казачеством, солдатской массой, рабочими, а также другими социальными группами. Поскольку первыми засельщиками края были казаки и штрафные солдаты, казачьи и солдатские песни являются неотъемлемой частью традиционного репертуара славян Приморья. Здесь сохранились старые песни о рекрутчине, о войнах с турками. В некоторых произведениях встречаются упоминания о столкновениях с татаро-монголами. Большой любовью пользуются песни о гибели воина на чужбине. Повсеместно распространена песня «Ой поля, вы, поля» [17], особый трагизм которой заключается в предчувствии солдатом близкой смерти. Популярны также песни

«Ой да ты, калинушка» [18], «Вы послушайте, ребята» [19] и др.

Русско-японская и первая мировая война значительно пополнили новыми произведениями пласт солдатской лирики. Песни «На взморье мы стояли» [20], «Умер бедняга в больнице военной» [21], «Горит свеча, в вагоне тихо» [22], «Ишли два героя с польского фронта домой» [23] и в настоящее время можно услышать от старых фронтовиков. Эти произведения с годами вошли в репертуар женщин, которые были и остаются основными хранителями сокровищ народной песенной культуры.

В солдатской среде были распространены некоторые тюремные песни. Особенно часто исполнялись «Солнце всходит и заходит» [24], «Побег Ланцова» [25], «В воскресенье мать старушка» [26], «Александровский централ» [27]. Песни не содержали прямого революционного призыва, но они родились в среде угнетенных и обиженных и потому были близки солдатской массе.

В период борьбы за власть Советов в Приморье старые солдатские песни получили вторую жизнь. Наряду с ними бытовали революционные песни и гимны. Появилось множество партизанских песен. При их создании народные поэты активно использовали традиционные фольклорные образы и популярные напевы. Песни «На коне вороном выезжал партизан» [28], «Пришла зима, замерзли реки» [19], и особенно «Дуют холодные ветры» [30], «Знаю, ворон, твой обычай» [31] и партизанская «Чайка» [32] известны во всех уголках Приморского края. Партизанский фольклор привлекал внимание многих исследователей. Этот раздел дальневосточного фольклора наиболее основательно изучен [33].

В то же время не менее интересный и самобытный рабочий фольклор Приморья оказался вне поля зрения исследователей. А. П. Георгиевский писал: «Особое место в ДВК занимают создатели промысловых песен — охотники, рыбаки, прискатели, горнорабочие, сплавщики леса, а также так называемые «предприниматели» — контрабандисты, искатели женьшеня и пр.» [34]. По-видимому, многие из песен, которые имел в виду ученый, были произведениями «одnodневками», т. е. в наши дни они в живом бытовании не встречаются. Скорое забвение охотничьих, прискоковых и других песен объясняется не только несовершенством их формы, но и ограниченностью сферы бытования. Постоянно меняющийся состав рабочих, сезонность промыслов также препятствовали становлению прочной фольклорной традиции.

Единственным исследователем, обращавшимся к рабочему фольклору Приморья, является Л. П. Кузьмина [35]. Правда, ею охарактеризован песенный репертуар одной только Партизанской долины и показано формирование фольклорно-

го фонда шахтеров — наиболее организованного отряда приморского пролетариата. Значительная часть песен, записанных в крае, неместного происхождения. Их прочное положение в приморском репертуаре объясняется большей степенью обобщенности по сравнению с локальными произведениями, ограниченными в идейно-тематическом плане. Наиболее известны песни «Шахтер» [36], «Смерть молодого коногона» [37], различные варианты «Дубинушки» [38].

Ранние образцы интонационно-мелодическим строем, системой образов восходили к крестьянской лирике. К этой группе можно отнести известную в многочисленных вариантах песню «Ветер с поля, волны с моря» [39]. Среди песен, возникших в фабрично-заводской среде, были и такие, которые полностью оторвались от традиций крестьянской лирики, но примкнули не к пролетарской поэзии, а к мещанскому творчеству. Такова, например, песня «Пролетарочка» [40]. Некоторое влияние городского романса на песни рабочих и крестьян не случайно. Романсы были распространены не только в городской среде. Через крестьян-отходников они проникали в деревню. Думается, наличие романсов в современном репертуаре нельзя объяснить просто недостаточным развитием эстетическим вкусом певцов. По-видимому, в силу своей близости к профессиональному искусству романс многим исполнителям представляется более высокой ступенью поэтического и музыкального мастерства по сравнению со старыми песнями. Не последнюю роль играет и сюжетность повествования, известная занимательностью изложения событий в романсе и новой балладе. Однако, несомненно, это направление в фольклоре не получает дальнейшего развития.

Продуктивным жанром в современном репертуаре остается частушка. Тематическое многообразие, историческая конкретность содержания при отточенной и одновременно простой форме обеспечили этому жанру необычайную популярность. Частушка оказалась связующим звеном между старыми фольклорными формами и новейшим творчеством. Она органично вошла в состав свадебного церемониала, потеснив традиционные песни. В Приморье частушка является не только отражением народной жизни, но также своеобразным средством духовного общения между людьми разных национальностей, носителями различных обычаев и поэтических традиций.

Характерной чертой местного песенного репертуара является преобладание в его классической части украинской фольклорной традиции, тогда как произведения позднего происхождения (романсы и новые баллады, часть солдатской лирики, партизанские песни, частушки) представлены преимущественно русскими образцами. В такой редакции они бытуют среди русских, украинцев, белорусов Приморья. Сложение местной традиции подчинялось общим закономерностям развития фоль-

клора на стыке русской и украинской культур. Неудивительно поэтому, что в приморском фольклорном фонде обнаруживаются те же песенные связи, что и в репертуаре русско-украинского пограничья европейской части СССР [41].

Что касается народной прозы, то по сравнению с песенным фольклором она гораздо менее изучена. Полевые сборы свидетельствуют о том, что жанры устной прозы (сказки, предания, легенды) не занимают значительного места в фольклорной традиции Приморья. Здесь, как и в песенном репертуаре, заметен процесс сближения различных жанров. Так, неустойчивы границы между отдельными типами преданий и устными рассказами. В первую очередь это относится к историческим преданиям, в основу которых положены имена реальных лиц, истинные происшествия.

Жанр устного рассказа наиболее полно представлен в наших записях. От старожилов края были записаны передававшиеся из поколения в поколение рассказы о тяжелой доле крестьянина в эпоху крепостного права [42]. Более короткую историю имеют рассказы об освоении края и жизни первопоселенцев. В них содержатся интересные сведения об особенностях семейного и хозяйственного уклада первых засельщиков края [43]. Бытовали устные рассказы, в которых нашли отражение тяготы шахтерского труда, условия жизни и труда крестьян-отходников [44].

Широкое распространение получили рассказы, относящиеся к периоду борьбы за Советскую власть в Приморье. Многие из них посвящены героям-дальневосточникам. Некоторые приобрели полулегендарный характер. К ним относятся, например, многочисленные рассказы о Сергее Лазо [45]. Значительная часть произведений устной прозы содержит воспоминания о бесчинствах интервентов и белогвардейцев [46].

Из рассказов о событиях сравнительно недавнего прошлого заслуживают внимания повествования о коллективизации в приморской деревне [47]. Хотя в художественном отношении устные рассказы далеко не равноценны, несомненно, что этот вид творчества представляет интерес для исследователя.

Сказочная традиция на общем фольклорном фоне выглядит довольно слабо развитой. На ее затухание указывает малое число сказителей, ограниченное количество сюжетов, слабая сохранность текстов, особенно волшебных сказок. Ведущая роль принадлежит авантюрно-новеллистическим и сатирическим сказкам. Среди новеллистических сказок наиболее популярны произведения о разбойниках, среди сатирических — о глупых женах. Отдельные эпизоды сатирико-бытовых сказок (в особенности о неверных и глупых женах) могут оформляться в произведения анекдотического характера и бытовать самостоятельно.

Отдавая должное эстетической и исторической ценности фольклорного наследия, не следует забывать о том, что отдельные произведения были вызваны к жизни суеверными заблуждениями. Таковы, например, былички, или рассказы о нечистой силе, поверья о заколдованных кладах и т. д. Отрадно, что многие информаторы не поддаются суеверию, их привлекает лишь занимательность повествования. Эти образцы фольклора требуют особенно осторожного подхода со стороны собирателей.

Как видим, в Приморье сформировался разнообразный в жанровом отношении фольклорный репертуар. Степень участия различных жанров в сложении местной традиции была далеко не одинаковой. В каждом конкретном случае сохранность жанра зависела не только от того, насколько он приспособлен к новым условиям, но также от того, какое место принадлежало ему в системе фольклорных жанров данного региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Георгиевский А. П. Русские на Дальнем Востоке. В. 4. Фольклор Приморья. Труды Гос. дальневост. ун-та, сер. 3. Владивосток, 1929, № 9, с. 10.
2. Русский фольклор. Материалы и исследования, т. 4. М.—Л., 1959; т. 5. М.—Л., 1960; т. 6. М.—Л., 1961; т. 9. М.—Л., 1964; т. 13. М.—Л., 1972 и др. Современный русский фольклор. М., 1966. Вопросы литературы и фольклора. Воронеж, 1969. Современное состояние народного творчества. Программа конф. и тез. докл. Л., 1970. Фольклор и литература Урала. Пермь, 1971. Фольклористика Российской Федерации. Л. 1975; и др.
3. Свиридова Л. М. Восточнославянские традиционные народные песни в Приамурье и Приморье. АКД. Новосибирск, 1973, с. 14.
4. Архив ДВНЦ АН СССР, ф. 13, оп. 1, д. 22, л. 67.
5. Осипов Ю. Н. Ход русской земледельческой колонизации Дальнего Востока в конце XIX — начале XX в. — Вопросы истории, философии, географии и экономики Дальнего Востока. Мат-лы IX конф. молодых ученых. Владивосток, 1968, с. 204.
6. Архив ДВНЦ АН СССР, ф. 13, оп. 1, д. 22, л. 117.
7. Там же, л. 118.
8. Там же, ф. 1, оп. 6, № 143, л. 66.
9. Там же, л. 14.
10. Там же, л. 10.
11. Там же, № 133, л. 119—120.
12. Там же, ф. 13, оп. 1, д. 2, л. 47.
13. Там же, л. 48.
14. Там же, л. 49.
15. Там же, д. 9, л. 105.
16. Там же, ф. 1, оп. 6, № 143, л. 40.
17. Там же, ф. 13, оп. 1, д. 2, л. 58.
18. Там же, л. 57.
19. Там же, д. 22, л. 121—122.
20. Там же, ф. 1, оп. 6, № 143, л. 53.
21. Там же, л. 51—52.
22. Там же, № 133, л. 110.
23. Там же, ф. 13, оп. 1, д. 2, л. 59.
24. Там же, ф. 1, оп. 6, № 143, л. 53.
25. Там же, № 133, л. 109.
26. Там же, ф. 13, оп. 1, д. 2, л. 112.
27. Там же, л. 63.

28. Тропами таежными. Песни и частушки гражданской войны на Дальнем Востоке. Хабаровск, 1969, с. 57.
29. Там же, с. 40.
30. Архив ДВНЦ АН СССР, ф. 13, оп. 1, д. 2, л. 41.
31. Там же, оп. 6, д. 9, л. 81.
32. Там же, ф. 1, оп. 6, № 143, л. 12.
33. ГАХК, ф. 537, д. 55, л. 13—15. Партизанские песни ДВК; Соколова А. Материалы для изучения партизанской поэзии. (Песни и причитания).— «Сибирская живая старина», 1926, вып. 1 (V), с. 159—162; Крекотень П. Г. Песни дальневосточных партизан.— Ученые труды Благовещенского гос. пед. ин-та им. М. И. Калинина, 1941, т. 2, с. 25—62; он же. Фольклор гражданской войны.— «Амурская правда», Благовещенск, 1941, 19 января; Константиновский Я. А. К вопросу о происхождении песен дальневосточных партизан.— Вопросы истории, философии, географии и экономики Дальнего Востока, с. 315—320; Обшарина Е. С. Частушки периода становления Советской власти на Дальнем Востоке.— Там же, с. 308—315; она же. «Песни-переделки» и их бытование на Дальнем Востоке.— Труды ДВФ СО АН СССР. Сер. ист., т. 8, Владивосток, 1971, с. 132—133.
34. Георгиевский А. П. Русские на Дальнем Востоке, с. 13.
35. Русский фольклор Сибири. Улан-Удэ, 1972, с. 14—90.
36. Архив ДВНЦ АН СССР, ф. 1, оп. 6, № 136, л. 33.
37. Русский фольклор Сибири. Улан-Удэ, 1972, с. 73.
38. Песни борьбы. Хабаровск—Владивосток, 1924, с. 20—22.
39. Архив ДВНЦ АН СССР, ф. 1, оп. 6, № 133, л. 86.
40. Там же, № 143, л. 54—55.
41. Сухобрус Г. С. Основные черты общности русско-украинского народнопоэтического творчества.— «Сов. этнография», 1954, № 2, с. 60—68; Плисецкий М. М. Взаимосвязи фольклора донского и запорожского казачества. (К вопросу о развитии русско-украинских фольклорных взаимоотношений).— Там же, № 3, с. 19—25; Гудошников Я. К. Бытование украинских народных песен в селах Воронежской области. (Современный репертуар).— Вопросы литературы и фольклора. Воронеж, 1969, с. 196—205.
42. Архив ДВНЦ АН СССР, ф. 13, оп. 1, д. 22, л. 133.
43. Там же, л. 28.
44. Там же, ф. 1, оп. 6, № 133, л. 66—67.
45. Рукописный фонд сектора филологии Ин-та истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВНЦ АН СССР. Полевые сборы автора 1973 г.
46. Архив ДВНЦ АН СССР, ф. 13, оп. 1, д. 22, л. 29.
47. Там же, ф. 1, оп. 6, № 133, л. 30—33.

СОДЕРЖАНИЕ

Сем Л. И., Сем Ю. А. XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза, итоги и задачи изучения истории и культуры народов Дальнего Востока СССР

3

История, этнография, искусство

<i>Сем Ю. А.</i> Советская историография малых народов Дальнего Востока	22
<i>Кочешков Н. В.</i> Декоративное искусство монголоязычных народов XIII — середины XX в. как исторический источник	43
<i>Карабанова С. Ф.</i> Современное танцевальное искусство народов Амура и его особенности	53
<i>Подмаскин В. В.</i> Времяисчисление у удэгейцев	62
<i>Гонтмахер П. Я.</i> Художественная обработка металла у нивхов	71
<i>Старкова Н. К.</i> Рыболовство и орудия промысла у ительменов (конец XIX — начало XX в.)	75
<i>Старцев А. Ф.</i> Рыбная пища удэгейцев и способы ее приготовления	81
<i>Гаер Е. А.</i> Магическое лечение у нанайцев	88
<i>Соломонова Н. А.</i> Некоторые особенности музыкального фольклора народов Приамурья	94
<i>Сем Л. И.</i> Вклад П. П. Шмидта в изучение культуры народов советского и зарубежного Дальнего Востока	100
<i>Шульгина Т. С.</i> К. Д. Логиновский как исследователь народов Дальнего Востока	109
<i>Демидова Е. Г.</i> Исследования Бертольда Лауфера на Сахалине	116

Лингвистика, фольклор, литература

<i>Киле Н. Б.</i> Задачи изучения образных слов	125
<i>Недялков В. П., Отаина Г. А.</i> Стативы от интранзитивов в нивхском языке	134
<i>Певнов А. М.</i> Эвенкийское деепричастие на -ми в ирреально-и реально-условных предложениях	142
<i>Хасанова М. М.</i> О происхождении некоторых форм императива в эвенкийском языке	147
<i>Пономарева А. И.</i> Первые очерки о народах Дальнего Востока (по материалам газеты «Красное знамя» 1922 — 1927 гг.)	151
<i>Фетисова Л. Е.</i> Жанровый состав славянского фольклора Приморья	156

КУЛЬТУРА НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА СССР (XIX—XX вв.)

Редактор *Ю. И. Романенко*

Техн. редактор *Л. С. Гришнина*

Художник *Л. Ф. Литвишко*

Корректоры *А. Б. Зельманова, Е. А. Рамм*

ВД 02041. Сдано в набор 25/V 1978 г. Подписано к печати 19/X 1978 г.
Формат 60×90/16. Бумага тип. № 1. Усл. печ. л. 10,25. Уч.-изд. л. 10,9:
Тираж 600. Цена 1 руб. 60 коп. Заказ 4257

Редакционно-издательский отдел Дальневосточного научного центра
Академии наук СССР
690600, Владивосток, Ленинская, 50
Полиграфический комбинат Управления издательств, полиграфии и книжной
торговли Приморского крайисполкома
Владивосток, Океанский пр., 69